

Монолог перед лицом сына

Михаил Григорьевич Ивасюк

Биографическая повесть Михаила Григорьевича Ивасюка о своем сыне — гениальном композиторе Владимире Ивасюке. Книга охватывает весь период жизни Владимира — со дня рождения до последних дней жизни. Вы детально узнаете о детстве Володи, школьных и институтских годах, об увлечении музыкой и музыкальными инструментами, особенно скрипкой. Прочитаете об отношениях в семье, которые Владимир ставил себе в идеал. Отец рассказывает, как Володя писал свои песни, как к нему тянулись люди. Также он рассказывает, как прошли похороны его сына, какие мытарства они с матерью испытали уже после его смерти, какие преграды ставила власть на последнем пути композитора.

Эта редакция содержит повесть и предисловия к первому и второму печатным изданиям. Подготовлено по изданиям:

ISBN 966-7577-40-6

М. Г. Івасюк. Монолог перед обличчям сина. — Чернівці, Золоті литаври. 2000 рік. 205 сторінок

ISBN 966-7101-36-4

Михайло Івасюк. Монолог перед обличчям сина. — Чернівці. Молодий буковинець, 2007 р. — 224 с.: іл. 16 с.

Электронная версия книги подготовлена
«Страницами памяти Владимира Ивасюка»
www.ivasyuk.org.ua

Дата генерации файла: 17 августа 2010 г.

Осталась отцовская печаль

Предисловие к первому изданию

Слово к читателю

Итак, дорогой читатель, у тебя в руках повесть «Монолог перед лицом сына». Слишком долгая ее дорога к тебе, что и нуждается в некоторых объяснениях, уточнениях, толкованиях.

В жизни Михаила Ивасюка было немало несправедливости: он родился в небогатой крестьянской семье, и его старшие братья вынуждены были эмигрировать в Канаду на заработки. Чтобы получить образование, Михаилу Григорьевичу приходилось тяжело работать, зарабатывая уроками то на жилье, то на учебники. Была и надежда на обучение в Сорбонне, однако угроза попасть на фронты второй мировой войны в составе румынской армии заставила бежать на Советскую Украину, а это закончилось семью годами Гулага. Удивительно, что он не сдался, не сломался в послевоенные годы — гарантом этого были его удивительная мама, Александра Васильевна, и нежная, самоотверженная и смелая жена, София Карякина, которая имела мужество полюбить бывшего «зека».

Все, о чем мечталось в юности родителям, должны были осуществить их дети, особенно же Володя, фантастически талантливый от природы, трудолюбивый и красивый мальчик. Однажды, когда Володе было 14 лет, учитель музыки Юрий Визнюк перед Михаилом Григорьевичем очень хвалил сына, на что отец ответил: «Мой сын — как большинство его ровесников. Просто я с ним работаю вот уже девять лет, а другие родители полагаются на школу».

В этом была большая правда, так как все важнейшее, интереснейшее Володя узнавал от своего Папы. Дружба между отцом и сыном, которая рождалась с самых начал Володиной жизни, была незыблемой, нежной. Отец и сын любили, уважали, ценили друг друга, помогали друг другу во всех делах. Возможно, что на каком-то этапе сын даже больше помогал отцу. Так Володе мечталось, чтобы по роману М. Ивасюка сняли фильм. И он серьезно опекался этим делом. А Михаил Григорьевич с гордостью рассказывал, как в 1978-м в Пицунде Володя, чтобы дать возможность отцу хотя бы немного полюбоваться Кавказом, написал два последних раздела романа «Балада про вершника на білому коні» («Баллада о всаднике на белом коне»).

Гибель Владимира Ивасюка в мае 1979 года положила край многим надеждам отца. Потеря была тем трагичнее, что Владимир умер не от болезни, не в драке или аварии, а был подло убит. Как утверждают московские следователи Елена Клепникова и Владимир Соловьев, *«На глазах у почитателей был силком посажен в машину КГБ и отвезен в неизвестном направлении известный украинский композитор Владимир Ивасюк, а через месяц его труп со следами жестоких истязаний нашли повешенным в лесу, который огораживал правительственные дачи и который охраняли специальные отряды госбезопасности»*¹.

¹О. Клепникова, В. Соловьев. Заговорщики в Кремле. — М., 1992, — с. 79.

Но и это было не все. Погибшего любимца миллионов людей, в самоубийство которого поверить было тяжело, официальная власть дискредитировала, как только могла, приписав ему чуть ли не все человеческие недостатки и грехи.

Михаил Ивасюк в отчаянии писал осенью 1979-го:

Сорочку випрала в отруті Несса
І сина мого в неї зодягла,
Тепер у п'яному кипінні зла
Шпурнула його ім'я під колеса
Чинівницької колимаги й плеса
Важкої тиші й бруду розлила,
Щоб знищити його сліди дотла,
Аби й луна його душі не скресла.

Он и задумал написать повесть о сыне, чтобы сказать о нем правду. Во времена правления Брежнева, Андропова, Черненко это было сделать непросто, даже невозможно. Лишь в 1987 году М. Ивасюк сдал рукопись в журнал «Октябрь». Однако и то, что он написал, пришлось сокращать, корректировать, «чистить». Сегодня молодое поколение не может поверить в то, какое духовное ярмо нависало над каждым в 70–80 годы. Будете читать «Монолог перед лицом сына», — ощутите.

Естественно, что в повести есть ярко выраженное чувство сильной, безоговорочной любви отца к сыну. Иначе и не может быть! Но — и это особенно ценно — сквозь родительскую любовь просматривается стремление дать объективную, непредубежденную оценку как творчеству Владимира Ивасюка, так и тем людям, событиям, с которыми связан композитор. Не следует пересказывать содержание произведения. Следует только подчеркнуть, что автор сумел осилить собственную боль, пересилить отрицательное отношение к определенным лицам и представить читателю образ не сына Володи, а одаренного композитора Владимира Ивасюка, который для украинской культуры значил, наверное, не меньше, чем Василий Стус или Алла Горская так как его песни, которые пел весь мир (это без преувеличения — свидетельств тому немало в архиве мемориального музея Владимира Ивасюка), возвращали украинцам самоуважение, гордость, пренебреженную теми, кто называл себя интернационалистами, а на самом деле был без рода и племени.

Обрати внимание, читатель, если ты отец или мать, на то, как воспитывали Володю в семье, как учили его жить среди людей. А если ты человек, склонный к художественному творчеству, — как Володя работал и учился, каким требовательным был к себе.

«Монолог перед лицом сына» приходит к читателю в таком виде, в котором Михаил Ивасюк подготовил повесть к печати в 1991 году. К сожалению, выдать ее тогда не удалось. Был бы живой писатель, он бы, конечно, не крылся со своими мыслями, не сдерживал свое перо из-за того, что книгу будет читать цензор и вычеркнет тот или другой абзац. Тем не менее, ценность повести в том, что на сегодня это самый полный рассказ о жизни нашего выдающегося композитора.

И можно только удивляться, восхищаться мужеством человека, который, подарив миру такого композитора, сумел сделать это еще раз на страницах своей удивительной книги.

*Прасковья Нечаева
первый директор мемориального музея Владимира Ивасюка*

Тяжелое приданое гения

Предисловие ко второму изданию

...Весна в 1979 году во Львове выпала болезненно тревожная. Только на расстоянии годов начинаешь осознать, что пришлось тогда пережить. Глубина трагедии на расстоянии времени только делается выразительнее. 24 апреля, приблизительно о полдень, едва ли не в центре города, возле консерватории, исчезает самый популярный в то время композитор, автор легендарных «Червоной руты» и «Водограя» Владимир Ивасюк. Его, по некоторым источникам, силой сажают в машину работники КГБ и вывозят в неизвестном направлении, а следовательно вроде бы усиленно разыскивают соответствующие карательные органы. Но почти в течение месяца не могут найти. Как ни скрывает от народа правду лицемерная коммунистическая власть, но ее знают все небезразличные. Аж наконец 18 мая тело Владимира Ивасюка находят подвешенным на буке в Брюховецком лесу, на территории военной части. Похороны 22 мая (заметьте, это же день перезахоронения Тараса Шевченко!) тоже держатся в большой тайне, но он собирает, по данным отца Михаила Григорьевича, «свыше 50 тысячи лиц», и перерастает в молчаливый многолюдный протест, которого до того не знала лживая советская система, против расправы власти над великим творцом, против своеволия и вседозволенности партийного чиновничества во главе с тогдашним генсеком Брежневым.

Во Львове семидесятые были обозначены гиперусиленным вниманием к наименьшим проявлениям любого национального патриотизма. Скажем, только в 1973 году из Львовского университета имени И. Франка «за национализм» было отчислено 15 студентов. Велись неофициальные надзоры за деятельностью всевозможных общественных организаций. Мне, в частности, как главе литературной студии «Кузница Франко», действовавшей при этом ВУЗ, приходилось не раз отвечать перед карательными органами за патриотические поступки литстудийцев. Но слежка велась и на бытовом уровне, о чем убедился во время вызова в КГБ. На доносе увидел очень знакомые фамилии. Разве иначе творилось в консерватории и других учебных заведениях тогдашнего Львова? Атмосфера господствовала ужасная. Потому что говорю только о том, что сам пережил. Но совершались и репрессии, судебные процессы, от которых никто не был застрахован.

А еще осенью в 1978 году мне посчастливилось побывать на творческом вечере Владимира Ивасюка в львовском клубе творческой молодежи, где собственными глазами убедился, как уважает и любит молодежь своего кумира, как исполняет его песни на всех пространствах «необъятной Родины». Неслыханно прогрессирует его популярность. Рождаются новые шедевры, в том числе инструментальные произведения. И вдруг громом среди ясного неба — «самоубийство», предварительное заложенное в неслыханное в те времена преступление, чем-то четко спланированное и не менее тщательным образом реализованное.

Говорить правду всегда тяжело, даже тогда, когда это уже разрешено. Говорить правду о судьбе Владимира Ивасюка в стократ тяжелее. А где та правда? Кем и на каких основаниях она присвоена и до сих пор закрыта за семью замками? Не согласишься, читатель, со мной? Тогда мне придется говорить более болезненные

слова. Извини меня.

Впервые в мои руки попала рукопись повести писателя Михаила Ивасюка «Монолог перед лицом сына» весной, но уже 1987 года, то есть почти 10 лет после трагической гибели Владимира. Он как раз готовил ее к публикации в журнале «Октябрь» (теперь «Звон»). Нам удалось убедить писателя дать фрагменты этого произведения в буковинском журнале «Молодой буковинец», который в свое время поместил первую публикацию о молодом композиторе и его «Червоную руту». Поскольку я инициировал публикацию документальной повести, то и готовить ее к печати тоже пришлось мне. На страницах газеты появилось 18 подач с 29 августа по 14 ноября 1987 года. Читали ее буковинцы с большим вниманием. Ведь это впервые все мы имели возможность так много и правдиво читать о любимом и в те времена композиторе, правда, чуть ли не на целое десятилетие неофициально запрещенном с известно чьего благословения. Об этом откровенно и остро пишет Михаил Григорьевич в «Монологе...». Вспоминаю времена сотрудничества с писателем. Так как знакомил его с каждой газетной публикацией. Он очень старательно относился к моей правке, как равный с равным. Мы совместно подыскивали фотографии к каждой публикации. Меня чрезвычайно поразило то, как М. Ивасюк хранил все о своем сыне Владимире: фотоальбомы, публикации, письма, другие документы. Я еще тогда подумал, это же готовые материалы для будущего музея, который откроют в Черновцах аж в 1996 году, в той же квартире, где жил композитор перед переездом во Львов и где мы так часто встречались с его отцом Михаилом Григорьевичем.

Понятно, буковинская столица конца восьмидесятых уже жила совсем другой жизнью. Она была потрясена, как и вся Украина да и мир, алопецией болезнью, секреты которой не знаем и до сих пор, хоть и власть изменилась, и ситуация тоже. Но даже она не могла сдержать мощного духовного сдвига среди украинства, которое проснулось и уже не имело намерения впадать в бездуховную спячку. И чуть ли не первым мощным детонатором для общечеловеческого сопротивления против коммунистического режима стал славный песенный фестиваль «Червоня рута» в Черновцах. За год до его проведения я брал интервью у Михаила Григорьевича для газеты «Молодежь Украины», где среди другого переспросил его и о том, не время ли пролить правду о трагической гибели композитора, на что отец скромно ответил: «Нет, еще не время, но оно обязательно наступит». Действительно, тема эта тогда еще не созрела потому что даже вопрос не вошел в газетную публикацию.

С особенным трепетом вспоминаю сентябрьские фестивальные дни и сожалею, что с чьей-то руки «Червоня рута» стала «кочующей». С каждым годом, отдаляясь от своей столицы Черновцов, она понемногу теряет дух и призвание. Тогда я возглавлял первую и последнюю фестивальную ежедневную газету «Червоня рута» где журналистскими усилиями помогали певцам и музыкантам будить еще краснознаменную Украину. Во второй раз уже после своей трагической кончины Владимир Ивасюк поднимает народ на сопротивление той власти, которая способствовала его уничтожению. Чем же добилась своего? Мы еще не раз с семьей Ивасюков возвращались к этой теме, так как она даже на расстоянии времени не перестает болеть. Поднимались вопросы и из наивысших государственных трибун, но правда остается недоступной, как и само следственное дело под номером 270, которое, по разным источникам, якобы перекочевало почему-то в Москву, хотя должна была бы, хотя бы копия, сохраняться в Черновицком мемориальном музее Владимира Ивасюка.

Хотя, с другой стороны, новая власть кое-что и поправила после своей предшественницы. В частности, Владимиру присуждено (посмертно) высокое звание лауреата Национальной премии имени Тараса Шевченко в 1994 году, то есть спустя почти двадцать лет после того, как ее получили творцы представления Львовского драматического театра имени Марии Заньковецкой за представление «Знаменосцы» по роману Олеса Гончара, прекрасную музыку к которой написал именно Ивасюк, и которая, по высказыванию Олеса Терентиевича, спасла всю постановку. На большее пока еще наша родная украинская власть не способна.

«Монолог перед лицом сына» выдерживает в настоящее время второе переиздание. И в первую очередь потому, что этого требуют читатели, посетители мемориального музея. Потому что даже невзирая на то, что Михаил Григорьевич, понятно, в начале девяностых далеко не все еще мог сказать в своей книге, (5 февраля 1995 года его не стало), а первое издание увидело мир уже после его смерти в 2000 году, книга не потеряла свою ценность. Она не только глубже всего и правдивее всего освещает для нас жизненный и творческий путь гениального композитора, поэта, музыканта, художника, личности, которая с первых своих творческих шагов осознавала всю тяжесть и ответственность своей судьбы. В ней полнее всего описана работа над большинством песенных и музыкальных произведений. Автор детально останавливается и на нереализованном по известной причине замысле — написанием оперы «Дарина», которая должна была стать дипломной работой воспитанника Львовской консерватории. Новое издание существенно дополняют фотоматериалы. Кстати, сам Владимир был талантливым фотографом, а еще, как недавно удалось установить работникам мемориального музея, и оператором и режиссером. В музее сохраняется много киноплёнок, где зафиксированы уникальные кадры, на которых — и гениальный Иван Миколайчук, и писатели Буковины, которые дружили с Михаилом Ивасюком.

Переиздание «Молога...» predeterminedено еще и тем, что в настоящее время мы продолжаем жить вчерашним днем. Более того, в реакционной, то есть коммунистической нынешней прессе, еще находится место для лживой выдумки и инсинуаций по поводу трагической гибели Владимира Ивасюка, который якобы не выдержал груз славы и финансового избытка, потому и повесился. Правда, в 1994 году увидело мир и исследование журналиста Ивана Лепши «Жизнь и смерть Владимира Ивасюка», где обстоятельно и профессионально рассмотрены страницы жизненного и творческого пути композитора, изучено судебное дело, сделаны самостоятельные расследования, на основании которых автор делает вывод, что версия самоубийства была предварительно сфабрикована тогдашней властью и навязана всем, кто уважает имя гениального творца. Немного неоднозначно книгу воспринял Михаил Григорьевич из-за отдельных личностных утверждений журналиста. Но на сегодня это самое полное и самое обстоятельное исследование, от которого могут отталкиваться другие авторы, продолжая сложное и ответственное дело.

«Монолог...» выходят в свет еще и в 90-летие величайшего писателя, научного работника и общественного деятеля, который также не очень глубоко исследован, изучен и издан. Эта книга принадлежит к его самым дорогим трудам, в которую он вложил не только собственный талант, глубокую родительскую мудрость, но и неизлечимую боль наибольшей потери, с которой так и не мог смириться при жизни. Так проникнемся же и мы им, потому что боль, разделенная хотя бы пополам, настолько же становится легче и осознаннее, перерастает в чув-

ство достоинства и гордости за сохраненное нами великое имя гения.

Мирослав Лазарук
директор Мемориального музея Владимира Ивасюка

Раздел первый

Зиме, кажется, нет конца. Уже начало марта, а снега метут, как сумасшедшие. Насыпано столько, что люди словно не ходят, а плавают в белом озере, разлитом между домами. Наш районный городок Кицмань погряз по самый пояс. Из дома это хочется нос высовывать. Ни пройти, ни проехать, зима как бы сводит с нами какие-то давние счеты. Но я с легкостью прохожу по тем сугробам — словно лечу, еле касаясь их обувью. Я молодой, встревоженный, счастливый ожидаю ведь сына: моя жена в родильном доме. Но я ей ни пол слова о том, что жду сына. Говорю, что буду рад, если родится и дочка.

Бегаю по тем снегам в больницу, а в голове все время выныривает хорошее, мелодичное имя — Владимир, Володька... Его имеют два поэта, какими я давно восхищаюсь — Владимир Самойленко и Владимир Сосюра.

Я преподаю французский язык в Кицманской средней школе. Окончил лицей в Черновцах, во время войны учился на курсах средних медработников в глубоким тылу, работал фельдшером, но в послевоенные года это поступил в Черновицкий медицинский институт, хоть и имел прекрасную характеристику-рекомендацию. Я люблю литературу, филологию. Кроме того, хочу работать, чтобы это быть зависимым от братьев, это жить на содержании матери. Жена моя, Софья Ивановна, родом из Запорожской области, после возвращения из эвакуации закончила Бердянский учительский институт, приехала на Буковину и работает инспектором школ Кицманского района. Теперь мы вместе учимся заочно на филологическом факультете Черновицкого университета. Через полтора месяца я буду защищать дипломную работу. А жена еще это скоро...

Хожу вокруг родильного дома, заглядываю с трепетом в глаза знакомым медикам, но никто это говорит мне ничего. Никого из них это прошу, чтобы провели меня в середину. Один-единственный раз жена вышла в соседнюю комнату, и мы перекинулись несколькими словами о самочувствии и домашних делах. Медсестра, женщина уже в годах, выпроводила меня, говоря вслед:

— Эти мужчины такие нетерпеливые и настырные, что спасу от них нет. Думают, что родить ребенка — это раз-два... Зря хлопают дверью и снега наносят.

Не говорю ни слова. Медсестра права. Тут должен быть порядок, нельзя вести себя, как на вокзале.

У меня первый урок. Я немного рассеян. Стою перед классом, а мысль где-то там. Мне слышится крик ребенка, и я улыбаюсь классу. При опросе не ставлю плохих оценок, даже троек не ставлю — пусть у детей будет радостно на душе в этот день. Имею, наверно, необычный вид.

Слышится стук в двери. Выхожу. Передо мною стоит парторг школы, учитель химии Елена Васильевна Цибульская. Она пытается быть важной, но не может загасить лукавые искорки в голубых глазах.

— Почему вы еще тут? — кинула укорительным тоном.

— А где мне быть?

— У вас родился сын...

Я вздрогнул, будто от удара током. Наконец-то!

— Не тратьте времени, Софья Ивановна, наверное, вас ждет. Уроки заменим — вам теперь не в них.

Тороплюсь в учительскую. Да, да, теперь мне не в них. Радость усиливается тогда, когда она отзывается эхом и в людских сердцах. Не помню, как я шел по высоким сугробам, кажется, что они расступались передо мною, предоставляя мне дорогу. Я шепотом повторяю имя своего сына. Какой он из себя? Какие глазки, носик, губки? Я сейчас его увижу... А ты, метель, не дуй в лицо, ведь ты мне не страшна. Могу даже расстегнуть рубашку на груди — гневись, бей по ним своим холодом, но я ничего не почувствую — в моем сердце столько тепла, что от него и лед растает...

На меня напялили какой-то халат и впустили в палату. Прикасаюсь устами побледневшего лба уставшей матери и стаю, очарованный перед сыном. Медсестра берет его осторожно на руки и, глянув на меня, говорит:

— Возьмите, подержите немного. — Потом добавляет: — А теперь идите отсюда, если вас увидит руководство, то мне достанется.

Я подержал на руках сына, подаренного мне судьбой утром четвертого марта сорок девятого года... На следующий день рано утром просыпаюсь. Бреюсь. Нужно же быть свежим, чистеньким, каким должен быть мужчина, у которого уже есть сын. Но вот в сенях слышится топот, кто-то струшивает и обметает снег с обуви. Короткий стук, и в то же мгновение двери открываются. На пороге появляется врач Марина Денисовна.

— Добрый день вашему дому! — здороваюсь грубоватым, похожим на мужской, голосом.

— Рады вас приветствовать, Марина Денисовна... — И прошу ее присаживаться.

— Я ненадолго... Иду с ночного дежурства. Зашла только сказать, что вас постигла большая беда.

— Беда-а-а?! — почти выкрикиваю удивленно. — О чем это вы, Марина Денисовна?

— Вы должны быть мужественным, Михаил Григорьевич. Не имеете права упасть духом. Несчастье же ваше большое. Вашему сыну выпекли глаза.

В комнате вдруг потемнело, словно меня неожиданно ударили чем-то тяжелым по голове. Нет, не нужно, Марина Денисовна, смилуйтесь. Зачем вы так громко произносите такую страшную вещь? Разве я смогу перенести ваши убийственные слова? Даже во сне... Нет, не нужно...

— Я вас не понимаю, — кидаю, хотя я все понял. — О чем это вы?

— Говорю же, что после рождения вашему сыну закапали глаза ляписом, то есть аргентум нитрикум, но не двухпроцентным, а двадцатипроцентным. Это очень сильный раствор.

— И что теперь? — спрашиваю, надеясь, что она скажет что-то утешительное.

— Все от вас зависит, — говорит, не сводя с меня глаз. Они серые, пепельного цвета, холодные и категоричные.

— Это вы серьезно? — Бритва выпадает из моих рук. Смотрю, словно через густой туман, на эту женщину, которая будто бы пришла из потустороннего мира пугать меня. Вытираю полотенцем мыло с подбородка. Пол шатается под ногами, меня трусит какая-то неумолимая лихорадка... Хочется просить Марину Денисовну, чтобы призналась, что все это неправда, неумелая шутка, попытка разыграть меня, проверить мои чувства.

— Должны немедленно ехать в Черновцы и привезти профессора Радзиховского. Это прекрасный специалист-окулист. Мы с мужем учились у него. Только он может спасти зрение вашего сына. Только он... Поезжайте, каждая минута дорога. Профессор Радзиховский, хорошо запомните! Борис Леонидович. Меня прислала доктор, чтобы вам это передать. До свидания!

Врач выходит. Остаюсь среди комнаты совсем сбитый с толку, в голове шевелится въедливая мысль: врачи наделали беды своей нерадивостью и, когда нужно выйти из нее с честью, посылают за отцом — поезжай немедленно за профессором, если хочешь иметь зрячего сына, их хата с краю... Спасение ребенка от совершенного ими же злодеяния не входит в их обязанности. Разве профессор Радзиховский послушает в такую непогоду какого-то скромного учителя из провинции? Я до сих пор не могу понять, почему врач приняла совершенно нейтральную позицию в то время, когда она, заведующая родильным отделением, совершила преступление.

Перевожу взгляд на свою маму — у нее мелко дрожат уста, скулы блестят от слез. Не говорю ей ничего, ведь к горлу подступил клубок. Чувствую, что вот-вот расплачусь. Удар ужасный, нечеловеческий. Надеваю пальто, беру деньги и, ничего не говоря, выбегаю из дома. На улице сумасшедшая метель. Ветер больно бьет, прошивает мое демисезонное пальто. Каждая снежинка словно впивается в лицо. Но мне не до этого. Плечусь вслепую в больницу, чтобы убедиться, правду ли сказала Марина Денисовна. Перепрыгиваю через сугробы, словно это приносит мне удовольствие. Снег облепляет мне лицо и в то же мгновение растает от слез. Не могу их сдержать. Воображение рисует моего Володю уже взрослым. Он не будет видеть ничего на свете, даже не будет знать, что означает слово видеть. А если и поймет, то спросит, почему его лишили счастья миловаться жизнью. И что ж я ему отвечу? Что хотел все сделать, но не смог? Имею ли я право быть слабым, сентиментальным как раз теперь, когда мой ребенок в опасности? Нужно действовать... Сейчас же помчусь в Черновцы...

Вспоминаю о хорошем и очень порядочном человеке — втором секретаре райкома партии Александре Григорьевиче Погребняке. Он благосклонно относится к нашей учительской семье. Иду к нему. В его кабинете как раз нет посетителей. Он сидит за столом и что-то пишет. Увидев меня, встает на ноги, идет мне навстречу.

— Извините, что тревожу, — говорю.

— Ничего, присаживайтесь. — Какое-то мгновение молчу, словно хочу набраться сил и дать возможность клубку размякнуть в горле. Но я словно деревенею. Проходит мгновение, и по моим щекам текут слезы. Я их ничуть не стесняюсь. Александр Григорьевич наклоняется ко мне через стол и спрашивает растерянно:

— Что с вами, Михаил Григорьевич?

— Ослепили... Только родился, и уже выпекли глаза.

— Что? Кому?

— Моему сыну, в родильном доме.

— Как?

— Ляписом... — Ощущаю, как в грудях внезапно полегчало, клубок совсем размяк. Веду дальше: — Теперь заведующая родильным отделением посылает меня за профессором Радзиховским. И вот я пришел к вам просить автомобиль. Дело же очень неотложное. Помогите, Александр Григорьевич...

Погребняк поднимает телефонную трубку и набирает номер больницы. Но главный врач Владимир Федорович Патейчук на операции. На бледном лице сек-

ретаря райкому появляется густой румянец, он сомкнул уста, глаза блеснули недобрыми огоньками. Выходит из-за стола, становится возле окна. Ветер с шуршанием ударяет по окнам плотным сухим снегом.

— Все дороги заметены... — говорит через какое-то мгновение. — Никакая легковая машина не проедет. Не вылезет из сугробов. А ехать нужно, должны... Сделаем по-другому: в райисполкоме есть пара прекрасных коней. Как змеи... И сани легкие и устойчивые. Я сейчас... — И Погребняк звонит голове райисполкома Андрею Семеновичу Кишкану, объясняет ему лаконично ситуацию, и просит распорядиться, чтобы извозчик немедленно поехал со мной в Черновцы. Потом обращается ко мне:

— Сейчас позовут извозчика, и отправитесь. Будет ждать вас на дворе. Удачи вам...

Извозчику головы райисполкома нужно отдать должное — его кони не бегут, а летят, сани едва касаются снега, который будто специально собирается в сугробы. Вокруг нас кружится ветер, а на поле, словно по белому морю, бегают высокие волны. Ошалевшая зима корчится в последних конвульсиях, засыпая белой тучей белых коней, они же, хорошо присмотренные и еще не уставшие, с легкостью пробегают через сугробы. И хоть мы с извозчиком дважды вываливались в высоченные сугробы, все же быстро пробегаем те двадцать километров в Черновцы и останавливаемся перед медицинским институтом.

Поднимаюсь на второй этаж. В деканате спрашиваю о профессоре Радзиховском. Мне отвечают, что он на заседании ученого совета, сегодня делает доклад.

— Профессор мне очень нужен, — и рассказываю секретарю коротенько свою историю.

— А вы постучите в дверь и скажите это какому-то из преподавателей — профессору передадут. Как услышит о ребенке, тут же выйдет.

Так и делаю. Стучу и жду. В коридор выходит какой-то молодой преподаватель. Я раскрываю перед ним свой боль и прошу позвать профессора. Через какую-то минуту передо мной стоит Борис Леонидович, мужчина лет под сорок: широкое светлое лицо, молодое, гладко выбритое и большие проникновенные глаза. На нем хорошо сидит темный костюм, а белоснежная рубашка и широкий галстук, будто усеянный красными ягодами, притягивают внимание. Он чуть-чуть наклоняется ко мне и ласково говорит:

— Я вас слушаю... — Рассказываю ему все подробно и прошу, чтобы не оставил нас в беде.

— А вы кто будете?

— Я — отец ребенка.

На лице Радзиховского ни возмущения, ни удивление. Спрашивает:

— Чем доберемся?

— На улице ожидают сани.

Через несколько минут он выходит из института в теплом кожухе, шапке-ушанке и с портфелем в руке. Я его заворачиваю в одеяло, потом сам заворачиваюсь и сажусь рядом с ним. Сани плывут по белым черновицким улицам. На душе немного отлегло. К моему же ребенку едет спаситель. Как только Борис Леонидович посмотрит, то глаза моего Володьки будут вне опасности. Меня уже не стоит печалиться.

Между нами западает молчанка. Радзиховский задумчиво смотрит в снежный туман, который помалу сгущается — на улице же вечерет. А мои мысли

кружатся вокруг поэмы Т. Шевченко «Слепая», блуждают по страницам повести В. Короленко «Сліпий музикант» («Слепой музыкант»). Моего воображения прикасаются проникновенные отрывки из «Лунной сонаты» Бетховена. Еще в юности я вычитал, что композитор написал этот шедевр под впечатлением от болезненного желания слепой девочки увидеть лунную ночь... Это, кажется, только красивая легенда, ведь ни Ромен Роллан, ни Еррио не вспоминают о ней.

* * *

Родильное отделение Кицманской больницы ярко освещено. Там, я уверен, ждут профессора.

Кони останавливаются перед входными дверьми. К профессору выходят врачи и медсестры, помогают ему слезть с саней, струшивают с него снег. Они встревожены. Ощущаю их беспокойство, оно воздействует на меня. Пришли, наверное, к печальному выводу — спасения не может быть. Слабый огонек моей надежды вот-вот угаснет. Бодрость меня покидает. Это чувство усиливается, когда мы входим к заведующей отделением — на лице врачей и медсестер отражается испуг. Охватив голову руками, на кушетке лежит и стонет сестра-акушерка, близкая подруга моей жены — она же принимала роды и закапывала глаза ребенка раствором ляписа.

— Извините, я тут не виновна... Клянусь перед вами, как перед богом.

— Что же мне прощать? Сейчас все выяснится...

Появляется главный врач, хирург Владимир Федорович Патеичук, а с ним — инструктор райкома партии, представитель прокуратуры и еще один незнакомый мне человек. Они тоже в белых халатах. Внешне очень важные, даже нахмуренные. Для меня понятно: история с детскими глазами приобрела огласки — ничья хата не осталась с краю.

Когда профессор Радзиховский надел халат и помыл руки, глянул на меня и сказал:

— Молодой отец может выйти и погулять. — Покорно иду к дверям. За мной в небольшой коридор выходит Владимир Федорович. Он говорит мне тихим, спокойным тоном:

— Не беспокойся, я дважды осмотрел ребенка — по требованию Погребняка. Заведующая хотела, чтобы этот неприятный случай не набрал резонанса, поэтому послала тебя тихенько за специалистом, даже мне ничего это сказала. Но шило из мешка вылезло... Нами теперь трясут. А ты будь спокоен.

Я ничего ему это отвечаю, но брать под сомнение его оптимизм нет оснований. Владимир Федорович Патеичук спас сотни людей Кицманского района от смерти и стал любимцем населения района. Он родом из Белоруссии. После войны, демобилизовавшись из Советской Армии в звании майора, приехал у серой шинели в Кицмань. Работал хирургом, стал главным врачом, целиком отдался людям. Не бывало случаев, чтобы больного везли в областную больницу — все операции, даже самые сложные, делал сам. Жизнь его было чередой подвигов. И это не преувеличение. Ни один врач до и после него не имел в Кимцане такого уважения, как он.

Недолго стою в коридоре. Меня зовут, дают халат и ведут к сыну. Стаю возле его кровати. Профессор Радзиховский не скрывает своей прозрачной и теплой улыбки. Оценив меня взглядом, говорит:

— Вы, молодой папа, ходите в очках, а ваш сын будет без очков... У него прекрасные глазки. Раствор ляписа не повредил глазные яблоки, обжег только веки,

но через неделю и следа не увидите. Тут большую роль сыграл, кажется, защитный рефлекс, который нам подарила мать-природа.

... Иду поспешно домой, чтобы рассказать матери обо всем, что я перенес в этот день. Тревоги, боль и отчаяние уступили радости. В душе звучит «Лунная соната». Вижу звезды и синее небо, хотя вокруг меня шелестит густой снег.

Раздел второй

Все величие, красота и поэзия мира — в этом крошечном создании, которое я несу, словно самое драгоценное сокровище, в наш дом. Это — мой сын. На теплой сельской печи жена пеленает его очень осторожно и немного неумело, даже боязно, словно он из тонкого и хрупкого стекла, и посматривает на меня гордо, ее взгляд словно говорит: «Смотри, какого сына я тебе подарила!». Прилегаем с двух сторон и рассматриваем его, как какое-то небывалое чудо.

Сын ворвался всесильным властелином нам в сознание и на все горло кричит, что в повести нашей жизни начинается новая сюжетная линия, что мы уже стали настоящей семьей, ведь детский крик — это цемент, превращающий семью в монолит, заставляет забывать все мелкое, несущественное в наших отношениях, чтобы не мешало творить из этого беззащитного крикуна Человека.

Рассматриваю сына долго и жадно, глаз не могу отвести. Ищу в нем свои черты. Какой же нежный этот ребенок! Глажу теплой рукой его розовое тельце и не прихожу в себя от утешения.

Моя радость темнеет немного оттого, что по личику, вдоль носика, пропалены две черные дорожки. Это капли ляписа катились из глаз, оставляя после себя черный след. В голове шевелится мысль, что сын при своем рождении заплакал черными слезами. Мне страшно от этой мысли, отмахиваюсь от нее, словно от лютого шершня.

Товарищи по работе, друзья и просто Кицманчане, возмущенные гадкой историей с ляписом, советуют, даже настаивают, а некоторые подъюживают вывести на чистую воду, через народный суд, виновных. Нам сказали надежные люди, что бутылочка с густым концентратом ляписа была найдена почему-то в туалете больницы. Кто и почему ее туда кинул — мы не знаем. Но мы счастливы, что ребенок не потерпел, и не будем сеять месть. Мы перенесли такую жестокую боль и страх, что теперь никого знать не хотим. У нас светлый душевный стан, мы такие увлеченные ребенком, у нас такое лиричное настроение... Множить зло на этой земле — не наше призвание. Наша радость это может сопровождаться чьими-то слезами. Пусть никто не плачет... Недавно закончилась война, и земля еще долго будет мокрой от слез и крови.

Наш дом заполняет спящий весенний свет и музыка детского голоса, который диктует нам законы, которых мы должны придерживаться. Ощущаю болезненно-приятную щемь от каждого прикосновения ручки ребенка. Где-то в глубине сознания что-то постоянно говорит, что эта земля, небо, леса, сады, дома, улицы городка, лица людей, их души должны стать лучше, ведь мой сын будет на них смотреть, стремиться к ним, любоваться ими.

Отбесилась метель. Солнце набирает силу и вонзает в снега свои лучи. Вот наконец-то и желанная оттепель. Журчат ручьи, чавкает под ногами. Синицы весело щебечут. Весна-победительница завоевывает наш край. Толоки и дороги высыхают, на улице прорастает трава, деревья нарядились листвой.

Мать не отходит от ребенка. Я работаю в средней школе и сельскохозяйственном техникуме. Работа кажется мне легкой и приятной, ведь у меня удвоились силы — я их вдыхаю из розового младенца, ожидающего меня в колыбели.

В апреле сорок девятого сдаю государственные экзамены, защищаю дипломную работу по лирике Луи Арагона и получаю диплом филолога-учителя французского языка. Остается, чтобы и мать сдала еще несколько экзаменов и тоже окончила университет, но ей нескоро придется это сделать. Правда, нам на помощь приходит из села Малятинцы скромная девушка Магдалена Колотилюк. Она станет самоотданной нянькой Володьки и на всю жизнь полноправным членом нашей семьи. Володька сначала назовет ее Мими, а потом — Милей. Под этим именем она живет с нами и сейчас².

Экзаменационные сессии уже позади, диплом в руках. Можно отдаться работе, каждую свободную минутку быть с сыном. Видеть, как он водит глазами за тобой и озаряет свое лицо первой осмысленной улыбкой, означающей, что он тебя узнает и признает за своего отца.

Запомнился день, когда в одном комиссионном магазине я увидел детскую коляску, еще совсем новую, оббитую в середине теплой белой материей, вместительный, на высоких колесах, а это последнее мне особенно импонировало — зимой не будет тянуть холодом на ребенка. Выкладываю деньги и осторожно выкачиваю коляску на черновицкую мостовую.

Направляюсь к вокзалу. Тепло на душе от мысли, что сделаю жене приятную неожиданность. Прохожие посматривают на озаренного отца и одобряя улыбаются, особенно женщины — так, мол, и должно быть, нечего тратить время по «забегаловках». На тротуарах вежливо пропускают меня, а из скрипящих трамваев смотрят люди и словно говорят взглядами: как хорошо, что война закончилась, и мужчины катят по улицам детские коляски, а не пушки.

Пригородные поезда всегда переполненные. Трудно выстоять в долгих очередях за билетами, а еще труднее пробраться с коляской в вагон сквозь огромную человеческую толпу и тесноту.

Но мир не без добрых людей. Меня, унылого и опечаленного, заметил дежурный по вокзалу, мужчина лет под сорок, высокий, с черными, приглаженными усами и с таким выражением лица, словно он отвечает за все, что творится в этом огромном улике. Подходит ко мне и спрашивает так, словно я нарушил какие-то правила:

- Вам куда?
- До Кицманя...
- А билет есть?
- Да откуда?
- Давай сюда свои копейки.

Через какое-то мгновение держу в руке билет. Дежурный еще смотрит на меня и печально покачивает головой:

— С такой коляской хочешь войти в вагон? Тяжелая штука... Но что-то придумаем... — Берет коляску, толкает ее к пассажирам, выкрикивая:

— Ану дайся в бок! Доро-о-огу! Чего стоишь? Не видишь, что нужно пройти?

Пассажиры неохотно расступаются — никому же не хочется остаться в Черновцах, а на вагоне не поедешь — стянуть и оштрафуют. Двое пассажиров хватают коляску, поднимают ее в воздух, и он словно плывет над головами к вагону. Передают один другому — айда дальше!

Вот так моя покупка исчезла в вагоне, а я остался на краю толпы, как перед железной стеной.

²М. Колотилюк умерла в 1993 году — прим. ред.

Дежурный по вокзалу снова встречает:
— Пропустите отца!

Приезжаю в свой городок. Иду медленно по дороге дорог на Средний Угол. С осени сорок восьмого года мы живем в коммунальном доме на улице Горького. Раньше там проживал римар Юзё Шарамы, который в первые послевоенные годы выехал в Польшу. Мы основательно отремонтировали этот дом: выстелили полы, побелили, покрасили окна и двери. Вокруг дома насадили фруктовых деревьев и цветов, а двор засеяли травой. Сделали там хороший уголок.

У меня легко на душе. Мы с женой сейчас смоем с коляски дорожную пыль, все вытрем, потом повозим сына по двору. Он заснет под вишнями, которые уже начинают цвести. И в сердце все более и более выразительны станут строки колыбельной песни:

Ти спи, любий сину,
В щасливому сні,
Довкола нас тиша
И місяць в вікні.
Торкається шибок
Лиш сяєво зір,
Шумить десь далеко
Смарагдовий бір...

Когда Володе исполнится пятнадцать лет, он положит эту «Колыскову» («Колыбельную») на ноты, и она будет его первым произведением.

Окруженный заботами родителей, няньки и бабушки, Володька растет здоровым, жизнерадостным. К нему почти ежедневно навещает большой приятель — дядька Дмитрий, мой старший брат, приносит гостинцы и веселит его смешными сказками. Часто напевает детские песенки, а еще чаще берет Володьку на плечи и бежит с ним под деревом, как коник, или выдает на весь двор разные звуки, имитируя домашних животных и лесных зверей. А Володька так смеется, что аж заходится.

С дядькой Дмитрием можно играть целыми днями. Вот так бегаешь, подскакиваешь и еще хочется. Он ничуть не надоедает. А когда уже собирается домой, тогда Володька цепляется ему за штаны и не пускает...

До обеда Володька немного нудится — все же на работе. А я вот сижу в комнате и не выхожу из-за стола.

День же — чудо.

Наш двор покрыт не высокой, но густой травой, по которой мы не ходим и кур держим отдельно, словно бережем зеленые покрывала для Володьки. От ворот до порога дома его пересекает дорожка, напоминающая нам речку, которая заснула или застыла на месте.

Возле калитки растет большой куст сирени. В воздухе снуют жизнерадостные, непоседливые ласточки, лениво помахивают испещренными крылышками белые мотыли, которые совсем опьянели от чар весеннего дня. На дереве кует кукушка, мирно беседуют даже воробьи. Все радуется солнцу и теплу.

Среди этого многоголосия, наполняющего пространство, и разнообразия существ, растений, форм и цветов бежит Володька за большим красным мячом с голубыми и белыми полосками.

Проходят минуты. Нянька Миля выходит на порог и видит на траве мяч, а ребенка не видно. И калитка на улицу почему-то полуоткрыта. Это няньке не нравится. Она метается туда-сюда и зовет:

— Воло-о-одька!! — Ребенок — ни мур-мур. А тишина настораживает и тревожит еще больше.

Выхожу и я из комнаты.

— Тут игрался... И куда-то пропал, — говорит Миля с тревогой в голосе и бежит к соседу Филе Островскому, а я подаюсь узкой улочкой, которая проходит мимо наших ворот и спускается вниз, к Безину. У него хороший пруд, мельница и маслобойня. Безины были большими трудолюбивыми и добрыми людьми. Вся семья вкалывала от ночи до ночи, чтобы добыть таких-сяких благ. Но от тех благ один из сыновей вынужден был искать спасения за океаном. После войны их мельница перестала крутить свои жернова. Осталась только маслобойня.

До Безиноваго пруда шагов, наверное, пятьдесят.

Почти бегу — ребенок же, наверное, уже давненько покинул двор, если я его не вижу. Еще встрянет в ту лужу, если никто ему не помешает. Володька ж любит плескаться в воде.

Переживаю... Очей не свожу с берегов пруда. А Володьки нигде не видно. Словно и это приходил сюда. Замираю... Всяческие бессмысленные идеи вертятся в голове.

Вздрагиваю от короткого, неожиданного лая. Оглядываюсь и глазам своим не верю: перед большим рыжеватым псом, сидящем на задних лапах, стоит мой мальчик. Смотрит на кудлу, а кудлай на него. Словно встретились давние друзья после долгой разлуки. Что-то говорят один другому — наверное, что-то приятное, сердечное. А пес, наверное, жалуется на людей, которые, смотри, накинули на него кожаный ошейник и ждут, чтобы ночью гавкал на прохожих. А он побежал бы охотно с этим мальчиком по Кицманским улицам. Никому не дал бы его обижать — всех злоумышленников отпугивал бы своим грозным видом, угрожающим лаем и красными глазами. Им было бы весело. Моргая глазами, он словно говорил: «Представить себе не можешь, мальчик, сколько во мне добра... Но вот привязали меня к будке, чтобы гавкал на порядных людей. А некоторые хулиганы даже кидают в меня камнями и убегают подальше... Вот сижу перед тобой, смотрю в твои голубые глаза и думаю о том, что ты никогда не кинешь в меня камнем. Ты даже еще не знаешь, что это такое — кидать в кого-то камнями. И потому трогаешь меня».

Гавкнув два-три раза, кудлай углубляется в разговор с мальчиком, а на меня не обращает внимания.

Медленно ступаю к Володьке. Он даже не шевельнется — словно загнипнотирован. Зато кудлай сначала рычит, потом кидается на меня, звеня своей цепью. Я быстро отступаю. Скачет, как бешеный, не дает мне приблизиться к ребенку. Остановившись на надлежащей дистанции — и больше ни шагу. Любуюсь кудлаем, благодарен за то, что он злится только на меня.

Наконец-то зову Володьку:

— Иди, сынок, к папе... Этот пес хочет есть — мы сейчас принесем ему хлеба...

А кудлай аж разрывается от злости, что переманиваю ребенка к себе.

Володька, мальчик послушный, идет к своему папе. Беру его на руки, прижимаю и говорю:

— Скажи псу до свидания. Ты сейчас принесешь ему кусочек хлеба.

Правда, скоро возвращаемся к кудлаю. Сам Володька несет ему наше угощение. Кудлай охотно принимает еду из его рук. А когда мы уже шли домой, мальчик помахал ему ручкой...

Володькино здоровье утешает нас. Но бывают дни, когда неожиданно температура поднимается до сорока градусов. Ребенок горит, мать плачет, все встревожены. Врачи считают, что у мальчика воспаление среднего уха. А специалиста в Кицмане нет, нужно ехать в Черновцы. Там действительно считают состояние ребенка тяжелым и кладут его в больницу вместе с матерью.

Пребывание в больницу дает о себе знать — частые инъекции учат его плакать. Иногда кажется, что кто-то подменил ребенка. Но проходит неделя, забываются больничные неприятности, мальчик веселеет, увлекается своими игрушками, а их у него видимо-невидимо — все, что появляется в продаже, покупаем. У нас целый зверинец — гуттаперчевые тигры, медведи, слоны, кони; большая автоколонна — несколько грузовых машин, лимузин; настоящий аэропорт с самолетами разнообразных форм и размеров. Но больше всего ему нравится один самолет, прикрепленный длинным шнуром к высокому столбу. Если его накрутить ключиком, он взлетает и с веселым жужжанием кружится вокруг столба. Володька аж заходиться со смеха.

Если эта разная машинерия надоедает, он берется за цветные мячи, которые ему дарят дядьки и тетки, которые приходят к нам почти каждое воскресенье. Володька бегаёт за теми мячами, наполняя дом радостью. Он вообще хохотун. В его присутствии никто не имеет права плакать, это вызывает у него бурную реакцию — визжит на весь дом, дергает за рукав, чтобы не закрывали ладонями глаза. Не переносить слез. Все должны быть в хорошем настроении. Такова его воля.

Наши разговоры часто имеют почти юмористический характер. Мы выдумываем разные сказки и байки. Как эта:

— Вот к твоему папе пришел какой-то дядька и сказал: «Я — всесильный король, у меня полный подвал золота и бриллиантов. Глаза мои тешатся и веселятся, а сердце грустное, как осенняя ночь, потому что нет у меня такого сына, как твой Володька. Я дам тебе, отец, половину своего королевства и десять сундуков с сокровищами, а за это твой Володька пусть будет моим сыном...» — Делаю короткую паузу и спрашиваю: — Ну-у, что должен папа ответить этому королю?

— Папа меня это отдаст... — отвечает важно.

— Правду говоришь, сынок... Но папа так ответит ему: «Ты, король, белены объелся...» Запомнишь папины слова?

— Угу...

Проходит некоторое время, может, и целый час. Володька подходит ко мне и спрашивает:

— Папочка, что это — белена?

— Это такой сорняк, сынок... Плохой-преплохой... От него болит голова, живот и бесятся собаки.

— Плохое слово... — и больше его не произносит.

Мальчик растет добрым, щедрым, ласковым. Его характер особенно выразительно проявляется после того, как рождается Галинка. Он очень внимателен к ней, но не любит ее крика, почти всегда отзывается на него плачем. Тогда в доме начинается такой дуэт, что хоть убегай на край света. Когда же Галинка засыпает, он просится к матери на руки и шепотом спрашивает:

— Ты меня любишь?

— Очень, сынок, больше всего на свете.

Этот ответ его удовлетворяет, разгоняет сомнения.

Когда подрастает Галинка, они становятся неразлучными, целыми днями играют вместе. Мяч неумолимо катится по траве или летает в воздухе. А в плохую по-

году они рисуют или строят домики из кубиков. В хорошую погоду мы с удовольствием идем в гости в бабушке Александре, моей матери, которая живет с семьей брата Дмитрия в родной доме, в наиболее отдаленной от центра части Кицманя, испокон веков называемой Комариным рогом. Володька всегда стремится к ней. Как только появляюсь перед глазами матери, где-то на дне моего сознания просыпается колоритный и богатый на разнообразные смысловые оттенки буковинский диалект — язык моего детства. И мне кажется, что мой аж слишком литературный разговорный язык может внести неуловимый и болезненный диссонанс в душевные отношения с матерью, создавая скрытое, но ощутимое расстояние между мной и моим детством с его поэзией. И еще кажется, что, заходя с сыном на руках в свое детство, я должен струсить с себя все то искусственное и случайное, которого я нахватался из книжек и жизни, преисполненной светлотеней, высокомерия, прихотей и претензий. Бабушка Александра расцветала, когда Володька поднимал к ней ручки... Он ходил хвостиком за ней, заглядывал во все уголки. Его внимание особенно притягивала низкая, темная, очень загадочная буковинская печь, в которой бабушка держала свои кувшины и чаши.

Раздел третий

Володька с удовольствием играет со своими двоюродными братьями Виктором и Толей Ивасюками, с чернявыми и очень схожими один на одного Иванком и Дмитриком Кантемирами, с белявеньким Евгеньком Дмитриевым. Он не равнодушен к шалостям и разным затеям, как и каждый здоровый ребенок, что создает нам сложную проблему: не дозовешься, чтобы пообедал. Всячески избегает еды. Мне самому часто приходится его звать и кормить с ложки, насильно.

Со мной он так-сяк ладит, а мать прибегает к хитростям: зная его безграничную любознательность, рассказывает сказки и всякие былины. При хорошей сказке детский ротик охотнее раскрывается. Володька привыкает со временем к этим рассказам, как к чему-то надлежащему. Как только нянька садит его за стол, он сразу требует:

— Рассказывай сказку...

И Миля вспоминает все сказки, легенды, побрехушки, которые слышала когда-то в родных Малятинцах. Володька знакомится с великанами, которые одним ударом кулака разбивают на щепки дворец короля-злодея; тешится, что царевна убегает из плена придурковатого и уродливого принца и выходит замуж за чернобрового гуцула, который целыми днями веселит ее игрой на дудочке; аж подпрыгивает, когда слышит, что наша курица побила крыльями, поцарапала и поклевала старого усатого кота, которому захотелось полакомиться ее цыплятами; грустит, когда рассказывают о непослушном мальчишке, который побежал по улицам города и не знает, как вернуться к своей маме.

Каждый зверь и каждая птичка имеют свою сказку. Иногда обед или ужин продолжают так долго, что не хватает одного сюжета. Нужно начинать новый рассказ.

Дни идут за днями, а колодец со сказками катастрофически исчерпывается до дна. Миля забывается и повторяет какой-то сюжет, а это уже плохо, этого делать нельзя. Малый диктатор протестует:

— Я уже это знаю! Рассказывайте другую... Не про лисицу, а про слона. — И закрывает свой рот.

А Миле плакать хочется — ребенок же не ест, а свежих сказок нет. Они же, как приправа, придающая супу или котлете высоких вкусовых качеств. И Миля должна фантазировать, импровизировать. Выдумывает удивительные истории, головокружительные ситуации, удивительных героев — от крошечных, как горошины, до высоченных, как те каштаны, которые уже, наверное, больше ста лет стоят возле наших ворот. С кем они только не борются на железном току, чтобы добро и правда наступили на земле. Бывает так, что Миля не может округлить свой рассказ так, чтобы интерес мальчика был удовлетворен. Володька перестает есть и спрашивает:

— А что дальше?

Когда Миля погибает так, что сказка становится слишком фантастической, невероятной, он останавливает ее и говорит:

— Так не говорите, такого не было...

Миля не перечит. Хлопает себе ладонью по лбу и словно извиняется:

— Это я, ребенок, немного забыла. А теперь вспомнила. Оно случилось так... — и поворачивает ход сказки в другую сторону, меняет события, создает диалоги, которые занимают значительное место в ее рассказах.

Бабушка Александра почти каждый день приходит к своим внучатам. Дети лезут к ней на колени. Она их балует, раздает им гостинцы. Володька обнимает ее и просит:

— Расскажите нам сказку...

Разве бабушка откажет им? Готова все сделать, чтобы потом пойти домой с мыслью, что она еще кому-то нужна на этом свете, что ее любят, интересуются нею. Рассказывает спокойно, выразительно, взвешивая каждое слово. Сама смеется там, где нужно смеяться, жалеет обиженных, судит обижающих.

Сижу тихо сбоку, а карандаш аж подпрыгивает на страницах тетради. Это же сказки моего детства, уже полузабытые, — кристально-чистый источник украинского языка на Буковине.

... Небо с самого утра — чистая голубизна, без единой тучки. Когда солнце чуть-чуть поворачивается на запад, начинают надвигаться черные тучи. Еще издалека тучи угрожающе гремят, раз от раза ударяя молниями. Стародавний сад Воробкевичей топает яблоками, а лес поднял такую кутерьму, что аж листва взлетает в воздух.

— Папа, сейчас будет буря, — говорит Володька встревожено, заходя с Галинкой в комнату.

— Наверное, будет. Хорошо, что вы успели прибежать вовремя, — отвечаю.

Молнии учащаются. Удары громов приближаются, становятся гуще, угрожающе. Ветрище совсем разошелся и срывает солому с соседской конюшни, кружит с ней улицами, метет отломанными ветвями и словно скубет наши каштаны. Наконец-то ударяется сердито о наше незакрытое окно и швыряет в комнату, как мячик, ласточку. Быстро закрываю то окно, чтобы ветер не сорвал его с петель или стекла не повывивал.

На улице страшная буря. Сивая стена дождя опускается перед домом.

Ласточка — наша пленная. Наверное, задержалась в дороге или так увлеклась ловлей насекомых, что и не заприметила приближения бури. Дорогая гостья наконец-то в моих руках. Дети меня окружают, садимся за стол и рассматриваем ее красоту, милуемся нею. Володька и Галинка берут птичку в руки, прислоняют ее к щекам, тешатся нею. Потом Галинка держит гостью, а мы с Володькой ловим мух, пихаем ей в клюв, но ласточка нас разочаровывает — это принимает нашего угощения. Это угнетает Володьку.

— Почему она сердится? — спрашивает.

— Ласточки, сынок, не любят, чтобы их держали в плену. Они — как поэты. Грустят в неволе, даже погибают. В клетке никто их не держит. Свобода или смерть — чего-то другого ласточки не признают.

А буря бесилась. Осатанело ударяет в окна. Размахивает, словно батогом, единственной елью, торчащей на краю сада Воробкевичей. Молнии люто разрывают тучи, аж жутко стает. А детям весело с ласточкой, хоть она страшно перепугана, смотрит только, как ей выпорхнуть из рук.

Непогода помалу стихает. Вспышки молний отдаляются за Кицмань, постепенно угасают, блекнут, а громаы будто попадают в какую-то огромную бочку и в ней постепенно глохнут, немеют. Тучи раздвигаются — одни куда-то в Карпаты, а другие отправляются к Черному морю. Небо снова сияет чистой голубизной, а солнце, отдохнув немного под пушистым одеялом туч, снова смеется.

— Ну, дети, ласточке нужно проститься с нами — в гнезде она оставила своих детей. Вон какая опечаленная. Жалуется, что не знает, не сдул ли ветрище ее ластовчат. Выпустим ее на волю — пускай летит к ним.

Настает торжественный момент. Мальчик несет ту горячую грудочку на порог. Мы с волнением его сопровождаем. Он, затаив дыхание, поднимает руки вверх, потом их раскрывает. Пташка вспархивает, стрелой пронзает воздух и до нас доносятся только ее короткое, звонкое «спасибо». Делает круг над деревьями, словно в порыве утечи забыла, куда должна лететь. Все мы торжественно следим за ней. Черноглазая красавица исчезает и больше не показывается — у нее немало своих забот.

Дети снова выбегают на двор. Володька прыгает через лужи, Галинка ему вторит. Улица поет детскими голосами.

Через некоторое время Володька словно что-то вспоминает и бежит в дом. С легким смятием в глазах спрашивает:

— Папочка, когда еще будет буря?

— Не знаю, сынок. Почему ты не спросил ее: «Эй, буря, когда еще придешь к нам?» Она бы сказала...

— А ласточка не прилетит? Мы ж ее ничем не обидели.

Говорю важным тоном:

— Нужно было пригласить...

— Как? — не понимает мальчик.

— Очень просто. Сказал бы ей такие слова: «Просят папа, мама, Галинка, бабушка, Миля и я тебя прошу, дорогая ласточка, чтобы ты пришла к нам в гости. Примем тебя как родную, погладим по головке, потешимся тобою, накормим и одарим всяким добром».

Володька смотрит на меня зачаровано. Опускает глаза и задумывается. Потом выходит молча на порог, смотрит, как летают ласточки, и говорит дрожащим голосом: «Просили тебя и папа, и мама, и Галинка...»

Какое-то мгновение стоит неподвижно. Надеется, что ласточка прилетит. Но она летает только над деревьями. Выходит на двор, потом на улицу, не отрывая своего взгляда от ласточек, которые дальше чертят чистое после дождя небо.

Вечером, когда уже ложится в кровать, зовет меня к себе и говорит:

— Ни одна ласточка не отозвалась. А я говорил многим.

— Они же не слышали твоих слов — были заняты ловлей насекомых для своих желторотых. Кроме того, они не такие, как воробьи, — умеют себе уважать.

— А ты купишь мне ласточку?

— Нет. Их не продают ни в магазинах, ни на ярмарках.

— Почему?

— Потому что люди их очень любят. Спи, сынок.

Володька засыпает...

Городок Кицмань похож на своеобразный парк.

С одной стороны к нему прилегает стародавний лес, в котором водятся кабаны, олени, барсуки, лисицы, зайцы... Зимой, когда замерзал Прут, в него прибывались даже волки, сеющие тревогу среди Кицманчан. С другой стороны его охватывает голубая цепь прудов, которые тянутся от села Вытеливка до Южинцы. Говорят, что это чуть ли не наибольшее на Украине рыбно-озерное хозяйство.

Дом, в котором мы живем, построен на том месте, где когда-то зеленела левада Михаила Воробкевича, деда известного писателя и классика украинской музыки Сидора Воробкевича. Позже, когда Кицмань начал развиваться, церков-

ный фонд поделил и распродал ту леваду разным людям, которые построили там аптеку, поляки-ремесленники возвели свой национальный дом, — а мой учитель Антон Борович построил два хороших каменных дома, один для себя, а второй для дочки. Он расширил и обогатил сад Воробкевича. Мимо того сада звонко журчит поток.

Мы часто ходим с детьми на прогулку в этот сад или в лес. Дети охотно бегут и играют на опушке. Там никто им не мешает, и они никого не раздражают. Вечерами и по утрам в саду и лесу заливаются соловьи. Просто чудо заводят. Одна птица замолкает на мгновение, а песню уже подхватывает другой, потом третий присоединяет свой голос, и выходит такое многоголосие, что и в сне не приснится. Кажется, каждая яблоня, груша, слива, тополь имеют своего собственного певца. Мы широко открывали окна... Дети засыпали под соловьиные колыбельные.

Володька и Галинка уже видели много птиц, знают, как они выглядят, а соловей для них — таинственный певун. Не ведают даже цвета его перьев. Вот они ходят под деревом и, затаив дыхание, заглядывают меж ветвями, чтобы полюбоваться хозяином садов и дубрав, от пения которого расцветает весна и поднимаются звезды на небе.

Как-то раз Галинка прибегает встревоженная:

— А Володька полез на вишню высоко-высоко... Я ему сказала, чтобы не лез, а он такой плохой... Просто не слушает и все.

Эти слова настораживают. Еще упадет с той вишни, этого нам не хватает. Всюду его носит, что-то вечно выдумывает.

Иду в огород. Под одной из четырех вишен вижу сундук, на который Володька становился, чтобы вылезти на дерево. Вот и он между ветвей. Но я молчу, чтобы не испугать. Еще сорвется с перепуга. Когда слез, подхожу:

— Что делал на вишне?

Растеряно бегают глаза. Но не говорит ни слова.

— Он делает там гнездо, — выдает внука бабушка. — Собирает перья возле курятника и выстелет его.

— Что за гнездо, мальчик? — кладу ладонь на головку.

— Для птицы, — отвечает за него Галинка.

Сын поднимает на меня взгляд и несмело:

— Хочу видеть соловья... Какой он? Может, прилетит и сядет. Тогда посмотрю... Садилась же около окна синицы и щеглы.

— Зимой птицы были голодные и должны были везде садиться. А соловьи даже не увидят твоего гнезда, — говорю.

Мне нравится эта наивная фантазия. Вылезаю на вишню. Между ветками — прутьики сирени, переплетенные и покрытые перьями. Гнездо для соловья. Поэзия часто не согласуется с человеческой логикой. Дети — самые гениальные поэты. Говорю сыну спокойно:

— Ты — хороший мальчик, но на вишню больше это лезь, а то поссоримся.

Володька не настаивает на своем, но несколько дней подряд ходит под ту вишню и поглядывает, не сидит ли соловей в его гнезде.

Окружающий мир действует на детское воображение своими непонятными тайнами.

Володька словно зачарован. Идет с матерью в сад Воробкевичей, хорошо сохранившийся и ухоженный колхозным сторожем. Дети, всегда охотные полакомиться плодами из чужих садов, его обходят — не потому, что боятся, а из уважения, которое словно передается с поколения в поколения, по традиции. Кроме

того, этот сад еще и нарядный, с высокими травами. В нем соборная тишина, которую нарушают пение птиц, гул насекомых и неутомимые хоралы пчел. Все это дополняется журчанием потока, который когда-то вливался в довольно-таки большой водоем, который со временем заилило. Рыба там уже не водится, а для жаб — настоящий рай. Вечерами они устраивают громкие концерты — соревнуются с соловьями.

Мать срывает цветы или вылавливает ряску для уток, а Володька стоит на берегу потока, присматриваясь к роскошным вербам, ольхам и бузине и прислушиваясь к умеренной жарой зелени. Спрашивает удивленно:

— Мамочка, там какая-то жаба сказала: «Во-ва! Во-ва!» Это она мне говорит? Чего она хочет?

— А как же, тебе. Сидит под лопухом и нудится. Хочет поговорить с умным мальчиком, который не кидает камни в жаб.

— О чем поговорить, мамочка?

— Да о том, что вот дождя нет, а это плохо. Жара уже надоела, а в водоеме воды — жабе по глаз. Лилии совсем высохли, и уже негде бедной жабе сесть и на солнышку погреться. Тревожит и то, что ее дети-жабенята очень непослушные — все куда-то разбежались.

— А куда они поскакали?

— Та одно прыгнуло в траву, второе вылезло на папоротник, третье нырнуло в водоем, четвертое вылезло на крутой берег и хочет плюхнуться стремглав в воду, а пятое поплыло потоком и неизвестно где окажется. Поэтому и опечалена жаба-скрежетуха.

— А что может быть с тем, что поплыло потоком?

— Всякие приключения, сынок. Разве ты не видел, что на домах аисты сделали себе гнезда? Они клацают клювами днем и ночью. Ты слышал?

— Слышал, мамочка.

— Те аисты очень любят есть жабнят. Как только клонет — пропало жабеня. Поэтому жаба хочет рассказать тебе про эту грызоту.

Володька больше не спрашивает — есть над чем задуматься. Вокруг него несмолкаемо жужжат насекомые, папоротник шелестит, ароматный воздух звенит, как скрипичная струна, а мать хлюпает, вылавливая из водоема ряску.

Володька впитывает в себя музыку сада Воробкевичей.

Вечером мать часто гуляет с Володькой и Галинкой по зеленой улице Шевченко. Разговаривают обо всем на свете. Володька поглядывает все время на луну, потом берет маму за руку и говорит:

— Вот когда иду, луна тоже идет за мною. А как стану — луна тоже становится. Почему это так, мамочка?

Попробуй ответить исчерпывающе и убедительно. Мать теряется и отвечает:

— Когда идешь, луна идет за тобой, следя, чтобы ты видел, куда должен ступать, и чтобы не ударился о камень или не упал в ров. Как стоишь на месте, луна отдыхает. Только смотрит на тебя.

— Чем смотрит?

— Глазом, сынок.

— А где глаз? Я ж его не вижу.

— Сама луна, сынок, это большой глаз, который все видит, все знает. Только молчит...

— Почему молчит?

— Языка, ребенок, у него нет.

- А где его язык?
- Он родился безъязыким. Зато его глаз всевидящий. Смотрит с неба, чтобы дети спали. А когда они гуляют с родителями, то чтобы не боялись темноты и псов, перебегающих улицу.
- А луна не может упасть с неба?
- Нет, сынок, она очень хорошо привязана.
- Чем привязана?
- Золотыми лучами. Прикрой глаза — увидишь их. Они держат его так, как ты держишь свой мяч в сетке в коридоре. Звезды присматривают за ним. Ведь если бы луны не стало, то они бы осиротели и, наверное, погасли...
- Почему бы погасли?
- С горя, ребенок. А теперь он говорит, что нам уже пора спать.

Раздел четвертый

— Прочитай эту сказку! — просит Володька маму, меня или дядьку Дмитрия, показывая пальчиком на рисунок в книжке стихотворных сказок Натальи Забины. Эти рисунки, правда, серые, но произведения привлекательные, остроумные, мальчик их любит, когда ложится спать, кладет под подушку. Знает, о чем говорится в каждой из них. Охотно слушает, даже когда ему читают во второй или в третий раз. Некоторые выучил уже на память и вечерами, когда собирается вся семья, встает посредине комнаты и декламирует:

У сороки-білобоки
П'ять малят-сороченят,
Усі чисто хочуть їсти,
Треба всім їм дати лад.

У него, как и у большинства детей, прекрасная память — может с легкостью воспроизвести десяток сказок. С особенным интересом и симпатией принимает стихотворения Т. Шевченко, И. Франко, Леси Украинки, А. Малышко, В. Швеца, Г. Бойко, П. Воронько.

Всячески поддерживаем эту любовь к стихотворному языку, которая переходит у него в увлечение. Считаем, что так должно быть: ребенок же с раннего возраста должен обогащать свою память интересными поэтическими произведениями, это развивает ее эмоции, шлифует реакцию на окружение, расширяет мир понятий, пробуждает воображение, заставляя задумываться над событиями и вещами, воспитывает любовь к родному языку, облагораживает детский лексикон.

Мои родственники, которых немало в Кицмане, объясняют это увлечение стихотворениями очень просто:

— Что же тут говорить и удивляться... Это же учительский ребенок...

Дядька Дмитрий дает им надлежащий ответ:

— Все дети одинаковые... Но с ними нужно работать, учить их. А это могут сделать каждый отец и мать, умеющие читать и писать.

В четыре года Володьке начинает надоедать вечная зависимость от родителей и дядьки Дмитрия, которые ему чаще всего читают книжки. Они заняты газетами, подготовкой к урокам, проверяют целые горы ученических тетрадей, пишут разные планы, письма... Попробуй подойти к ним тогда, когда хочется послушать про Лиса Никиту. Володька должен стать независимым от таких читателей-просветителей. Мать относится похвально к его желанию: показывает, как складывать две буквы вместе, как их выговаривать. И эта наука скоро увенчивается успехом. Мальчик читает сначала медленно, потом постепенно набирает уверенности, только бросит взгляд и сразу узнает слово. И вот теперь идут в ход народные сказки. А в 50-е годы часто и хорошо издавали сборники украинских народных сказок — на хорошей бумаге с цветными рисунками. И сейчас приятно взять их в руки. А Володька много времени проводит за их чтением. Любит, когда его слушают другие дети, а именно соседские, которые часто приходят к нам.

Вершинной точкой в своем увлечении книгами Володька достигает тогда, когда читаю ему «Робинзона Крузо». Его так зачаровывает судьба того необычного

героя, что тогда, когда я не могу читать, он сам берется за книжку. Много недель просто грезит нею. Знает каждый эпизод, может точно пересказать, что делает и что говорит его любимый Робинзон.

Володька не равнодушен к Лису Никите как и к барону Мюнхгаузену и смешному Чипполино. Когда покупаю или приношу новые книжки из районных библиотек, он считает этот день большим праздником.

Володька никогда не сидит без работы. Его всегда занимает что-то интересное, волнующее. Влечет, удивляет... Он умеет увлекаться так, что незаметные вещи приобретают значимости.

Мы живем в центре городка в коммунальном доме, во второй половине которого живет семья Кицманского колхозника Петра Мельничука. Напротив нашего дома возвышается средняя школа, где мы с женой работаем учителями, а слева нас отделяют от районного Дома пионеров только решетки, сделаны, наверное, еще столетия тому назад, все столбы подгнили, иструхнели, решетки проредились еще во время войны. Кажется, что ними никто уже это интересуется, потому что в них множество больших и малых дыр, сквозь которые непринужденно пролазят дети.

Наш непоседа тоже не признает калитку, когда бежит в громкое общество, посещающее Дом пионеров. Его манит туда какая-то непреодолимая сила. Там постоянное движение, дети наполняют своими голосами все комнаты, где размещаются кружки, и большой зал, в котором проходят концерты, собрания пионеров и учеников, всяческие культурные мероприятия учителей района.

Там юноши и девушки учатся рисовать, танцевать, играть на народных инструментах. Когда окна нашего дома открыты, долетает пение пионерского хора, слышим замечания его руководителя Ивана Лазаревича Ковблика, народного музыканта-скрипача, способного самоука, который владеет несколькими инструментами и основами теории музыки. Он проводит уроки пения в школе, руководит оркестром народных инструментов.

Володя с охотой посещает репетиции оркестра. Мы покупаем ему, четырехлетнему, мандолину, и он с гордостью идет к Ивану Лазаревича, который устраивает мальчика рядом с опытными оркестрантами. Старик благосклонно относится к «учительскому ребенку», всегда улыбающемуся и товарищескому.

Однако скрипка Ивана Лазаревича привлекает больше, чем и мандолина. Он просит меня:

— Купи мне скрипку.

— Еще рано, сынок. Ты должен немного подрасти.

— Тогда купи аккордеон.

— Маленьких аккордеонов нет в продаже, а есть лишь такие, что ты не поднимешь, — объясняю ему.

Не сводя с меня умоляющего взгляда, говорит:

— Купи, я буду только смотреть на него.

Нужно что-то купить. Находим в Черновцах детскую гармонию, чисто игрушечный инструмент. Мальчик тешится нею, всюду носит с собою, хотя в ней только несколько хриплых звуков. Но интерес к той игрушке скоро угасает. У Володьки остается только мечта о настоящем инструменте. И он его находит.

С утра, когда в Доме пионеров затишье, Володька идет в школу. В учительской комнате стоит пианино. Приставляет стул, садится и ударяет пальчиками по клавишам. Аж сияет от радости. Но начинает играть аж тогда, когда учителя расходятся на уроки. Выразительные, певучие звуки, наверное, нравятся ему, потому

что когда я вхожу, он бежит ко мне навстречу со словами:

— Папа, купи мне пианино!

— Такое, как это?

— Да-а-а...

— Обязательно куплю, как только появится в продаже.

У него сильная тяга к музыке, а это заставляет меня задуматься и внимательнее присматриваться к нему. Мальчик посещает вместе с нами учительский хор, в котором поют почти все учителя во главе с директором школы. Садится за парту и наблюдает спокойно, как мы разучиваем песни. И это ему совсем не надоедает. Он даже сосредоточен, важно следит за каждым движением руки Ивана Лазаревича, словно перед ним происходит какое-то торжественное действие.

Прислушивается к голосу матери, и его лицо внезапно словно светлеет. Она же красиво поет. Из своей Надднепрянщины принесла на Буковину, кроме красивого украинского языка, совершенно лишнего примитивного суржика, немало народных песен, которые мастерски исполняет.

Наш непоседа все время стремится к детям, которые относятся к нему с определенным интересом. Долгие светлые волосы спадают ему аж на плечи и делают его похожим на голубоглазую девочку. Но в нем нет ничего девичьего. Он подвижный, вертлявый, как юла, и даже импульсивный при потребности. И хорошо вписывается в ученическую среду. Сначала с недоверием присматривается к ней, а потом стает очень подвижным и голосистым выдумщиком. Перед старшими держится независимо, с некоторым даже вызовом, что заставляет мальчишек считаться с ним. Даже берут его на уроки. Учители, наши коллеги, симпатизируют ему, потому что он ничем не выдает своего присутствия в классе.

Когда в учительской нельзя играть на пианино, потому что там сидят родители, которых учителя вызвали на разговор об успешности и поведении их детей, Володька идет в физический кабинет, где учитель Михаил Васильевич Щербаков мастерит каждый день с группой парней-энтузиастов удивительные штуки: складывает из деталей какую-то действующую машину или радиоприемник для школы. Он спокойный, неразговорчивый и искренне влюбленный в свою физику и математику, а со своими энтузиастами ведет себя, как старший друг.

В свободное от игры на пианино время Володька приходит на мамыны уроки, потом — на мои. Сначала ходит по коридору, прислушиваясь, из какого класса идет мамин голос, потом отворяет двери и останавливается на пороге.

— Мама! — молвит тихо, чуть виноватым тоном.

Мать меряет его глазами, в которых прыгают искорки утехи.

— Иди садись, если пришел, — и садит его за первую парту. Кладет перед ним листок бумаги и карандаш. И дальше ведет урок.

Мальчик сидит некоторое время смиренно, что-то рисует, слушает маму. Но все это надоедает, и он начинает оборачиваться к ученикам, толкает их, тянет их книжки, отвлекая внимание от того, что говорит мама. По классу пробегает сначала легенький смешок, а потом — откровенное хихиканье. А это не нравится матери. Она говорит ему:

— Когда ученики плохо себя ведут, то мы вызываем родителей в школу. С тобой поступлю иначе: иди к папе и расскажи, что ты делал на моем уроке... — Берет его за ручку и ведет в коридор.

Володька не протестует, потому что он знает, что должен делать. Ходит по коридору и пытается распознать, у каком я классе. Открывает осторожно двери и озаряет меня своими голубыми глазами.

— Сказала мама, чтобы я шел к тебе, — говорит стыдливо.

— Почему?

— Та сказать, что я игрался у нее на уроке.

— И мешал работать?

— Да.

— Если не умеешь вести себя, то иди домой. Там поговорим, — перехожу на угрожающую интонацию. Володька опускает голову и выходит из класса.

... Хочется побегать и попрыгать вместе с другими детьми, поиграть в мяч на школьном дворе или на зеленой толоке, которая возле Дома пионеров. Но все это как среди прочего. Главное — музыка. Она живет в скрипке Ивана Лазаревича, в аккордеоне, виденном в кино, в пении соловьев и других птиц, густо заселяющих сад Воробкевичей и поэтический лес, который будто смотрит из-под нахмуренных бровей на Кицмань. Музыка затаилась в школьном пианино и десятках пластинок, лежащих в комнате на шкафу и время от времени их душа приобретает голос и приносит нам море удовольствия.

Где бы не бегал, что бы не делал, Володька всегда возвращается к оркестру народных инструментов и к пианино. Это зачарованный круг, из которого не пытаются выйти, потому что в нем чувствует себя очень хорошо. Это же увлечение, не дающее ему покоя и никогда не надоедающее.

И к этому нужно отнестись со всем вниманием, нужно помочь парню. Хотя бы нанять временного частного учителя, но его не найдешь в Кицмане. Музыкантов, правда, много, но ни один, кроме Ивана Лазаревича, не знает нот. Все слушатели. Хоть переезжай в Черновцы, где есть детская музыкальная школа и музыкальное училище. В Садгоре, пригороде Черновцов, тоже уже открыта музыкальная семилетка. А почему бы не быть ей в Кицмане? От Черновцов до нашего городка только двадцать два километра... Этот вопрос беспокоит многих Кицманчан.

В начале апреля 1954 года иду к второму секретарю райкома партии Е. М. Удовенко и говорю ему, что в Кицмане нужно открыть детскую музыкальную школу.

Сразу слышу, что Удовенко не нужно убеждать. Он внимательно смотрит мне в глаза и спрашивает:

— А у вас есть список родителей, которые хотят обучать музыке своих детей?

— Списку еще нет, но родителей много.

— Прекрасно... Но остаточное решение будет тогда, когда будем иметь заявления родителей. Хотя бы пол сотни. Это же должна быть семилетняя школа, а не музыкальный кружок. Было бы идеально, если бы колхозники и рабочие тоже написали заявления.

— Через три-четыре дня заявления будут тут, на вашем столе.

— Желаю успеха... — и жмет мне руку.

Начинаю действовать. Обращаюсь в многие семьи, в которых есть дети школьного и даже дошкольного возраста. Колхозников и рабочих не нужно уговаривать, они охотно пишут заявления. И тех заявлений набирается у меня много — сто десять штук. Складываю их в папку и несую Е. М. Удовенко. И этого достаточно, чтобы «машина завелась». В тот же день наши заявления оказываются в Областном отделе культуры, а еще через несколько дней мне сообщают, что двадцатого мая приедут черновицкие учителя музыки прослушивать Кицманских детей. Те, у которых выявят музыкальные способности, будут зачислены в первый класс детской школы, открывающейся в Кицмане. Я должен обеспечить явку детей с родителя-

ми. Волнуюсь. Во-первых, чтобы родители пришли вовремя с детьми, а во-вторых, чтобы экзаменационная комиссия приняла моего Володьку. Мы же много раз слышали, как он поет, проверяли слух. Вроде бы все хорошо.

Экзамен происходит в средней школе после уроков. Я в составе экзаменационной комиссии — как представитель родителей. Присматриваюсь внимательно к экзаменаторам. Они в хорошем настроении, шутят с детьми, смеются. Настораживает только то, что спрашивают каждого поступающего, сколько ему лет. В марте Володьке исполнилось пять. Разве приемная комиссия не может сказать, чтобы я привел сына в следующем году? Еще и как может! И что тогда? Володька ж уверен, что вступит в первый класс, что будет иметь настоящую скрипку со смычком... Он уже давно живет этой мечтой.

Выхожу на несколько минут в коридор. Подбадриваю своего малого поступающего:

— Внимательно слушай каждое слово учителей. Они очень хорошие люди. Если спросят, сколько тебе лет, скажешь, что уже пошел шестой. Да, сын, шестой. Не забудь, уже шестой. Мы же четвертого марта праздновали твой день рождения. — Киваю многозначно жене и пожимаю плечами — что ж, мол, поделаешь, если младших могут не принять.

Володька не сводит с меня глаз, наверное, понял, что я волнуюсь.

Возвращаюсь в класс болеть за каждого поступающего — чтобы школа существовала, нужны ученики. Если не наберут, то все пойдет по ветру. Характер вопросов, доброта и ласковость учителей навевают мне оптимизм.

Вот, наконец-то, входит Володька вместе с матерью. На нем форма моряка. Подходит к улыбающимся учителям, сидящим за столом с его папой. Они проверяют его слух и чувство ритма, а будущий педагог по классу скрипки, молодой и веселый Юрий Александрович Бруевич, спрашивает:

— А что нам споешь, Володя?

— Про тихесенький вечер... — отвечает не задумываясь. И уверенно начинает:

Тихесенький вечір
На землю спадає,
І сонце сідає
В темнесенький гай.
Ой сонечко ясне,
Невже ти втомилось,
Чи ти розгнівилось?
Іще не лягай!

Затаиваю дыхание, сливаюсь с песней. Кажется, что мой мальчик возносит молитву к солнцу, чтобы оно по-матерински миловало все сущее на земле, чтобы цветы буяли, пташки чертили пространство, а синева весеннего неба отражалась в зеницах всех детей на свете. Тем солнцем является и красота, которая живет в сердце Кицманской детворы и просит этих улыбающихся пришельцев, чтобы дали музыку в их чистые руки. Они станут озарять ее звуками каждый день, каждое создание. И еще кажется моему отцовскому сердцу, что это не обычное детское пение, а глубоко в грудях затаившаяся потребность соединиться с голосом людей, птиц и зверей.

Его слушают внимательно.

— Достаточно, Володя... — говорит Юрий Александрович. — Сколько тебе лет?

А теперь Володька заливается румянцем. Смотрит на меня — глазки беспокойно блестят.

— Шестой... — его взгляд словно спрашивает меня: «Ты так хотел? Имешь...»

С облегчением вздыхаю. Очень хочется, чтобы его не травмировали отказом. Об этом можно было позаботиться заранее, чтобы не нарахать мальчика на неприятное самочувствие. Но я не отважился этого сделать — детей нельзя унижать. Это правда, мой сын грезит музыкой, но я не мечтаю о том, чтобы он стал виртуозом, который станет удивлять мир, мне только хочется, чтобы мои дети были всесторонне образованы, а средняя школа ничего им не даст, потому что в ней музыкальное образование полностью запущено. Музыка же занимает огромное место в обществе и личной жизни каждого цивилизованного человека.

Володьку принимают в первый подготовительный класс, и мы его называем первоклассником. Это ему очень нравится. После вступительных экзаменов делаем с черновицкими учителями музыки большую прогулку в прекрасном Кицманском лесу. Они очень рады и благодарны за наше внимание — их, мол, нигде так не встречали, как в Кицмане. После вступления в музыкальную школу Володька болеет. Мы уже привыкли, что у него часто бывает какая-то загадочная горячка. Врачи осматривают его, назначают разные таблетки, а они не помогают. Сваливаем все на ангину, вылечиваем ее, а горячка дальше дает о себе знать. В профсоюзе нам дают путевку на вторую половину июля в детский санаторий в Малой Акарже на Одессине.

Село Малая Акаржа, бывшая немецкая колония, бедное, запущенное, но его жители приветливые, гостиные, доброжелательные. Санаторий размещен среди огромного роскошного сада, залитого солнцем. Мы с женой занимаем комнату в семье железнодорожника, которого видим дома только в воскресенье. Его жена Галя благосклонна к нам, во всем угождает, чтобы мы чувствовали себя, как дома.

Володька с нетерпением ждет нас каждый день после обеда. Он живой, говорливый, бегают с детьми. У него уже много друзей. А от горячки и следа не осталось.

Я ему рассказываю:

— За селом, сын, есть огромный пруд, который селяне называют лиманом. Наверное, искусственный и очень давний.

У Володьки засияли глаза.

— А там рыбу можно ловить? — спрашиваю.

— Удочкой можно. Там много рыбы. В Одессе я купил трехсекционную удочку. Она складывается в одну тростину.

— Я пойду с тобою, — не сдерживается.

— Тебя это пустят врачи.

— Нет, папочка, пустят. Попроси Анну Павловну. Завтра после обеда пойдем на тот лиман.

У Володьки новая страсть — рыболовство, которой он набрался от дядьки Дмитрия. Вместе с ним он уже побывал на всех озерах Кицманщины. А этим летом мы лишь один раз наведались к речке Совеце, в которой нам повезло поймать аж три рыбины, их сам Володя поймал — он держал удочку в своих руках. Как принес ту добычу домой, все поздравили его с победой, а у кошки было большой праздник — съела аж три рыбины, а это мы считали редким событием в ее биографии.

То мы с матерью разыскиваем врача Анну Павловну и просим у нее разрешения забрать мальчика домой на несколько часов. Она не возражает.

Переодеваемся, берем коробку с червяками и идем к лиману. Цепляем червяка на крючок, бросаем его на несколько метров от берега и... ловись, рыбка, большая и маленькая! Удочку даю держать Володьке — это ж его любимый вид спорта. Он сидит не шевелясь на траве и просто-таки поедает глазами тот поплавок, который беспробудно заснул на тихом плесе. А я читаю рядом с ним роман Панаса Мирного «Повія» («Проститутка»). Солнышко припекает, легенький ветерок едва дышит, — мы бы его и это слышали, если бы вдоль берегов не шевелился камыш, который словно время от времени содрогается во сне и благодарит ветерок за внимание. Иногда над плесом блеснет серебристая рыбка и падает с плеском в воду. А Володька словно застыл в священном экстазе. Недалеко гомонят какие-то сельские дети. Они тоже с удочками, у них тоже, наверное, ничего не ловится, потому что не слышно их выкриков.

Володька встает, кладет удочку мне на ногу и с интересом смотрит в сторону мальчишек.

Я теряю всякую надежду на то, что какая-нибудь рыбка поймается сегодня на наш крючок. Сюда нужно приходиться рано утром или вечером, а не в такую жару. Рыба ж игнорирует все наши поживки.

Роман Панаса Мирного начисто забирает мое внимание.

Не придаю наименьшего значения тому, что с моей ноги сползла внезапно удочка, хлюпнулась в воду и поплыла, как гадюка, по блестящему плесу. У меня дрожь бежит по телу. Какое-то мгновение не понимаю, что случилось. Наконец-то опомнился: рыба ж поймалась на крючок и с перепуга потащила удочку за собой.

Кладу книжку и кидаюсь в воду. Я догоню тебя, рыба-одесситка, не подарю тебе Володькину бамбуковую удочку, хоть бы ты была это простая, а золотая. Даже не думай...

Отплываю три-четыре метра и слышу, как кто-то плюхается с берега в воду. Оглядываюсь — Володька плывет за мною. Он в Бердянске научился плавать. От матери, конечно же, которая в молодости переплывала Днепр.

Я немею. Тут глубоко. Опасно для ребенка, хоть и нет волн. Оборачиваюсь и кричу:

— Вернись на берег! Что, это слышишь?!

Гребу энергично руками и каждый раз, когда вытягиваю левую руку из воды, вижу — о горе! — на солнце блеск моих заплаканных часов. Я ж вскочил с ними в воду. Подношу левую руку вверх и гребу назад только правой... Выбираюсь на берег к Володьку. Все мне не до чего. Не стану пересекать весь лиман, чтобы отнять у какой-то анафемной рыбы удочку сына. Поеду завтра в Одессу и куплю новую. И все.

Хожу сердитый и трясу своими часами, чтобы вытрясти из них воду. Стыдно перед сыном, что я попал в такую неприятность. Но не проходит и двух минут, как к берегу подплывают — как в сказке! — двое мальчишек.

— Дядька, держите! — говорит один из них, протягивая мне удочку.

Я приятно удивлен.

— Спасибо вам, мальчики, — говорю радостно и вытягиваю большую рыбу, которая аж шлепает хвостом по мокрому берегу. Хочу поймать, освободить ее от крючка, но разве удержишь в руке? Тяну ее в траву. Мальчишки постояли какое-то мгновение и побежали на место, где разделись.

Заворачиваю рыбу в майку, беру Володьку за ручку и тороплюсь домой показать жене наш улов. Пусть радуется. Когда отдаляемся от лимана, бросаю косою взгляд на часы; они застыли в четыре часа восемнадцать минут. Жене не признаюсь, что я его искупал в воде.

Жена почистила рыбину, изжарила ее и накормила Володьку. А я отвожу его в санаторий. Между нами идет такой разговор:

- Ты, папочка, рад, что поймал такую рыбу?
- Завтра отвечу тебе на этот вопрос.
- Почему завтра?
- Завтра ж увижу, сколько будет стоить чистка часов.
- Зачем их чистить?
- Он у меня не герметичный. Напился воды и с места не сдвинется, пока мастер не протрет все его колесики.

На следующий день таки еду в Одессу и сдаю часы в чистку, а это стоит половину его стоимости. Зарекаюсь ходить с ним купаться.

Дни скоро проходят под жарким одесским солнцем. За неделю до окончания срока пребывания Володьки в санатории покупаем билеты на дизель-теплоход «Россия» — наилучший пассажирский корабль на Черном море. Поплывем в Ялту, а оттуда — в Жданов³. Солнце, море, свежий воздух, хороший уход за мальчиком должны еще больше укрепить его здоровье.

³Мариуполь — прим. ред.

Раздел пятый

Приношу скрипку из Черновцов, вынимаю торжественно из темного чехла и кладу на стол, и вся семья внимательно ее рассматривает. Это не игрушечная, а настоящая, учебная скрипка для маленьких еще рук моего сына. Она ласкает взгляд своим праздничным блеском и словно говорит Володьке: «Не печалься, что я такая маленькая, один-два года пройдут, я вырасту, и ты вырастешь вместе со мною. Но и такая, как вот это я сейчас, не буду хуже других. Увидишь, как стану играть в твоих руках — все ахнут от удивления. Как бы ты ни жил, на этом свете я буду твоей судьбой. Мир скуп на радости, но я тебе их принесу — будешь счастлив лишь тогда, когда прислонишь меня к своему подбородку... Бери же меня навсегда, навеки...»

У Володьки блестят глаза, а на устах играет счастливая улыбка. Смотрит то на нас с матерью, то на скрипку. Гладит ее, трогает пальцами струны и сияет от утех.

Через неделю начало учебного года. Это не много, но нужно ждать, хоть очень в нетерпех. У нас уже есть и синя папка, на которой написано большими буквами слово МУЗЫКА, — его далеко видно, все прохожие легко поймут, что Володька уже взрослый, уже учится в музыкальной школе. В папке появляется и нотные тетради, новенькие, чистенькие, аж страшно будет писать в них...

Наконец-то настает долгожданный день — первое сентября. Юрий Александрович Бруевич не опаздывает. У него семь учеников, у каждого уже есть скрипка. Но вот какая тут беда... Занятия, уроки — хорошие слова. А где же их проводить? Школа же значится только на бумаге. Помещения еще нет, а уроки два раза в неделю нужно проводить в трех классах. Второй секретарь райкома партии сказал, что наше помещение скоро освободится от канцеляристов и бухгалтеров. Нужно немного потерпеть, разрешение проблемы не за горами. А пока уроки будут проводить в Доме культуры и Доме пионеров.

Веду Володьку в Дом пионеров. Там уже ждет Юрий Александрович. Он белорус, лет тридцати, очень ласковый с учениками и родителями, словно рожден для того, чтобы учить детей игре на скрипке. Долго рассказывает Володьке про скрипку-восьминку, а потом мальчик водит смычком по открытым струнам. Восьминка не играет, а жужжит, как тучка голодных комаров. Единственное ее качество в том, что она похожа на скрипку и имеет струны. Но не смотря на препоганое звучания, она тешит Володьку. Он уже играет! Юрий Александрович позволяет мне сидеть на уроках, чтобы потом дома помогать Володьке, который читает быстро, как взрослый, а писать не умеет. Сажу сбоку и запоминаю каждое слово, каждый совет учителя.

С самого начала работаем с сыном два раза в день по полчаса. Не больше. Он все легко осваивает, и нет необходимости толочь воду в ступе. Мальчик должен бегать, играть, развлекаться. Пытаюсь, чтобы домашние занятия были интересными, не превращались в сложную неприятную обязанность для ребенка. Пою каждую нотку, каждый такт, выдумываем веселые сказочки, в которых участвуют все домашние. А через некоторое время переходим к более сложной программе — к песням «Петушок», «Чи піду, или вийду я» («Пойду ли, вийду ли я») и многим

этюдам, довольно-таки сложным. Володькины руки скоро привыкают к правильной постановке.

С началом учебного года в Доме пионеров дает о себе знать бурная жизнь: проходят занятия разных кружков, городские и районные пионерские сборы, тематические вечера, концерты ученической самодеятельности. Да и средняя школа, не имея своего зала, часто устраивает там родительские собрания, считая Дом пионеров своей собственностью. Все эти мероприятия аж никак не способствуют нормальной работе музыкальной школы. Более того, учителей раздражают стук-грюкот, вопль в коридоре, заглядывание посторонних в комнаты, где идут занятия.

Выхода, кажется, нет. В Кицмане не найти помещение, которое можно было бы приспособить для потребностей музыкальной школы, которая в будущем будет расширяться, увеличивая количество классов, учителей и учеников. Все наилучшие дома заняты организациями, торговыми учреждениями, жильем.

В райкоме партии думают над решением этого вопроса, ведь учителям необходимо работать без нервов. Их недовольство отражается на настроении родителей, которые уже начинают думать, что в один день педагоги не приедут в Кицмань, где не обеспечены элементарные условия для работы. И что ж ты сделаешь? Не построишь хату из лебеды и не заведешь в нее учителей и учеников.

Наконец-то находят две комнаты в районном Доме культуры. Уроки класса скрипки и баяна проходят в одни дни, а уроки фортепиано — в другие. Уже можно мириться, можно работать. Но настает поздняя осень, идут дожди вперемешку со снегом, всюду слякоть, по утрам заморозки, морозы. У комнатах очень холодно, их не отапливают как следует. Учителя проводят уроки в пальто. Я приношу Володьку на руках в школу и на уроке уже не прислушиваюсь к тому, что ему объясняет учитель, а слежу, чтобы в печи горел огонь. Когда Юрий Александрович делает маленький перерыв, я беру посинелого ученика на колени, согреваю его ручки у себя под свитером.

Другие родители тоже поддерживают огонь в печи, но это надоедает, злит их. Злит полная нейтральность директора Дома культуры, который считает, что забота о нормальной работе музыкальной школы не входит в круг его обязанностей. Некоторые высказываются, что этот горемыка надеется, что все родители скинутся и заплатят ему за услуги. Но настает день, и его зовут, кажется, в районный отдел культуры и так «культурно» говорят с ним, что перед его глазами весь мир темнеет. И это хорошо воздействует на него: к приезду учителей комнаты хорошо убраны, даже ваза с цветами стоит на столе, пианино настроенное, а печи такие горячие, что нельзя к ним прикоснуться. Учителя нормально работают, им никто не мешает. Только иногда директор Дома культуры зайдет и спросит, нет ли у них еще какого-то пожелания. Он охотно пойдет им навстречу.

Для меня, учителя средней школы, полезно посещать уроки Юрия Александровича Бруевича. У него можно научиться плотности работы с учениками, когда ни одна минута не пропадает даром. А своей манерой вести себя он увлекает детей, которые видят перед собою прежде всего старшего друга. Он тактично и терпеливо исправляет их ошибки, не считает их смертельным грехом и не унижает учеников нервозностью или слишком резко высказанной нетерпимостью в пропуске уроков.

Выучено много этюдов, гам, песен, из которых Володьке нравятся такие, как «Ой джигуне, джигуне» («Ой баламут, баламут»), «В поле березка стояла», «Сурук», «Соловейко» и др. Он их исполняет задушевно, искренне. Выступает на академконцерте, где его хвалят, называя лучшим учеником класса скрипки, а это

добавляет ему уверенности, заставляет еще лучше работать. Володя любит свою жужжалку, готовый спать с нею, охотно идет в школу, а на учителя своего смотрит, как на волшебника из сказки. Зимой у Володьки много времени для еще одного любимого занятия — чтения. Перечитывает по несколько раз библиотечные и домашние книги сказок, не разлучается с любимым Робинзоном Крузо, веселым вруном Мюнхгаузеном и хитрецом Лисом Никитой, катается на санках вволю, лепит снежных баб, болеет ангиной. Весной бегают по Кицманскому лесу, блуждают с дядькой Дмитрием берегами прудов и Совицы, время от времени ловит рыбу и устраивает праздник нашему коту.

Первый учитель Володи по классу скрипки Юрий Александрович Бруевич пишет в своих воспоминаниях:

«Как теперь стоит перед моими глазами маленький, по-детскому пухленький мальчик с умными глазами.

Нужно сказать, что первые шаги в овладении игрой на скрипке — очень трудоемкая работа, требующая систематических, упорных занятий, как в школе, так и дома. Володя, обладая хорошими музыкальными данными, с большой любовью и интересом относился к занятиям, проявил заинтересованность, всегда был подготовлен к уроку.

За один учебный год он выполнил двухлетнюю программу. Конечно, нужно отдать должное родителям Володи, которые очень любили музыку, прививали любовь к ней, организовывали его работу.

Я ощущал, что этот ученик при серьезной и систематической работе добьется больших успехов. А это и подтвердилось в дальнейшем.

К сожалению, Володя учился у меня только один год, но оставил о себе яркое впечатление».

... Совершенно в других условиях проводятся уроки в следующем учебном году. Все организационные проблемы решены, музыкальная школа не мытарствует, а получает одно из лучших Кицманских зданий с множеством комнат, просторным двором и садом. Она стала независимой от черновицкой школы №1. Ее первым директором назначен прекрасный скрипач, выпускник Черновицкого музыкального училища Юрий Николаевич Визнюк. Он делает капитальный ремонт, доводит здание до блеска, стены украшает красивыми портретами великих композиторов — Глинки, Чайковского, Шостаковича, Моцарта, Бетховена, Лысенко, Ницинского, Косенко, Шуберта, Шумана... Получает инструменты — рояль, два пианино, виолончели, народные инструменты, новенькую мебель... И много литературы. Тождественный вид школы действует на детей — они гордятся нею. Набор учеников растет.

Володька доволен, что он второклассник, признанный скрипач школы. На самом деле он во втором подготовительном классе, где уже вводят новые предметы: сольфеджио, ансамбль, общее фортепиано. Но тут его ожидала беда: он еще не умеет писать, хоть рисует неплохо. Но мы не торопимся учить его писать, хотим, чтобы он этому научился в школе, где выработает хорошую каллиграфию. А что делать с уроками сольфеджио, где нужно выполнять домашние задания?

Выход найден: ходим вместе с ним и на уроки сольфеджио, которые ведет сам директор школы, Володькин педагог по классу скрипки и фортепиано. Тут много учеников, учащихся в третьем-четвертом классах общеобразовательной школы и уже полностью подготовленных для освоения элементарной теории музыки. Но мы им не уступаем: нас двое. Приходим на уроки без опоздания, с чувством достоинства садимся за парту и превращаемся в слух. Почти двадцать

учеников смотрят сначала удивленно, но поскольку я учитель средней школы, где и они учатся, то ведут себя сдержанно, скромно, не шумят и не устраивают беспорядок. Мы с Володькой становимся своеобразными старостами. Когда учитель заходит, Володька встает, как и все ученики. Когда садятся, он поворачивается ко мне и спрашивает:

— А ты почему не встаешь? — Ему кажется, что я не вежливо отношусь к педагогу.

— Я ж не ученик, — отвечаю шепотом.

— А кто ты?

— Твой персональный секретарь... — Он не понимает мой ответ, но больше не спрашивает. Ученики читают ноты, дирижируют, изучают гаммы, арпеджио. Я старательно записываю все, что говорит учитель, а Володька старательно выводит нотки в тетради на том месте, где они и должны стоять, умело рисует диезы и бемоли, а скрипичный ключ получается у него очень хорошо.

Делаю ему замечание:

— Разве ты не видишь, что твои ноты выросли кривыми. Почему торопишься? Учись хорошо писать...

Учитель внимателен к нему, часто говорит ему повторить гамму, арпеджио или какой-то отрывок из упражнений. Володька своим детским дискантом удовлетворяет требовательного педагога. А иногда, чтобы пристыдить какого-то из старших учеников, не очень внимательного, который фальшиво поет, Юрий Николаевич обращается к малышу:

— А ну ты, Володя... — У Володьки недовольно блещут глаза. Не хочет, чтобы старшему ученику было стыдно из-за него. Опустив взгляд, краснеет, но поет — учителя же нужно слушать.

Мы с ним дисциплинированные. Внимательно списываем с доски ноты, которые словно отрываются от мела учителя. Ученики поют их хором, а потом каждый отдельно, Володька тоже поет, а краем глаза поглядывает на меня. Толкает в руку и говорит:

— Почему не поешь?

— Тут поют только дети, а я уже взрослый. Будем петь дома. Будь внимателен... Все запоминай.

По дороге домой спрашивает:

— Ты только домашний певец? Учитель не может сказать, чтобы ты пел вместе с нами, правда?

— Вас двадцать — есть кому сказать.

Дома сразу же садимся делать задания, чтобы не забыть учительских пояснений. Это занимает полчаса. Не больше. После этого Володька свободен. На следующий день повторяем выученное. Потом еще раз... таким образом, приходим на урок с крепко усвоенным материалом, мальчик отвечает, как звоночек.

Наблюдаю новую черту в его характере. Бывает так, что какой-то ученик дает неправильный ответ, и учитель обращается к классу:

— Кто исправит ошибку?

Кто-то поднимает руку, Володька — нет. А он знает, как нужно отвечать. Наклоняюсь к нему и спрашиваю:

— Разве ты этого не знаешь?

— Знаю...

— А почему не поднимаешь руку?

Володька жмет плечами, но руку все-таки поднимет. Учитель видит его и

в то же мгновение делает знак рукой, чтобы тот отвечал. А ему не хочется, чтобы его выделяли среди учеников, с которыми он играет на толоке во время перерывов. Они же его считают своим, а он вот выскакивает, как Филипп из конопли, и стыдит их. Подумаешь, учительский ребенок. Так не идет. Поэтому Володька неохотно отвечает, когда кто-то из его друзей ошибается. Кроме того, мальчишка кажется мне и самолюбивым — пытается не отставать в группе, в которой он самый младший, не хочет показывать, что не умеет писать, это заставляет его на уроке по сольфеджио очень тщательно списывать ноты с доски.

Проходят дни за днями... Мальчик не расстается с песней, по-взрослому уперто работает над каждым ее тактом над всеми нюансами. И скрипочка-штамповка словно очищается от своей хрипоты и приобретает совсем другой голос. И я понимаю Володькин секрет: он дарит скромной восьминке часть своей души и заставляет весьма нехитрый инструмент тешиться, грустить, стремится к небудничному — сотворить чудо.

Учителя любят малыша и охотно берут его с собой на концерты, чтобы продемонстрировать успехи молодой школы. А во втором подготовительном его концертная программа довольно-таки изысканная: «Солнце низенько» («Солнце низенько») М. Лысенко, «Сурок» Л. Бетховена, «Соловейко» Н. Глинки. Володя исполняет с особенным энтузиазмом «Рондо» В.-А. Моцарта, «Серенаду» Ф. Шуберта, «Концертино» и «Сонатину» Н. Баклановой. Эти вещи приносят ему успех среди слушателей. Публика награждает мальчишку громкими аплодисментами.

Раздел шестой

Я пойду в вашу школу? — спрашивает Володька.

Наша — это средняя школа, где мы с женой работаем. Его же — музыкальная. Между ними есть довольно четкая демаркационная линия.

— А как же... А тебе разве не хочется в нашу?

— Нет.

— Почему?

— Достаточно музыкальной. Все остальное будем учить дома. С тобою. — Володька не может и в мысли допускать, что он будет учиться еще в какой-то школе, настолько его пленила музыка. За два года словно сросся с ней.

— Разве ты не любишь литературу, физику, математику, химию, историю?

Молчит какое-то мгновение. У него на устах примирено-ласковая улыбка. Брызжет на меня голубизной своих глаз и говорит:

— Я люблю только на скрипке играть.

— А на пианино? — и улыбаюсь.

— На пианино тоже, но немного меньше.

— Это прекрасно. Та это забывай сын, что все люди должны учиться в средней школе. Это наилучшая школа в мире. Она дает те основы, на которых всю жизнь будешь строить свое общее образование. Средняя школа не повредит твоей музыке, наоборот — обогатит тебя так, что лучше станешь понимать даже игру на скрипке.

Ничего не отвечает. Ходит в задумчивости. Оказывается в соседней комнате. До меня долетают слова:

— Я, мамочка, пойду и в вашу школу. Папа сказал, что и туда нужно идти.

Мы с женой попросили нашего завуча Елену Васильевну Цибульскую, чтобы Володьку определили в класс Екатерины Филипповны Андрущенко-Фивчук, отличающейся ласковостью и добротой в отношении к детям. Мы не ошиблись в выборе. На протяжении четырех лет Володька будет любить свою учительницу, рассказывать о ней хорошие вещи с каким-то милым детским пиететом, а ежегодно на 8 Марта станет просить, чтобы мы достали для нее букет из наилучших цветов, ее слова будут иметь для него силу нерушимого закона.

Иногда бываю свидетелем того, как Володька сидит на диване и расспрашивает маму о детстве своей учительницы на далекой Черниговщине, которая кажется ему сказочным краем, где живут красивее и умные люди. Мы с матерью перенимаемся его увлечением и смотрим на Екатерину Филипповну его глазами и приходим к выводу, что она действительно порядочный и благородный человек.

Каждый класс у средней школе Володька оканчивает с похвальной грамотой, как и в музыкальной.

Смотря на рост Володи, прихожу к мнению, что для того, чтобы ребенок хорошо учился в школе, родители должны обеспечить его успехом. А хороший успех в классе — это наилучший стимул для ребенка. Дети очень любят успех в учебе, он дает им веру в собственные силы.

Володька радуется, что уже вышел из подготовительных классов и стал полноценным учеником. Пусть теперь Галинка носит свою виолончель в подготови-

тельный. Вместе с папой, конечно же... и пусть она водит теперь своим смычком целыми днями по открытым струнам. Пусть пилит, чтобы знала, что такое музыка.

У Володьки уже это восьминка, а четвертинка, которая имеет более сильный голос. Она даже ему самому нравится, особенно тогда, когда исполняет «Серенаду» Ф. Шуберта, «Мечты» Р. Шумана, «Колыбельную в бурю» П. Чайковского. Теперь работает над «Концертом» В. Лапинского. Весь ныряет в музыку произведения. Я уже даже не сижу возле него. Сам все делает — набрал хорошей инерции. Но у него есть одна большая беда: нет времени для веселья и детских игр. А чтобы половить рыбку в Совице, то и речи быть не может. И за грибами хочется пойти с папой или дядькой Дмитрием... Разве что один раз в неделю — в воскресенье.

Учителя двух школ задают много на дом и требуют старательности в выполнении заданий. А от него почему-то особенно много требуют — Володька же, мол, лучший ученик, перспективный музыкант, им гордятся, ставят другим в пример. Поэтому должен успевать на «отлично». А в дневнике иногда записывают, что он не всегда работает с надлежащей старательностью. Даже появляются четверки и тройки. А это уже угроза. По этим оценкам стоят учителя, которые недовольно сопят. Иногда их слишком суровые требования вызывают у него протест.

Однажды мама, просматривая тетрадь с его домашними заданиями, отмечает, что нужно лучше писать. Неаккуратная писанина не подходит для отличника. Володька отвечает:

— Зачем писать только на «пять»? В классе много учеников, получающих тройки и четверки. А они хорошие мальчишки. Разве худшие за меня?

Мать сначала теряется, не зная, что ответить. Но собирается с мыслями и отвечает:

— Мы же, сынок, учителя... Каждый день говорим нашим ученикам, чтобы учились на «отлично», хорошо писали. Кто-то из них может нас спросить: «А почему ваш Володька, София Ивановна, выполняет домашние задания на тройки?» И что я на это отвечу, ребенок? Просто покраснею, и все. Это же правда... Разве тебе будет приятно?

— Нет, мамуля... Вам не будет стыдно за меня.

— Дети, которые привыкают хорошо работать с детства, становятся хорошими людьми, Ты не хочешь быть таким?

— Хочу, мамуля.

Такие разговоры редко происходят в нашей семье. Володька хорошо учится в обеих школах. Учителя им довольны.

Осенью 1956 года музыкальная школа готовит большой концерт для родителей. Володька очень волнуется. Ежедневно работает над своими пьесами, шлифует каждый такт. И завоевывает успех. Присутствующий на концерте журналист В. С. Воливач в статье «У будущих музыкантов», напечатанной 14 декабря 1956 года в областной газете «Советская Буковина», пишет:

«Не меньше любят юноши и девушки скрипку, которую с давних времен называют в народе «царицей музыки». Вот с нею в руках на середину выходит Володя Ивасюк — ученик первого класса, педагог Ю. М. Визнюк. Он прижал острым подбородком к плечу инструмент, покачнул белявой головой и сыграл «Концертину» композитора Н. Баклановой, потом «Серенаду» Ф. Шуберта. Волшебная мелодия захватила присутствующих.

— Будет из мальчика хороший скрипач, — тихо похвально говорят родители»⁴.

⁴В. С. Воливач сам был прекрасным скрипачом — прим. ред.

Володька заметно развивается и не жалуется, что его нагружают и подгоняют оценками. Заканчивает работу над «Концертом» О. Ридинга, который, вместе с «Менуэтом» Бетховена и «Этюдом» М. Комаровского, исполняет на экзамене за первый класс. Получает похвальные грамоты в двух школах.

21 марта 1957 года записываю в своем дневнике:

«Заходил к Володькиному учителю. Он был вчера в Черновцах на академ-концерте скрипачей музыкальной школы. В сравнении с первыми черновицкими скрипачами — Володька лучший. Техника. Звук. Играет с чувством. Нужно больше гаммы играть. Если ничего это помешает, Володька будет хорошим скрипачом».

Уже каникулы. Для детей началась беззаботная жизнь. Мы тоже отдыхаем вместе с ними. Но покоя все-таки нет — они просятся на концерты, которые частенько проходят в нашем городке, и даже тянут нас в Черновцы. Считаем это нормальным и охотно удовлетворяем их желания. Они же приятные слушатели — на полтора-два часа превращаются в слух и зрение.

Мы потрясены, с каким вниманием Володька смотрит армянский музыкальный фильм «Сердце поет», где в главной роли выступает знаменитый армянский певец, вернувшийся в Советскую Армению после многолетнего проживания в Италии. Это — Артур Айдинян, который, насколько помню, играл самого себя.

Володька очарован прекрасными неаполитанскими песнями, действующими на него, как и вся музыка фильма. На следующий день он просит маму и дядьку Дмитрия, чтобы пошли с ним еще раз в кино.

И они пошли.

Через несколько лет Артур Айдинян приехал с концертом в Черновцы. Володя подрос, был уже музыкантом, но впечатление от песен певца запало глубоко в сердце. Он сагитировал родных поехать на концерт армянина. С увлечением слушал его, хотя и не скрывал разочарования: артист уже был мало похож на виденного когда-то экранного героя.

... У Володьки лучшего приятеля, чем дядька Дмитрий, не может быть на всем свете. Если он не каждый день, то через день приходит к нам. Увидав его, Володька и Галинка с разбега кидаются ему в объятия, садятся на его сильные плечи и смеются на весь двор. Дядька Дмитрий очень любит такие церемонии встречи. Последние два года он страстный поклонник Володькиной игры на скрипке. Очень ему нравятся песни «Солнце низенько», «Соловейко» и «Серенада» Ф. Шуберта в его исполнении. Поэтому, когда только появляется дядька Дмитрий, Володька уже знает, что нужно брать скрипку в руки. Стает перед дядькой с важным выражением лица и словно дышит на него божественными мелодиями.

Растроганный дядька складывает накрест руки на груди, покачивает головой в такт музыке и тоже припевает тихонько чуть хрипловатым голосом, а в глазах его блестят слезы. А это уже означает, что между ними происходит откровенный разговор, душевный и нежный. Потом диалог продолжается так:

— А мы, дядька, уже давно не были в лесу... — Володя говорить почти шепотом.

— Ну и что? Хочешь сказать, что шампиньоны жить не могут без нас? Думаешь, что они страдают от этого?

— А мне снилось, что они нас ждут, правда, папочка?

— Конечно. Хотят тебя поздравить с окончанием двух первых классов и получением двух похвальных грамот.

— Правду папа говорит. Нужно идти, дядька.

— А торба уже готова, чтобы набрать в нее лесных шелестов?

— А как же, дядька!

Отправляемся разговорчивой компанией. Это после работы, дядька может быть спокойный. Солнце уже низко, а до вечера еще далеко.

Я тоже разбираюсь в собирании грибов. Пронизанный с детства, как и мои дети, грибной поэзией, но не отваживаюсь равняться с Дмитрием. Наверное, потому, что ношу очки, которых шампиньоны панически боятся. Дмитрий же непревзойденный. Зачаровывает воображение детей, вызывает в них энтузиазм, словно каждый гриб под кустом ему кум, а каждый шампиньон — кума.

У нас любовь в лесу еще с деда-прадеда. Наш род пустив в него глубокие корни. Мы счастливы в тени Кицманской дубравы, ставшей для нас самой родной стихией. А дядька Дмитрий — своеобразная знаменитость. Вот Володька взялся за его левую руку, а Галинка держится за корзинку, в которую будут складывать грибы.

Ступаем шаг за шагом грабовым густолесьем, с интересом раздвигаем кусты руками. У дядьки Дмитрия глаза горят каким-то дивным, но добрым огнем, который не сжигает, а только пьянит, кружит голову, не давая спокойно сидеть на одном месте. Продолговатое, загоревшее лицо, красивый прямой нос и проникновенные карие глаза с длинными ресницами, как у молодницы, придают ему вид лесного волшебника, который сейчас сотворит чудеса среди этих стройных грабов.

Дети ходят вокруг него, поглядывают напряженно и ожидая, словно стараются понять, как это ему удастся находить грибы, когда другие не попадут и на обычную поганку.

Володька говорит Галинке:

— Кажется, что каждый гриб кричит ему еще издали: «Дядька, я вот тут, бери меня!» Дядька слышит этот выкрик, а мы глухие к нему.

— Не-е-ет, Володя. Когда дядька смотрит, то видит сквозь кусты, траву-мураву, стволы деревьев и сорняки все грибы и их грибят... — мудрствует Галинка.

У меня появляется мысль, что эти дети толкнутся вокруг дядьки не для того, чтобы насобирать грибов, а чтобы насмотреться, как он их находит.

Пробираемся сквозь грабовую гущу, а грибы словно обволочены непроглядным мраком. Словно никогда их тут не было и не будет. А от этого уныние лезет в душу, взгляд без охоты ползет по земле, где прыгают лишь солнечные зайчики.

Дядька Дмитрий видит апатию на наших лицах и решает снять ее, как надоедливую паутину. Он зовет:

— Володька, ану сюда!

Мальчик прибегает. Дядька кладет ему свою ладонь на плечо и говорит таинственным тоном:

— Грибок, грибок, белявый парень, и ты, смуглый козарик с прилизанной головой, как у нашего парикмахера, и ты, желтоватый яичник в блестящей, словно лакированной шапочке, и вы, голубые голубиночки и зеленоватые травяночки, и вы, настороженные заячьи ушки, будьте все навеки благословенны. Чтобы про вас никогда это ведали червяки, а ласковый дождик и теплое солнышко приходило часто в гости. Выходите на свидание с нами. Станьте под тот куст, как добрые друзья. Пусть наш мальчик раздвинет ветки и вынет вас своими руками...

Дядька Дмитрий обращается к Володьке и ведет заговорщицким полусшепотом:

— Ану, сынок, наклонись и загляни, какой шампиньон заглянул к нам.

Володька раздвигает руками грабовые ветви и выкрикивает с удивлением:

— Тут сидит правдивый гриб, белявый парень. Вот он...

— Вынимай осторожно, чтобы ему не повредить ножку. Будет болеть.

Идем дальше. Изредка попадается какой-нибудь хилый, словно полотняный шампиньон. Мы не обращаем на нее внимания. Но вот шелесты лесной гущи снова пронзает голос дядьки Дмитрия:

— Ой, кажется, Галинка, что тут сидит синеглазая голубинка и смеется из-под прелой листвы. Посмотри, дочка, ты ведь тоже принесла домой грамоту за красивую игру на виолончели. Узнай, хочет ли она тебя поздравить.

Слышно звонкий смех Галинки, которая тешится больше тем, что дядька Дмитрий это забыл о ней, чем тем, что где-то там, может, есть голубинка-полотнянка. Девочка бежит, как козочка, к дядькиному кусту, наклоняется и срезает молодой шампиньон, похожий на голубой зонтик. Дядька чистит ее ножку своим ножиком, сдувает с нее остатки глины и песка и кладет в корзинку.

В лесной шум вплетаются, время от времени, утешительные выкрики дядьки Дмитрия и детский смех. Вокруг нас гудит, шелестит, поет и жужжит лесное царство. Вот испуганные нашими голосами серны, как очумелые, мчатся гущей, а заяц перебегает поляну и кидается стремглав в кусты, хотя никто ему не угрожает.

Выходим на высокий окоп, и степной ветерок щемяще касается наших румяных лиц. Какое счастье, что есть на свете леса и поля!

Вдали виднеется село Ошихлебы, а ген-ген, под самым горизонтом мечтают горы, покрытые синеватой пеленой. Солнце уже коснулось верхушек потемневших лесов и вот-вот нырнет в огненное озеро. Оно тоже хочет отдохнуть. Дядька Дмитрий показывает на него и говорит Володьке:

— А теперь ты нам про тихесенький вечер...

Володька немного робеет, но выводит:

Світи ще годину,
Бо рано ще спати,
Милуй нас, як мати,
Теплом обгортай...

Возвращаемся домой лесными тропинками. В кустах уже темно. Там рождаются новые тайны — ночные, тревожные.

Раздел седьмой

Две школы. Домашние задания. Бесконечные упражнения. Всюду нужно успевать, всем угождать.

С девяти утра до двух должен высидеть на уроках Екатерины Филипповны, а после обеда хватай скрипку и тетради с нотами и беги в музыкальную школу. После — фортепиано или сольфеджио, или ансамбль. Или что-то другое...

Педагог по классу фортепиано Любовь Степановна Павлишин очень старательная, требовательная до суровости... День заканчивается, на улице вечереет, а Володька еще не побегал, еще не поигрался с соседскими детьми. А он очень любит играть, носиться по улицам, в саду, лесу. У него развивается еще одна любовь — к рисованию. Накупил множество цветных карандашей, наборов акварельных и масляных красок. Рисовал бы днем и ночью. Но он все откладывает в сторону и каждый вечер идет в среднюю школу, где в учительской комнате стоит уже знакомое нам пианино. Долго просиживает за этим инструментом, чтобы тщательно выучить все, что задала Любовь Степановна.

Вот какие его дни и почти все вечера, две школы — две заботы. Все кружится, кипит вокруг одного эпицентра его беспокойного детства — музыки, носителем и выразителем которой является скрипка. Те звуки Володя не только слышит, а и видит их, они плавают в воздухе, переливаются разными цветами, приобретают подобие разных существ, предметов и цветов, несут в себе леса, поля, среди которых вырос, звездное небо, которое покрывало его в минуты детских мечтаний.

Учитель работает с ним на полную мощность, потому что глубоко верит в одну непоколебимую истину: в мальчишке вырастает и формируется настоящий музыкант. Он любит его разумной любовью педагога: без наименьших поблажек, с максимальной требовательностью. В дневниках, рядом с пятерками, появляются четверки, тройки и даже двойки. Юрий Николаевич считает, что его любовь к ученику дает ему неограниченные права, он может быть нетерпимым и категоричным даже со мною, отцом, если считает, что я ослабляю свою помощь Володе, что полагаюсь только на учителей. Ему нет никакого дела до того, что Володьку не готовим в виртуозы, что он не будет музыкантом-профессионалом, а все делается только ради того, чтобы он вышел из родительского дома образованным. Вот и Галинка хорошо успевает по классу виолончели и фортепиано. У нее, как и у Володьки, тоже хороший слух. И все это только для ее общего образования? Пусть будет так... Но обязанности нужно выполнять.

Бывает и такое. Как-то учитель предложил мне переписать «Концерт №1» Ф. Зейца. Я же всегда переписываю четко, выразительно все произведения, над которыми работает Володька, — это помогает мальчику легче их понять, разобрать, освоить. Но я был страшно занят другой неотложной работой и в тот раз не переписал. Более того, не пошел с Володькой на занятия. И мне досталось.

Вернувшись из школы, Володька, усмехаясь, говорит:

— Юрий Николаевич сердится, что ты не выполнил домашнее задание — не переписал «Концерт №1» Ф. Зейца и не пришел со мною на занятия. Имеешь двойку в моем дневнике. Честно заработанная. Теперь можешь и ты делать выводы... — И, едва сдерживая смех, раскрывает дневник и говорит:

— На, читай... А вот тут распишись...

Мне стало не по себе от той двойки. Но не выдаю своих чувств, наоборот — улыбаюсь виновато, как ученик, который провинился. И действительно делаю вывод из этой истории:

— Видишь, мальчик, как плохо, когда не выполняешь все вовремя. Учитель даже отцу ставит двойку и не стесняется. Больше не буду тянуть. Уже сажусь за стол...

Откладываю все дела в сторону, переписываю такт за тактом и мысленно сетую на учителя, который в своей любви к моему сыну доходит до того, что уже ставит в журнал оценку за родительскую пассивность, проявленную единственный раз в жизни. Это новость в современной педагогике. А нет ли в ней здравого смысла?

Володька уже привык к тому, что во время занятий я сижу перед ним и внимательно слушаю, как он играет. Его уже не нужно стимулировать к работе, напоминая о заданиях. Он все помнит. Иногда даже сам говорит: «Пойдем, папа, поиграем часок». И я иду охотно, потому что тоже привык к его игре, даже ощущаю потребность присутствовать тогда, когда он разучивает новое произведение.

Теперь он «грызет» длиннющий этюд, переполненный техническими сложностями, которые привлекают и отпугивают одновременно, тревожат невыразительные мысли и трогают мелодичными переливами, заставляющими настроиться, иногда насупить брови, а иногда улыбнуться с облегчением. Дом наполняется загадочным повествованием о чем-то химерном, близком и непонятном, давно уже прожитом и вечно забываемом.

Слушаю и радуюсь. Сердцем ловлю в том произведении новое открытие. Приятная неожиданность. А такие неожиданности учитель часто преподносит своему ученику.

Но мое внимание отвлекает какой-то голос, раздающийся с порога:

— А Михаил Григорьевич дома?

— Есть, в комнате... Заходите, пожалуйста, — приглашает жена.

Встаю и выхожу навстречу незнакомым. Глазам своим не верю: передо мною — кто вы думаете? Ирина Вильде. Я никогда не видел писательницу, она мне знакома по фотографиям, портретам. А моя зрительная память довольно цепкая, я часто полагался на нее. Писательница одета в серое платье и легкий, синеватого цвета свитер. Она еще молодая и довольно-таки элегантная.

— Не надеялись увидеть таких гостей? — Дарина Дмитриевна показывает на человека преклонного возраста, стоящего рядом с нею. — А это знаете, кто со мною?

— Знаю, это ваш отец — писатель Дмитрий Макогон.

— А вы читали его произведения? — спрашивает как-то удивленно Дарина Дмитриевна.

— До войны часто читал две книжки: одну поэтическую — «Мужицькі ідилії» («Мужские идиллии»), а вторую — рассказы... Кажется, «Учительські гаразди» («Учительские блага»).

Дарина Дмитриевна с удивлением смотрит на отца и говорит:

— Видишь, папочка, мы зашли к своим людям. Ты даром нарекаешь, что тебя забыли. Вот даже молодые учителя знают твои произведения.

— Спасибо, сердечно благодарю... — кивнул Дмитрий Яковлевич седеющей головой.

— А где вы их достали?

— Купили мои старшие братья. Но во время войны румынские националисты пригрозили, что за украинские книжки и газеты будут сгонять в концлагерь. Моя мать испугалась и позасовывала украинские книжки под крышу, где они со временем намокли, испортились. Значит, вас почему-то не любили румынские националисты, Дмитрий Яковлевич.

— Спасибо за доброе слово.

— Да чего же вы тут стали, у коридоре? Заходите в комнату... — сказала жена. Она занялась приготовлением чая для неожиданных гостей.

Володька стоит со скрипкой в руках перед пультом. Когда гости входят, он кланяется им и говорит громко «Добрый день!», как это должен делать ученик. Дарина Дмитриевна подходит к нему, гладит его по-матерински по головке и удивленно говорит:

— О, ты хороший мальчик... Уже играешь на скрипке?

— Я только учусь... — отвечает, краснея.

Дарина Дмитриевна обращается ко мне:

— Вы тоже играете?

— Нет, я закончил лицей, а там игра на скрипке не была обязательным предметом как в учительских семинариях... Вы, Дмитрий Яковлевич, наверное, хорошо играете?

— Да, когда-то учителя должны были быть и музыкантами.

Дарина Дмитриевна осматривает комнату и переводит взгляд на меня:

— Вы очень обиделись на мою рецензию?

— Нисколько. Все замечания справедливы, в течение двух месяцев я все сделал — много разделов доработал и понес снова Юрию Мельничуку. Рукопись прочитал также Юрий Смолич, который хорошо отозвался о произведении. Но это не помешало Мельничуку сообщить мне, что портфель журнала набит рукописями и мне нужно становится в очередь на несколько лет.

— Мельничук так сказал? Странно... Мы вот с папой проезжаем через ваш Кицмань, и я думаю: зайду на минутку и скажу, чтобы не обижались на мою рецензию... Вам нужно писать, очень нужно. У вас есть все для того, чтобы стать хорошим литератором. И это обращайтесь внимание на поступок Мельничука. Он очеркист и публицист. В нем много газетничества... — Дарина Дмитриевна задумалась и после короткой паузы спросила:

— И что вы хотите сделать со своим романом?

— Я уже сдал его в «Молодь». Там его снова рецензировали и запланировали на 1960 год. Это меня полностью удовлетворяет. Выйдет под названием — «Червоні троянди» («Красные розы»).

— Я этого не знала. Рада за вас. Этот роман продолжает моих «Повнолітніх дітей» («Совершеннолетних детей»)?

— Можно считать его своеобразным продолжением. У меня уже 30-е годы. Они тяжелые, намного сложнее, чем 20-е.

— Вы хорошо показали эти трудности.

— Спасибо вам, Дарина Дмитриевна.

— Значит, я не провинилась перед вами. Тешусь, что зла не сделала. Теперь нам нужно отправляться в дорогу.

Жена подала чай. Разлила всем в стаканы.

— Просим, угощайтесь, — сказала.

— Мы охотно напьемся чаю. Правда, папа? А ваш мальчик что-то сыграет в честь нашего знакомства. Как тебя зовут? Володька? Что ты нам сыграешь?

Володька замялся. Подходит ко мне и шепотом спрашивает:

— «Солнце низенько», «Серенаду» Шуберта и первую часть «Концерта» О. Ридинга?

Я согласно киваю головой.

Он отходить на середину комнаты, прижимает скрипку подбородком, и волшебные мелодии любимых композиторов словно дополняют одна другую, создавая прозрачно-чистый поток, который навивает мысли о буковинских вечерах с их песнями, грустью за прекрасным, шепотом влюбленных.

Дмитрий Яковлевич едва прикрывает глаза и покачивает легко головой в такт мелодиям. Музыка разливается широко и развесисто, каждая ее нотка, чистая и певучая, проникает в сердце старого писателя и пробуждает в нем незабываемую юность. Он тоже хорошо играет, но игра малыша трогает его, заставляет подойти к нему, взять головку в ладони и поцеловать в лоб.

Лицо Володьки зарумянилось от этой похвалы.

Гости выходят. Мы их провожаем аж до «Победы», ожидающей на улице. За рулем сидит незнакомый шофер. Автомобиль заводится и через какое-то мгновение исчезает за углом дома. Ирина Вильде, наверное, повезла своего отца в Веренчанку или Залищик, близких их сердцу.

Ежедневная работа дает утешительные следствия — Володька уже грае так, что его можно слушать с наслаждением. На концертах музыкальной школы слушатели относятся к нему с симпатией. Особенно рабочие и колхозники, для которых хорошая игра детей — неожиданная новость.

Портит настроение только то, что Володька играет на плохонькой скрипке-половинке. Это не скрипка, а глухие дощечки, пожирающие звуки. Но лучшей половинки нигде теперь не найдем. В культтоварных магазинах появляются только «штамповки», как их называют музыканты, годящиеся только для технических упражнений, высокую музыку из них трудно добыть. И мне прискорбно, что не могу достать ребенку порядочную скрипочку. Хоть садись и плач! Злюсь. Моя беспомощность начинает меня сердить.

В один день, когда меня одолели плохие мысли, слышится несмелый стук в двери.

— Пожалуйста, заходите — говорю, открывая двери.

В комнату входит молодая женщина. Я ее знаю, помню — это Иванка Библиук из Суховерхова. Лет семь-восемь назад она закончила Кицманскую среднюю школу, вышла замуж за хорошего суховерховского парня и работает с ним в колхозе. Я спрашиваю ее о жизни, колхозных делах и муже, который уже стал бригадиром. Вспоминаем школьные годы и учителей, разные веселые истории.

Иванка стесняясь смотрит на узелок, завернутый в белый платок, кладет его себе на колени. Смотрит на меня с какой-то затаенной виной и говорит несмелым голосом:

— А я была в зале, когда ваш Володька играл на скрипке. Он так хорошо играет. Но мой муж сказал, что Володькина скрипка сделана так — стук-грюк, чтобы с рук. Она просто не подходит для такого способного ребенка.

— Так говорит ваш муж?

— Он слушал его игру и жалел, что раньше ее не слышал.

— Если бы слышал раньше, то что было бы?

— Давно бы уже подарил... — Иванка разворачивает платок, кладет на стол инструмент, немного больший, чем тот, на котором играет Володька.

— Это правда для моего сына? — спрашиваю встревожено и недоверчиво.

— А почему бы нет? Мой муж, сказал: «Понеси, Иванка, своим учителям, пусть их сынок не играет на плохо обстроганных досках».

— Не хочется верить... — говорю вполголоса. О таком как раз инструменте мы уже давно мечтаем, но он оставался до сегодня в мечтах. Беру его в руки, как драгоценную вещь, как сокровище, открывшееся неожиданно перед моими глазами. Скрипка прекрасно сохранена, на ее красивом корпусе нет нигде наименьшей царапины. Даже смычок и струны сохранились. Жаль, что Володьки нет, сыграл бы...

Иванка хвалит скрипку, словно хочет нагнать ей цену:

— Это хороший инструмент... Поповые дети учились на нем играть. А наш поп был богатый, имел за что купить хорошую скрипку.

— Как она попала к вам?

— Очень просто. В сороковом году, за несколько дней до воссоединения Буковины с Советской Украиной, наш поп Инокентий Барбир упаковал все добро, сложил его на несколько возов и отправился к румынскому королю. А мой свекор, церковный эпитроп, то есть звонарь и свечкогас, помогал ему складывать вещи. Всякого добра было так много, что для скрипки места уже не осталось. И поп говорит нашему папе: «Берите, Василий, эту скрипку, может, когда-то вам понадобится». И папа взяли... Та скрипка перешла к нам по наследству. Когда мы слышали, как играет ваш Володька, то мой муж сказал: «Скрипку подарим этому мальчику... Понесешь, Иванка». Вот я и принесла...

Это такое ошеломляющее событие, что я уже начинаю сомневаться в его правдивости.

— Сколько должен заплатить?

— За подарок не принято платить... — и брови Иванки словно подсакивают вверх.

— Это слишком дорогой подарок. Заплачу хоть часть.

— Э-э, не будем делить на части. Вы и Софья Ивановна — мои учителя, и как я буду протягивать руку... Нужно иметь какое-то лицо. Да мы дарим не вам, Михаил Григорьевич, а тому мальчику, который играл на концерте.

Подхожу к столу и достаю деньги из ящика.

Иванка внезапно встает и говорит:

— Из-за тех денег должен убежать из вашего дома... До свидания, Михаил Григорьевич. Когда будет концерт, то пусть Володька сообщит нам. Придем с мужем. Будьте здоровы! — Иванка выходит.

Жена разводит руками.

— Наверное, не нужно было так категорично, — кидает с укором. — Не обиделся ли этот добрый человек?

— Но нельзя же было принять «за спасибо» такой дорогой для нас подарок. Вскоре возвращается из школы Володька. Ему словно снится прекрасный сон.

— Где купили эту скрипку?

Рассказываем все о Иванке Библик и ее муже и о том, что их побудило подарить Володьке эту скрипку.

Володька достает комплект струн, смычок весело разговаривает с ними, разливая сильный, богатый на оттенки звук.

Рассматриваем тщательно инструмент. Это не половинка, а кажется, три четверти. В середине ничуть не запыленный, а на нижней деке видим желтоватую полосу, которая нас страшно заинтересовала. С люстры пускаем в корпус сноп

лучей и читаем слова — Антонио Страдивари, выведенные немецким шрифтом, характерным для средних веков. Этот шрифт должен подчеркнуть старинность инструмента.

Володька, смятенный этим открытием, говорит:

— Я, папочка, знаю, что есть на свете скрипки, альты, виолончели и гитары славного мастера Страдивари. Об этом я читал в книжке Анатолия Виноградова «Осуждение Паганини». Скрипка Антонио Страдивари была в коллекции Паганини, но он охотнее играл на инструменте Джузеппе Гварнери, подаренном ему в Ливорно одним меломаном. Это волшебные инструменты. Как только их придумывали...

— Их творили, сынок. Самым первым творцом скрипки был Леонардо да Винчи. После него ее усовершенствовал на юге Италии, в городе Кремоне мастер Андреа Амати. Это было еще в XVI столетии. Тот мастер придал скрипке современную форму и непревзойденное звучание. Учениками, продолжателями в скрипичном ремесле были его сыновья Антонио и Джироламо. Сын последнего Антонио был самым знаменитым представителем династии Амати, у него учились славные мастера Антонио Страдивари и Андреа Гварнери, навеки прославившиеся своими скрипками.

Володька играет на новой скрипке мелодию за мелодией, милуется ее звучанием. Потом обращается ко мне:

— Прекрасный звук у нее... Но я это верю, что это Страдивари...

— Я тоже не верю, сын. Эта этикетка на нижней деке — это чисто немецкая выдумка, рассчитанная на коммерческий эффект. Она должна поразить юных музыкантов, подчеркивая высокое качество инструмента.

— Но мы будем называть ее страдиварием, правда?

— Создадим себе иллюзию?

— А она нам не помешает, папочка.

Юрий Николаевич тоже похвалил прекрасное звучание этой скрипки, а Володька не переставал гордиться нею...

Володька и третий класс оканчивает с похвальной грамотой. Его успехи снова отмечает областная газета «Советская Буковина», которая печатает 16 июня статью Михаила Лоева «Отчитываются юные музыканты», где автор пишет, что *«в Кицмане проявили себе скрипачи Владимир Ивасюк и Николая Сторожук»*.

Учеба дается Володе легко, но он слишком перегружен, много учителей претендует на его каждую свободный час. Он лишен возможности находиться в обществе детей, на лоне природы. Поэтому мы теперь носимся по нашему любимому лесу, смехом наполняем Бажанов, Лизиев и Савчин яры, озвучиваем их народными песнями, романсами. Володька знает много буковинских народных песен от мамы, бабушки Александры и дядьки Дмитрия.

Летний ветерок балуется среди деревьев, задевает каждую веточку, танцует, беря их за стан, подергивает за листву, шелестит.

— Роцца струшивает на нас свои звуки, — смеется Володька.

— Это в честь твоего прихода в ее царство, — объясняю.

— Люблю голоса этого царства... — А после короткой паузы добавляет: — Как хорошо, что мы живем в маленьком Кицмане, а это в большом городе. Тут можно каждый день бегать по лесу и полям, качаться в траве.

— Можно знать по имени каждое животное, растение и насекомое, не говоря уже о птицах.

— Ну вот смотри, папа, на этот клен. Как он тут оказался? Это, наверное,

какой-то бродяга — убежал от своих и вот вытаращился перед грабами. Просится, а они его не берут в свое общество. Я ему сочувствую... — Володька встает на ноги и подходит к клену, щупает кору. — Его ствол еще теплый. Клены всегда теплые. Екатерина Филипповна говорила, что нельзя ломать ветви деревьев, потому что они так живут, как и людские руки. У них есть кровь, но без цвета... Она течет по ветвям. Чтобы не вытекла, дерево покрывается корой, как рыцари доспехами. Кора защищает его от морозов, ветра и жарящего солнца. И я скажу тебе такое: хорошо быть кленом и с весны до осени петь на ветру. Игратья с птицами. Смотреть, как бегают звери, и люди грибы собирают.

— А я слышу все время, что у меня в груди живет скрипка. Она из клена. Вот тут... — Берет мою руку, прижимает ее к своим грудям. — Тут ее корпус. Когда иду по улице, до меня долетает голос ее струн. Иногда забываюсь и играю на них щипком, а часто перебираю их так, что пальцы бегают как сумасшедшие. А от этого стает радостно на душе. Я знаю, где каждая струна. Но ты не говори об этом никому. Я только тебе признаюсь.

Смотрю на него и не могу понять, шутит ли он, или сам верит в то, что мне исповедует.

— Ты, мальчик, начитался сказок и фантазируешь, как Мюнхгаузен.

Володька заливается смехом. Потом говорит совершенно серьезно:

— Мюнхгаузен врет очень интересно, а я тебе всю правду говорю.

— Получается, что ты можешь играть свои этюды, гаммы, сонатины, концерты без инструмента.

— Могу, папочка... Но ты не услышишь эту игру. — В голосе Володьки была твердость, даже категоричность.

— Придумываешь, чтобы меня заинтриговать.

— Разве люди не выдумывают те сказки, которые ты записываешь у них? А бабушка Александра не выдумывает? Она же рассказала мне сказку о волшебной скрипке. Потом рассказала ее и Галинке, но уже совершенно по-другому. Ты знаешь эту сказку.

— Я же ее записал, — отвечаю.

— Миля тоже такое понапридумает, что верить это хочется. А я не придумываю, говорю искреннюю правду. Хотя это, наверное, хорошо, что люди умеют придумывать красивые вещи, правда?

— Еще бы! Ты тоже не лишен фантазии. Попробуй когда-нибудь рассказать мне о мальчике, родившемся со скрипкой у груди. Расскажи, как он шел по улице, брыньча пальцами по струнам. Вокруг него переливалась божественная музыка. Но прохожие слышали ее, сбегались к нему, обступали со всех сторон.

Делаю паузу. Володька быстро заполняет ее:

— Прохожие просят, чтобы он был с ними, потому что от его музыки солнце светить яснее, ласточки снуют живее, а подсолнухи так смеются, что аж над забором свисают.

Перед нами внезапно опускается не проницаемый завес неизвестного. Сквозь него нужно пробить сказке дорогу в жизнь.

— Сказка должна жить, — говорю.

Неожиданно срывается резкий ветер, деревья одни за другими начинают шататься и шелестеть. Володька задумчиво смотрит на них и говорит:

— Вот ветер считает деревья. Зачем оно ему понадобилось?

Его вопрос остается без ответа.

Раздел восьмой

Неумолимое время нанизывает на незримую нить дни, недели, месяцы, которые стали бы незаметными в своем сером разнообразии, если бы не несли в себе, как жемчужницы, события, дела, поступки, которые веселят и печалят нас или уходят бесследно в забвенье.

Детство Володьки тоже насыщено событиями, неожиданно наплывающими на него отовсюду и остающимися навсегда в его судьбе.

Володьку и Галинку отдаем в пионерский лагерь села Староселье, расположенный на берегу Прута, за десять километров от Черновцов. Это очень большое и красивое село. Его белые опрятные домики словно утонули в небольших садах. А его культурно-литературные традиции уходят корнями даже в далекое прошлое.

Тут родился знаменитый певец Дмитрий Гнатюк, ставший за несколько лет любимцем всей нашей республики. Вот он приехал к своим родителям в гости, и руководство лагеря приглашает его на встречу с пионерами и их родителями, приехавшими из разных сел Буковины к своим детям.

Дмитрий Гнатюк стоит перед своими земляками. Старые и молодые буковинцы уже его знают и любят за те, что он уважает их песни, популяризует среди других народов, гордится ними перед всем миром.

На него, красивого и талантливого, все смотрят с увлечением. А он говорит едва сдержанно и даже стыдливо о своем детстве, прошедшем в этом селе, о своих родителях и дедах, гордых рабочих, которые сеяли хлеб, творили песню и мечтали о лучших временах на родной земле. В те минуты он делится с буковинцами и затихшей детворой своим счастьем, а оно в том, что он только теперь может сказать своему сердцу: «Пой, ведь ты можешь и должно! Неси людям в их завтрашний день свет прадедовских надежд, засевай долгую ниву человеческой жизни чувствами любви и достоинства».

В то воскресенье Дмитрий Гнатюк не поет — ему хочется исповедаться и словом перед морем детских глаз. Это же его детство.

Володька сидит тихонько возле меня и только время от времени шепчет:

— Он такой, как в кино...

— Он намного лучший...

— Поэтому песни его такие красивые — он сам красивый. — Дергает меня за рукав и спрашивает:

— Он не будет петь?

— Тут не на чем аккомпанировать, и аккомпаниатора нет.

— А он умеет играть на скрипке?

— Этого я, мальчик, не знаю. Подойди и сам спроси... Наверное, играет только на фортепиано. Этого, может, достаточно певцам.

Но после выступления артиста и нескольких вопросов, которые ему поставили родители, фотограф начинает распоряжаться и вносить беспорядок среди людей. Володька не подходит к Дмитрию Михайловичу узнать, не играет ли он на скрипке...

Володька всюду добивается прекрасных успехов, но это не приносит нам радости и покоя. Температура снова часто приковывает его к кровати, хотя гланд

уже нет. Теперь он жалуется на острую боль в сердце. А это нас очень тревожит, навевает грустные мысли. И терзания совести. В последнее время даже не настаиваем, чтобы он слишком старательно работал. Нас пугает мысль, что с ним может случиться что-то плохое.

Летом мать отвозит его в детский санаторий села Щербинцы Новоселецкого района. Никто к нему не цепляется, не слышит никаких разговоров о каких-то обязанностях, заданий. Правда, он знает только одно: поправиться, загореть, поиграться до отвала. Ему только одиннадцать лет. И еще: очень нужно хоть раз в неделю написать письмо своему папе, который находится в Ирпени.

Но и в Щербинцах он не знает покоя. В санаторий приезжает учитель Кицманской музыкальной школы и обращается к главному врачу с просьбой отпустить Володьку в Кицмань на три дня, — туда должна приехать из социалистических стран какая-то большая делегация работников культуры. Это же наши друзья и единомышленники, их нужно гостеприимно принять и устроить им показательный концерт художественной самодеятельности. Выступление юного скрипача будет очень кстати перед этими гостями.

Главный врач не ставит никаких преград. Володька садится в автомобиль и вовремя прибывает домой. Еще успевает провести несколько репетиций с пианисткой — играет своих любимых Глинку, Лысенко и Шуберта. На концерте добивается успеха у иностранных гостей. Его учитель гордится своим учеником.

Когда возвращаюсь из Ирпени, Володька рассказывает мне о том концерте, как о каком-то приятном приключении:

«Те иностранцы смотрели на меня почему-то так удивленно, что мне стало не по себе, я даже испугался. Когда начал играть, они повеселели, их хорошее настроение и расположенность ко мне придали мне смелости и огонька... Потом они громко хлопали в ладони и кричали «браво!». Я боялся, чтобы не попросили еще раз сыграть — у меня уже сил не было».

После этого выступления Володька задерживается дома на несколько дней, потому что на улице идут бесконечные дожди, и нельзя выйти на порог дома. Он с увлечением читает Александра Дюма и Джека Лондона.

В санатории лечится до середины июля и приносит оттуда документ, в котором руководство санатория выносит ему благодарность «за хорошее поведение, образцовое поведение и активное участие в художественной самодеятельности во время лечения».

Володьку привез домой дядька Дмитрий.

В том же 1960 году в нашей семье происходят великие события: переезжаем в другое жилье — в дом моего учителя из начальной школы Антона Боровича; рождается сестричка Володи Оксаночка; в издательстве «Молодь» выходит в свет мой роман «Красные розы», и я в Черновцах покупаю детям рояль.

Инструмент, о котором так долго мечтали, ставим в детской комнате, и у нас начинается праздник, словно в наш дом пришел дорогой человек, которого мы долго с нетерпением ждали.

Рояль почти новый, даже поблескивает лаком темного цвета. Когда мы его покупали, то попросили Володькиного учителя, чтобы был нашим консультантом. Володька сам испытывал качество инструмента. Он ему понравился.

Дети ходят вокруг него, присматриваясь, как к какому-то невиданному чуду. Смотрю и я с ними и думаю, что мы с сыном не ошиблись — вот его пальцы весело бегают по клавиатуре, которая словно отзывается мягким, ласковым языком.

У Володьки от возбуждения горит лицо. Он почти праздничным тоном за-

являет:

— Это не просто звуки, а капли поэзии. Рояль нам дорог еще и тем, что он украшен твоими, папа, красными розами.

Рояль целыми днями звучит не смолкая. Аж сотрясается дом, который становится похожим на корабль, нагруженный волнующими звуками, сотворенными любимыми сердцу композиторами. И Володьке не хочется верить, что он уже не будет бегать по вечерам в среднюю школу и надоедать учителям своими бесконечными этюдами.

Теперь, когда имеем свой инструмент, Володька старательно работает над школьными заданиями. И успехи его снова отмечает областная газета «Советская Буковина», помещающая 17 июня 1961 года статью В. Яковчука, который, побывав на концерте учеников музыкальных школ области, пишет:

«С большим наслаждением слушали присутствующие выступление солистов. Заслуженный успех выпал на долю скрипача — ученика пятого класса Кицманской музыкальной школы Владимира Ивасюка, который исполнил «Концерттино» О. Губера и вальс из оперы-сказки Рыбникова «Елка» вместе со своим одноклассником Николаем Сторожуком и юной пианисткой, ученицей IV класса Таней Искрук».

Володька не расстается с роялем. Без конца-края импровизирует. В принципе, это вполне естественная вещь — у него появляется потребность самовыражения. Однако бывают дни, когда он по несколько раз повторяет те самые мелодийные фразы, словно надолго врезает их в свою память. И посторонний внимательный человек может легко уловить главную светлую тропинку, которая словно прорезается в хаосе звуков и поражает слух чем-то трогательно-исповедальным и одновременно вознесенным. Вот он тянет наконец-то руку за карандашом и пишет в ученической нотной тетради. Краем глаза вижу его румяное лицо и беспокойные глаза...

Ничем не даю ему понять, что я понял суть его поведения, потому что, конечно же, творчество — стыдливая вещь. Сажу за столом и что-то читаю или пишу, и мелодия, которую я выделил из потока звуков, пробуждает во мне прилив неясных чувств. В ней является что-то близкое и человеческое. Володька посматривает в мою сторону, но я на это не реагирую, занимаюсь своими делами. Он словно хочет что-то спросить, а я не обращаю никакого внимания, хотя весь пребываю в плену его музыки.

А один раз спрашиваю удивленно:

— Погоди, где же я слышал эту мелодию?

— Ты ее мог слышать только от меня. Я ж ее играю уже целую неделю.

— Прекрасная штука... Откуда она у тебя?

— Разве прекрасная? Это же моя фантазия...

— Твоя? Собственного производства?

— Удивлен?

— Нисколько... о чем она?

— Не поверишь. Еще и смеяться будешь...

— Ну-у-у, ты не прав.

— Та я, папа, про свой сон. Чудесный сон... Так иду по Голому (так называли Кицманчане большой участок леса, где вырубил старшие дубы, а новые еще не насадили) и сразу мне стает легко-легко, словно небо сливается с землей. Вокруг меня зелено, а надо мной — небо голубое, как в сказке. Хочется петь и танцевать. И я поднимаю руки вверх, выпрямляю их и делаю несколько взмахов ними. Стаю

словно бестелесным... Поднимаюсь медленно вверх — и вот только летнее небо и я. Закрываю глаза от радости полета. Смотрю вниз — земля такая праздничная, нарядная. Потоки воздуха ласкают мне груди, щекочут, словно играют со мной. Очень часто летаю, папа, над полем, лесом и садом Сидора Воробкевича. Помахиваю руками и плыву, плыву...

— А как это тебе удастся?

— Перед сном думаю, что страшно хочу взлететь. А сильно хотеть — это все равно, что мочь.

— А тебе то летание не надоедает?

— Нет, летал бы днем и ночью. Часто думаю о том, почему нет таких аппаратов, чтобы человек смогла летать тогда, когда ему хочется.

— А самолеты и вертолеты тебе не нравятся? — спрашиваю.

— Нет, хочется взять летательный аппарат так, как берешь рюкзак. Нажал на пуговицу — взлетел, нажал на другую — приземлился. Чтобы не было лишней мороки.

Бывает, что Володя долго просиживает за роялем, не имея перед собою ни тетради, ни книжки. Наедине со своими мыслями и мечтами. А пальцы, словно птицы, летают над клавиатурой. Он перемешивает свои чувства с наводнением звуков. А в этой время мы сидим тихонько в соседней комнате. Как-то я беру Оксаночку за руки и вхожу к нему.

— Что это ты наигрываешь, сын?

— Понравилось?

— Это не программная вещь.

— Это так... Мои фантазии... Разговоры... Музыка можно рассказывать обо всем на свете. И получается лучше, чем обычным языком.

— Это так... Но не все поймут твой язык. Я, например, только сердцем понимаю... Вот ты играешь — с кем ведешь разговор?

Берет от меня Оксаночку, ходить с ней по комнате и говорит:

— С тобой и Оксаночкой. С людьми и птицами. Когда играю, перед глазами стелется зеленое поле, в небе переливается жаворонок, а сквозь пелену голубизны и лучей дорога вьется до самого горизонта. С ней тоже веду разговор.

— Уже прошло восемь лет, как ты взял в руки скрипку. Ты доволен, сын?

— Очень, папа. Когда подрастет Оксаночка, мы ее тоже поведем в музыкальную школу, в класс фортепиано, правда?

— Конечно. В нашем доме когда-нибудь будет трио — скрипка, виолончель и фортепиано.

Володя улыбается.

— Будем давать домашние концерты. Это будет прекрасно... Если бы у меня не было скрипки, я писал бы стихи и сочинял сказки.

— А почему не записываешь то, что наигрываешь на рояле? Оно мне очень нравится. Через две-три недели забудешь.

— У мои пальцев хорошая память, — отвечает, едва жмуря глаза. — И через десять лет повторят то, что наигрываю сегодня.

Иногда записывает, а через некоторое время рвет и кидает бумажки в печь. Значит, у него нет никаких амбиций, а есть лишь одно желание — самовыразиться. У него с сегодняшнего дня есть что сказать людям. Это видно и из того, что в свободные минуты он с удовольствием рисует. Даже очень неплохо. В позапрошлом году Кицманская средняя школа торжественно отпраздновала юбилей Т. Г. Шевченко. Была оформлена юбилейная комната, для которой Володька нари-

совал акварелью красивый портрет великого поэта, который привлекал внимание всех посетителей. О Володьке завуч школы О. В. Цибульская высказалась так: «Я знала, что Володя способный ученик, одаренный музыкант. Оказывается, он еще и настоящий художник».

Я долго присматривался к тому портрету Кобзаря и скажу откровенно: мне было приятно от мысли, что мой сын будет когда-то полезен людям, вызывать их уважение. Это очень хорошо.

Володька мыслит как взрослый человек, все его интересует, особенно литература — от Котляревского до Гончара и Загребельного. Прекрасно знает российскую литературу прошлого столетия, увлекается Есениным и А. Ахматовой. Любит С. Руданского, Остапа Вишню, М. Зощенко и О. Генри — их творчество полностью отвечает его жизнерадостному характеру.

Летом 1963 года мы с ним совершаем большое путешествие по Закарпатья, посещаем Яремчу, Ясиню, Рахов, Хуст, Мукачево и Ужгород. Оттуда едем в Дрогобыч, ночуем там, потом посещаем село Ивана Франка и через Моршин возвращаемся домой.

Раздел девятый

Меня не покидает вѣдливая мысль, что мы все даем своим детям, но отнимаем у них самое дорогое: детство с его играми, блужданиями на лоне природы, невинными шалостями и поэтичными фантазиями. Володя уже семиклассник, уже девятый год посещает музыкальную школу и в этом учебном году завершит, наконец-то, свое музыкальное образование, освободится от части обязанностей, у него появится больше время для нормальной жизни ученика средней школы. Он, правда, не жалуется на свой способ жизни, поскольку еще в раннем детстве нырнул в него, как в родную стихию. Так сроднился со своей скрипкой, фортепиано, учителями и школой, что и не подозревает, как все это скоро войдет в романтический дворец воспоминаний.

Педагог по классу скрипки по-другому думает о своем ученике. В один апрельский вечер 1963 года во время прогулки на улице Шевченко он высказывает мне свою мысль. Начинает с вопроса:

— Что будет с Володей? Он скоро закончит нашу школу.

— То, что и с другими: окончит десятилетку. Потом вступит на физико-математический факультет. Может, и на исторический, химический или филологический. Или в медицинский институт.

Юрий Николаевич не торопится перечить. Он знает, что родители определяют судьбу своих детей. После минутной молчанки останавливается передо мной, меряет пронизывающим взглядом и говорит:

— А музыку выкидываете из его биографии?

— Нет, она будет частью его общего образования. Кажется, что не ошибусь. Так было задумано еще тогда, когда он вступил в первый подготовительный.

В голосе появляются нотки обиды:

— Я не ожидал такого ответа. Я был уверен, что вы лучшего мнения о своем сыне. Не нужно его возносить до небес, но не нужно и недооценивать, считать серячком.

— Я хорошего мнения о нем. Мальчик — как и все людские дети. Разница только в том, что я работаю с ним намного больше, чем другие родители со своими детьми. Те родители надеются, что учителя — это Иваны-чудотворцы, которые обязаны без помощи родителей выводить их наследников в гении. Этими надеждами они ограничивают свои заботы. Я уже девятый год работаю со своим сыном.

— Правду говорите, Михаил Григорьевич, только не хотите знать, что Володя — талантливый музыкант, не намуштрованный, а развитый в разумной систематической работе. Когда он стоит передо мною со скрипкой в руках, то я вижу, что в нем живет только музыка. Я работаю с ним и люблюсь ним, ведь такие ученики редко попадают в жизни. Он очень впечатлительный и своеобразный. В игре часто ошибается только потому, что хочет передать замысел композитора совершенно по-своему. Все хочет делать по-своему. И его трудно понять сразу, ведь он не сразу раскрывается, а постепенно... Я заметил, что Володя уже начинает понимать свою талантливость, но он умный и не дает, чтобы она влияла на его отношения с другими. У него еще все впереди. — Глаза учителя блестят. Он не сводит

их с меня, словно боится, что я скажу что-то возразительное. Когда его дифирамб заканчивается, спрашиваю:

— Хотите меня убедить в том, что я должен отдать Володю в Черновицкое музыкальное училище?

Учитель берет меня под руку.

— Нет, в Киевскую музыкальную десятилетку им. Н. Лысенко. Туда трудно поступить, — ее считают школой для одаренных детей, она является подшефной Киевской консерватории им. П. Чайковского. Там работают наилучшие педагоги.

— А какие перспективы после ее окончания?

— Оттуда зеленая улица в консерваторию. Если музыка опротивится, можно поступить в любой вуз. Выпускников музыкальных десятилеток всюду охотно принимают, от них вузы имеют некоторую пользу. На Буковине трое скрипачей, которые могут там учиться, это — Тарас Печеный, Володя Ивасюк и Михаил Филиппчук. В столице ныне спрос на способных музыкантов.

— Я полностью согласен с вами, эта идея меня привлекает, но самому нужно подумать и с сыном поговорить.

— Я уже говорил об этом с Юрием Николаевичем Гиной... Он — лучший буковинский скрипач, выпускник Киевской консерватории им. П. И. Чайковского. Он, как вам известно, не раз слышал Володю и тоже высказался очень благосклонно о его способностях.

Обо всем этом рассказываю в семье, и наш дом превращается в улик, гудит так, что аж на улицу слышно. Начинаются дискуссии, обдумывание, споры. А Володька мало не танцует — ему очень хочется в Киев. Он громко заявляет:

— Люди добрые, я с роду не учился в музыкальной десятилетке, даже не видел, как она выглядит. Поедем, папа, поступать, правда?

— Ничто нас не остановит, сын, если тебе хочется там учиться.

Начинается серьезная подготовка к окончанию семилетки и поступлению в столичную музыкальную школу. Володя работает на полную силу. Каждую неделю едет в Черновцы, к Юрия Николаевичу Гины, который его слушает, дает ему необходимые советы.

В июне 1963 года мы с Володькой приезжаем в Киев и проводим там целую неделю. Он успешно сдает вступительные экзамены в музыкальную десятилетку им. Н. В. Лысенко.

В Кицмань возвращаемся победителями...

* * *

Володька уже в Киеве, привыкает к самостоятельной жизни. Нам нелегко обходиться его отсутствие — все время думаем о нем с грустью и беспокойством. Дом совсем опустел, Оксаночка и Галинка приникли — нет Володьки. Скучаем по тем дням, когда он сидел за роялем и импровизировал какие-то загадочные мелодии.

Володька живет в школьном общежитии, постепенно забывает о домашнем уюте, закаляется, набирается опыта. Однако красота киевской осени притягивает к себе его внимание и напоминает о Буковине: «В Киеве началась золотая осень. Парк перед общежитием оделся в ярко-желтую листву. Радостная пора!» Но в Киеве еще больше, чем в Кицмане, нет свободного времени, о котором мы часто мечтали.

На протяжении всех школьных лет он привык быть лучшим учеником, и у него не было соперников. А тут их чуть ли не полкласса. Самолюбие ему не позволяет быть хуже, чем лучшие, поэтому и тянется изо всех сил. Некогда и вверх

взглянуть. Он жалуется в письме домой: «В Киеве гастролируют иностранные артисты, а я, признаться, не был ни разу в опере или театре. Как-то времени нет. Нужно найти время и в ближайшее воскресенье пойти в оперу».

Проходят месяцы напряженного ожидания хороших вестей от него. Его письма — трогательные события в нашей семье. Читаем их громко, торжественно. Если бы кто-то сказал, что их нужно петь, мы бы пели... Он пишет нам, что скоро приедет домой на несколько дней.

Его сестрички будут танцевать с утехи. Галинка потянет его к своим подругам, чтобы показать, что вот он приехал из самого Киева, где учится в школе для одаренных детей. Мать с Милей будут готовить самые вкусные в его жизни завтраки, обеды и ужины, а дядя Дмитрий будет сидеть за столом, влюбленно смотреть на него, слушать рассказ о той химерной школе для одаренных детей, ее учителей и учеников.

Наконец-то настает желанный день. Жена едет с Галинкой в Черновцы встречать Володьку. У них с собой красивый букет хризантем, выросших в нашем роскошном цветнике. Галинка хочет, чтобы он сразу понял, что его приезд — наш большой праздник. Поезд останавливается на первой колее.

Вот и Володька сходит на перрон среди многочисленных пассажиров. Галинка бежит к нему и дает ему цветы, прижимается к нему. А мать торопится. Не узнает сына. Перед ней грустно улыбается худой-прехудой юноша. Нашего Володьку словно подменили в Киеве. У матери навернулись слезы в глазах, в горле застрял твердый клубок, ей почему-то сразу впало в глаза черное пятно на шее сына — кровоизлияние от скрипки, от ежедневных многочасовых занятий.

Дома его ждут бабушка, моя мать, и дядя Дмитрий. Когда Володька входит в комнату, бабушка плачет не только от радости, что снова видит своего внука, а и от тяжелого впечатления.

Обнимаю сына, не показывая своих эмоций, хотя в сердце щемит боль и хочется плакать. Спрашиваю его, как ехалось, не нудился ли в поезде. Поздоровавшись со всеми, он раздевается и идет помыться с дороги. Потом садимся за стол. Стараюсь быть веселым, но разговор как-то не ладится. Оксаночка садится ему на колени, рассматривает пятно на шее, водит по нему указательным пальчиком.

Выхожу на порог. За мною идет мама. Ощущаю, что ей очень хочется что-то сказать. Спрашивает сердитым тоном:

— Что ты думаешь в своей голове? Ты отец этому ребенку или нет?

— А вы, мама, как думаете? — Мой голос дрожит, но я держу себя в руках.

— Ты зачем оторвал ребенка от дома?

— А вы разве не знаете?

— Ой, нет у тебя сердца и совести... — Смотрю на свою маму — и ни пары из уст.

А она еще добавляет:

— Если бы жил твой отец, то ты б знал, на какую музыку посылать своего ребенка.

— Хватит вам, мама... Все понимаю и без ваших нареканий.

— Ничего не понимаешь... — кидает с возмущением и спускается по ступенькам на двор.

Возвращаюсь в комнату. Сажу и молчу, словно я где-то растерял все свои слова. После обеда пробую поговорить с братом Дмитрием, но он тоже сердитый, как огонь. Готов кинуться на меня за то, что Володька приехал из Киева не таким, как хочется ему, любимому дядечке. Он демонстративно покидает наш дом.

Мне не нравится, что мои родные не умеют управлять своими эмоциями. Говорю Володьке:

— Пойдем, сын, немного пройдемся... — Володьке тоже не нравятся разные расспросы, касающиеся только его плохого внешнего вида. Чувствует, наверное, что атмосфера в доме накаляется, поэтому охотно соглашается.

Идем на огород, а оттуда — в сад Воробкевича. Тут стоит такая тишина, что аж в ушах звенит. Птицы улетели в теплые края, а еще недавно казалось, что они является звонкими частями цветных деревьев.

На сердце тоскливо, печально. Разговор течет медленно. Наконец-то спрашиваю:

— Почему ты так оплошал, сын? Сколько килограммов потерял?

— Около десяти... — кидает, не думая даже, какую страшную цифру называет. Смотрит на меня виноватыми глазами, словно совершил нарушение, за которое должен сейчас ответить.

— Разве у тебя это было денег на питание? Или мама не слала тебе постоянно передачи с продуктами?

— Все у меня было. Не было только времени, чтобы думать о еде, приходилось работать каждый день до двух часов ночи. Не было когда бегать в столовые. Да и не всегда они открыты...

— Нужно было заранее обо всем думать, а не только о музыке.

— Это так, ты прав. Но вот нырну в звуки какого-то этюда и обо всем забуду, словно на свете только я и музыка... — Он едва улыбается и спрашивает меня своими доверчивыми глазами: разве ты меня не знаешь?

— Ты же был далеко от мамы и няни, и тебя никто не спрашивал, ел ли ты и чистая ли на тебе рубашка. Там нужно было самому думать о себе. Только самому...

— Это я буду делать в будущем. В новой школе не хотелось плестись в хвосте. Поэтому я работал только над музыкой.

У меня промелькнула мысль: стоит ли посылать в Киев сына в таком состоянии? Он очень ослаблен, даже болен. Самые банальные простуда или грипп могут его свалить... Над этим мы подумаем с матерью.

Володька отоспался, отъелся. Стает живее, разговорчивее. Одним словом, отходит. К нему приходят его бывшие одноклассники, рассказывают школьные новости, разные истории. К нему возвращается хорошее настроение. И мы тешимся, что он не нудится, о Киеве не вспоминает.

Как-то вечером мать идет в наступление:

— Тебе, сынок, нужно остаться дома еще на некоторое время, чтобы хорошо-таки стать на ноги.

— Я же не лежу, — жалуется он. — И чувствую себя здоровым, как звон.

— Да, оклемался, но еще не окреп. Нужно еще побыть дома.

— Разве можно? — не верится ему.

— А кто нам запретит? — встряю и я. — Достанем медицинскую справку о том, что в таком состоянии ты не в силах исполнять такую большую нагрузку. Ты болен, почти дистрофик.

— За две-три недели поправишься, и тогда будет другой разговор, — уговаривает мать. — Пусть хоть чернота сойдет с шеи. Дни быстро пробегут, не заметишь, как дойдет до тебя гудок твоего поезда.

Да, мы с матерью решили не пускать его больше в Киев. Но делаем это в мягкой форме, чтобы не вызвать в нем бурную реакцию, не травмировать его. Как

поправится, сядет за парту в восьмом классе Кицманской средней школе. В Киеве нет наименьшего ухода за ним. А мы боимся, что потеряем сына. Ради чего?

Если выхода не будет, то отдадим его в Черновицкое музыкальное училище, где он сможет вполне нормально учиться.

Иду в музыкальную школу. Юрия Николаевича уже нет, он уехал из Кицмана. Рассказываю все бывшим Володиным педагогам.

— Это вы неправильно делаете, — говорит один из них.

— Володя очень талантливый музыкант, — добавляет другой. — Его ждет яркое будущее.

— В семнадцать лет при его способностях и работоспособности он сможет стать виртуозом, — звучит еще один голос.

— Мне не нужен туберкулезный виртуоз в семнадцать лет, а здоровый сын, как все людские сыновья. — И обращаюсь к новому директору школы: — Примите, пожалуйста, Володю в класс фортепиано.

— Такого ученика, как Володя, всюду примут с радостью. Но вы, Михаил Григорьевич, взвесьте все хорошо.

На следующий день, а это была суббота, говорю Володьке, что в понедельник пойдет уже на уроки в среднюю школу, а потом — на занятия по классу фортепиано, которые ведет Любовь Степановна Павлишин.

В голубых глазах сына наворачиваются слезы. Садится на стул и закрывает лицо ладонями. Потом говорит угрозным тоном:

— Поеду, папа, в Киев вопреки твоей воле. Я уже хорошо поправился. И не могу жить без музыки.

— Я же тебя не оставляю без нее... — говорю ласково, кладя ему руку на плечо. — Ты любишь фортепиано, а Любовь Степановна прекрасный учитель. Ты так хорошо говоришь о ней... Пойди, сын, к своим учителям и посоветуйся с ними. Но не нужно высказывать недовольство родителям. Это же неэтично...

Володя молча выходит из дома. Приходит снова аж в конце дня. Легкая улыбка озаряет его лицо. Он мне говорит:

— В музыкальной школе обещали, что я буду играть в ансамбле скрипачей и учительском камерном оркестре. Буду изучать и виолончель.

— А цимбалы, домру, дримбу тоже? Снова навалишь на себя столько, что согнешься дугой.

— Не шути, папа. Меня интересуют все инструменты. Поменяю киевское качество на Кицманское количество. Я должен заниматься музыкой — это же воздух, которым дышу.

— Образно высказываешься.

— Странно? Мои родители — литераторы. Отец — член Союза писателей. Так пусть живет метафора!

Раздел десятый

Весна 1964 года была щедра на радостные события и изменения, благотворно отразившихся не только на нас с женой, а и на наших детях, в частности на Володе. Первое из этих событий — это обычная встреча с преподавателем кафедры украинской литературы Черновицкого университета Олексой Стратоновичем Романцем на республиканском семинаре товарищества «Знания». Мы, представители Буковины, жили вместе в одной комнате отеля «Украина». В свободное от семинарских заседаний время проводили бесконечные разговоры о классической и современной литературе, о Лесе Украинке, С. Есенине и М. Эминеску, которых считаем светочами нашей цивилизации. Жаловались на переводчиков, которые не сумели передать все тонкости поэзии М. Эминеску, окрасы мировой литературы.

Те незабываемые вечера приятных разговоров оставили во мне, кроме интеллектуального наслаждения и радости общения с ученым-эрудитом и яркой личностью, надежду на желанное изменение в жизни моей семьи.

Олекса Стратонович кинул, словно между прочим, несколько многозначительных слов:

— Вам бы к нам, на филологический...

— А что мне там делать?

— Как раз вам есть, что там делать.

— Там есть вакантные места?

— Для вас найдутся. Доложу ректору Корнею Матвеевичу Леутскому. О следствиях моего с ним разговора сообщу, если хотите, письмом.

— Буду вам очень благодарен, Олекса Стратоновичу.

— Если не захотите по какой-то причине менять место работы, то напишите мне несколько слов.

— Думаю, что не будет никаких причин.

Возвращаясь к своей работе в Кицманской школе и забываю о филологическом факультете. Но в один день получаю письмо от О. С. Романца. Он мне пишет, что нужно срочно приехать к ректору на разговор по поводу моего перевода в Черновицкий университет.

Профессор К. М. Леутский принял меня корректно, почти приветно и после нескольких вопросов и ответов сказал, что буду работать у В. М. Лесина, на кафедре украинской литературы. Пока получу квартиру, буду жить в общежитии на улице Дружбы в одной комнате с известным молдавским поэтом Василием Левицким, который будет работать на кафедре молдавской филологии. Помещение мне даст Союз писателей.

Я, правду говоря, шел к ректору не без волнения. Его фигура imponировала мне и вызывала, как и у многих воспитанников университета, основанного в 1975 году, большое уважение. Университетом не руководила еще такая личность, как Корней Матвеевич Леутский. Он глубоко понял свою общественно-политическую миссию и культурно-просветительскую роль, которую должен исполнить на этой части украинской земли, много столетий отделенной от матери — Украины. Он был не только администратором, а и человеком широких горизонтов, преисполненной уважения к селянам, работников, трудовой интеллигенции Буковины, а

также Ивано-Франковской, Тернопольской, Хмельницкой и Винницкой областей, которые считали Черновицкий университет своим родным вузом.

Воспитанники любили своего ректора и побаивались его сурового характера, за которым пряталась любовь к молодежи и забота об украинской интеллигенции. Его большой заслугой является то, что он впервые на Буковине поднял проблему комплексного изучения природы, экономики, истории и культуры Карпат и Прикарпатья. Это вызвало у ученых живой интерес к Буковинскому краю и увенчалось чередой работ и публикаций, которые показали духовное богатство нашего народа.

Володька воспринял с энтузиазмом известие о том, что мы скоро переедем в Черновцы и будем иметь там жилье.

— Там будет широкий музыкальный круг... — это были его первые слова, сказанные тогда, когда я рассказал о своем разговоре с ректором.

— Смотри за своим фортепиано... Продолжишь учебу в Черновцах.

— Будет с кем посоветоваться и поспорить.

— Разве в Кицмане не с кем?

— Есть, папа, наши учителя очень хорошо подготовлены и благосклонны ко мне. Я их никогда не унижаю. Они мне очень много дали... А ты не беспокойся за меня, все будет хорошо.

— Знаю, парень. Моим детям всюду хорошо, ведь они знают, что труд — основа нашей жизни.

Правда, Володя много работает. Свободное время проводит за роялем. И не бывает дня, чтобы он не играл на скрипке. Чаше повторяет вещи, выученные в шестом-седьмом классах: «Сонату» А. Коррелли, «Балладу» Ч. Порумбеску, «Цыганские напевы» П. М. Сарасате, некоторые пьесы Брамса. Исполняет и немало незнакомых мне вещей, приятных для слуха. Это его импровизации. Мне легко работается под их звучание. Когда он играет, то уже так у нас заведено, — никто не разговаривает, все пронимаются вниманием.

Как-то он подошел ко мне и промолвил:

— На протяжении многих лет обучения в музыкальной школе я постоянно замечал, что в программы музыкальных школ, училищ редко вносятся инструментальные пьесы украинских композиторов, классиков и современных. Наши музыканты воспитываются в основном на иностранных образцах. А это нельзя считать позитивным. Космополитизм — не подходящая штука для воспитания молодых музыкантов. Иностранные образцы не всегда цивилизуют полноценно эмоциональный мир наших музыкантов. Это может сделать только национальная музыка.

— А ты напиши об этом статью... — кидаю.

— Ее никто не напечатает.

Мы закончили разговор на эту тему.

На улице уже середина апреля, деревья зеленеют, скоро зацветут. Володька идет к окну. Смотрит, как спуют люди, играют дети... Снова садится за рояль, опирается на спинку стула и поворачивает лицо ко мне.

— Написал бы песню, но слов нет, — сказал тихо.

— Что значит, слов нет? — удивляюсь. — Разве тебе мало того, что написали Шевченко, Франко, Леся Украинка, Олесь, Рыльский, Тычина, Сосюра, Павлычко, Драч? Наша библиотека богата на поэтов.

— От твоего списка у меня закружилась голова. Разве ж мне до них? Для начала нужно кого-то скромнее.

- Тогда сам напиши и будешь иметь скромнее. Ты ж пишешь стихи.
- К моим стихам ни одна мелодия не пристанет... — и Володя смеется.

Мне не нравится, что он нудится среди богатства и разнообразия нашей лирики. Говорю ему шутя:

— Когда ты был маленький, я написал для тебя колыбельную. Она ждет теперь твою мелодию... — Роюсь в своих бумагах и нахожу небольшое стихотворение. Протягиваю его сыну. Он лихорадочно пробегает его глазами и говорит:

— Такого мир еще не видел. Папа написал колыбельную для своего сына, а сын, подросток, положил ее на ноты. Я где-то читал, что Томас Эдисон, будучи еще ребенком, изобрел устройство, которое механически колыхало его колыбель вместо матери. Так он освободил свою мать от лишних хлопот.

- Ты же не ребенок.
- Это правда, но как-то боязно.
- Почему?
- Не знаю.

— В литературе нужно, чтобы произведение несло идею добра, красоты и правды.

— Я в этом уверен. Посмотрю, что можно сделать из этой поэзии.

Собираюсь в школу на педсовет. Через два часа возвращаюсь. Володька подходит ко мне и говорит:

— Мне нравится твоя колыбельная. Из нее выйдет неплохая песня.

Садится за рояль и наигрывает. Довольно симпатичная мелодия. Но еще не записанная. Володя все держит в памяти. Эта привычка выработалась у него еще в том году, когда увлекся импровизациями. Иногда записывает кое-что на кусочках бумаги, которые потом валяются между его школьных тетрадей. Это фрагменты мелодий, записи народных песен, которые приносит из школы. Никто их не касается, не читает, потому что он обижается, когда кто-то из домашних проявляет слишком большой интерес к его записям. Он сам их выкидывает, когда становятся не нужными.

Иногда спрашиваю:

— Зачем выкидываешь? Сегодня эта вещь тебя не удовлетворяет, но она есть... Завтра ее перепишешь, переделаешь, все в ней поменяешь, дотянешь, как говорят, до какого-то уровня. Если выкинешь, то замысел забудешь.

— Не забуду, папа. Не нужно засорять дом бездарной писаниной.

— Разве там нет ничего путного?

— Все путное остается тут... — и стучит себя пальцем по лбу.

Я очень внимательно слушаю его «Колискову» («Колыбельную»). Он любит, когда его покорно слушают. На следующий день он ее еще раз исполняет, даже записывает, чтобы угодить мне.

Почти весь август 1964 года Володя проводит в республиканском лагере юных туристов, расположенном в селе Малекино Володарского района Донецкой области, недалеко от Азовского моря. Его самочувствие прекрасное, хотя и перегружен всякими лагерными делами: исполняет функции лагерного художника, выпускает стенгазету, рисует портреты новых друзей. Кроме того, увлекается игрой на гитаре, к которой раньше относился сдержано, даже неблагосклонно, — наверное, разделял мнение О. М. Горького, который назвал гитару инструментом парикмахеров из провинциальных городков. В Малекино этот инструмент начинает ему нравится. Когда возвращается домой, с удовольствием исполняет романсы К. Стеценко «Вечірня пісня» («Вечерняя песня», сл. В. Самойленко) и «Забудь

мене» («Забудь меня», сл. П. Карманского) в сопровождении гитары. И получается довольно хорошо.

Однако самым значительным приобретением тех лагерных недель является песня «Мандрівний музикант» («Странствующий музыкант»), которая хорошо передает вознесенное, бодрое настроение юноши, отражает его психологическое состояние в то время. Он долго работает над ней, стремясь придать лаконичности, простоты и композиционной слаженности ее содержания. Эти свойства он наблюдает в народных песнях и произведениях К. Стеценко и Ф. Шуберта. Хотя песню «Странствующий музыкант» часто исполняет в кругу родных и друзей, все равно она кажется ему недовершенной, он откладывает ее в сторону, чтобы позже снова к ней вернуться.

Учась в девятом классе, Володя старательно исполняет ученические обязанности в двух школах и не ослабляет своих творческих поисков. Даже учителя средней школы замечают во время путешествия в Крым, как он, лежа в поезде на верхней полке, нашептывает какие-то слова и напевает мелодию. Пальцы его рук словно все время бегают по воображаемым клавишам.

Учителя полностью правы: во время того путешествия Володя пишет две песни — «А мені шістнадцять літ» («А мне шестнадцать лет») и «У двадцять літ» («В двадцать лет»). Первую из них считает неудачной и никогда ее не исполняет, она остается в личном архиве подруги по школе, которой он симпатизировал. Второй повезло, она более довершена. Володя посылает ее вместе с «Колыбельной» на областной конкурс и получает за нее третью премию. Об этом говорится в газете «Советская Буковина» от 25 декабря 1965 года. Это первая победа юного композитора, которая принесла ему творческую радость и заставила еще серьезнее задуматься над своими занятиями музыкой и даже своим призванием.

У Володи уже настает время, когда он делает первые неуверенные шаги в любимом деле, вырабатывается ценная черта, которая будет характеризовать его на протяжении всей жизни: способность быть неудовлетворенным своей работой, своим творчеством. Он переделывает свои песни до тех пор, пока они не перестают вызывать у него сомнений и колебаний.

Володя часто обращается к книгам о выдающихся композиторах, изучает атмосферу, в которой они пребывали, пытается проникнуть в тайны их вдохновения, задумываются над секретами их успеха. По-другому говоря, он готовится стать украинским композитором, поэтому и учится, как он говорит, в школе Больших Примеров, которые возбуждали в нем жадность к работе и заставляли смотреть на работу композитора как на тяжелый, изнурительный труд.

Возьмем песню «В двадцать лет». Это свежий, оригинальный мелодичный вальс, который выделяется слишком абстрактным, холодным своим текстом, даже надуманным. Володя много раз переделывает его, постоянно наигрывает, подбирает новые слова. Так рождается новый вариант под названием «Фантазія травневих ночей» («Фантазия майских ночей»). В произведении лирический герой пускается на поиски «ясной зори», необычного, небудничного поступка.

Володя наполняется жадностью к действию, творчеству.

Осенью 1964 года Володя группирует Кицманских парней и девушек из музыкальной школы и создает вокально-инструментальный ансамбль «Буковинка» — один из первых коллективов республики в начале 60-х годов. В его состав входят, между прочим, девушки с красивыми голосами: Л. Шкуркина и Л. Сазонова, тенор приятного тембра М. Калинчук и др. На фортепиано играет сестра Галинка, на скрипке и гитаре — Володя, кларнете — С. Клевчук, баяне — Е. Синько.

Из произведений современных композиторов, которые культивировали жанр песни, романса, он с особенным удовольствием исполняет песни Мирослава Скорика («Карпати» («Карпаты»), «Не топчіть конвалій» («Не топчите ландыши»), «Намалой мені ніч» («Нарисуй мне ночь»)), обращается к творчеству Александра Билаша и Платона Майбороды, которые в то время набирали значительного распространения. Из своих песен Володя исполняет «В двадцать лет», «Моя пісня» («Моя песня»), «Ласкаво просимо» («Добро пожаловать»).

Ансамбль с успехом выступает перед молодежью районного центра, селянами, на комсомольских собраниях и советах передовиков сельского хозяйства. Молодых исполнителей приглашают в Киев на большой концерт — «Навстречу 25-летию воссоединения Северной Буковины». Они оказывают хорошее впечатление на киевлян, их снимают на киноленту, показывают по Центральному телевидению.

В небольшой статье московская художница В. Брайковская, которая смотрела украинскую телепередачу, дала ансамблю высокую оценку: *«Мне отдельно хочется сказать о выступлении молодежного вокально-инструментального ансамбля Кицманского Дома культуры, который исполнил задушевную песню «Карпаты» М. Скорика. Как она величественно прозвучала! И всем нам стали родные, близкие и дорогие Карпаты, люди, которые живут на их склонах. Большое вам спасибо, друзья, за ваше прекрасное исполнение».*

На Буковине начинают интересоваться ансамблем, приглашают его в Черновцы, дают возможность выступить в областной филармонии. Областная газета «Советская Буковина» благосклонно отмечает 21 ноября 1965 года его работу. А об одной из песен Володи того времени автор пишет: *«Больше всего понравилась присутствующим «Моя песня» (слова и музыка В. Ивасюка), которой дебютировал перед черновчанами вокально-инструментальный ансамбль «Буковинка».*

Отклики прессы волнуют, тревожат Володю. Он делится своими чувствами с дядей Дмитрием, который много раз прочитывает газетную информацию и вытирает с глаз слезы радости.

Музыка звучит в нашем доме.

Нам, родителям, приятно осознавать, что мечты и порывания сына имеют глубокое и благородное содержание, что в нем проснулась потребность творчества, и он у нас не скучает и не тратит время на прихоти. Мы верим в его серьезность, действенность.

Я уже работаю старшим преподавателем кафедры истории украинской литературы Черновицкого университета. Читаю в основном курсы советской литературы и вступление в литературоведение. Коллектив сплочен вокруг В. М. Лесина, занимающего одновременно и должность проректора по учебной работе Университета. Он любит свою кафедру, переживает о ее преподавателях, заботится о них — они же отличаются солидной профессиональной подготовкой, работоспособностью, сплоченностью и общественно-культурной активностью.

Мне нужно тянуться изо всех сил к их высокому уровню, работать днем и ночью, что я и делаю. На улице Б. Хмельницкого получаю помещение из двух комнат и кухни, но еще не тороплюсь забирать свою семью в Черновцы. Хочется, чтобы Володя там закончил среднюю школу. Кицманские учителя его очень хорошо знают, в конце каждого учебного года его награждают похвальной грамотой, и теперь он является одним из самых сильных претендентов на золотую медаль. В школе все уверены, что он ее получит.

Каждую субботу приезжаю домой. Володя делится успехами в учебе, читает

свои стихи, рассказывает о парнях и девушках из ансамбля «Буковинка», играет на скрипке «Балладу» Ч. Порумбеску и «Цыганские напевы» П. М. Сарасате, которые мне очень нравятся... Первое произведение звучит с глубокой задушевностью и элегичностью, а второе — задиристо, темпераментно.

Хорошее впечатление оказывают на меня его новые произведения. Это прежде всего глубоко патриотичная песня «Добро пожаловать», написанная в духе буковинских народных песен.

Яркомелодичной и высокопоэтичной по своему смыслу является песня «Аве, Марія» («Аве, Мария»), опубликованная посмертно под названием «Елегія для Марії» («Элегия для Марии»). Это — пожалуй, наилучшая из его юношеских песен. Ее тему навеяла одна из поэзий И. Муратова. Володя с воодушевлением начинает свою поэзию, в которой возвеличивает красоту женщины-украинки:

В симфонії дивній
Весняної ночі —
Я чую твій шепіт,
Що кличе мене.
И серце у грудях
Співати так хоче —
Аве, Марія!

Раздел одиннадцатый

В девятом-десятом классах средней школы народная песня занимает значительное место в духовном развитии сына. Это одна из самых крепких основ, на которых можно строить свое творчество, это источник поэтических идей и задумок, жизненная живая вода, советчица в минуты творческих тревог. Володя пришел к таким выводам, читая сборники фольклора, изданные в прошлом и в советское время, особенно в послевоенные годы. Бесспорно, этому он научился от истории литературы и искусства.

Володя старательно собирает украинские народные песни на Буковине, записывает их от колхозников, своих родственников и товарищей по классу, а потом использует каждую поездку в села, чтобы «пожиться» там, как он говорил, народными шедеврами. Он записывает и буковинскую свадьбу от людей старшего поколения, но узнав, что ее уже записала когда-то Т. Ярошинская, теряет интерес.

1966 год щедр и на новые произведения Володи. Он пишет на мои слова патриотическую песню «Батьківцино моя» («Отчизна моя») для ансамбля «Буковинка». Она прозвучала перед черновчанами в начале весны. Про нее пишет Б. Кулиниченко в статье, напечатанной 26 марта 1966 года в областной газете «Советская Буковина»: *«В этом году он (ансамбль «Буковинка» — М. И.) выступает с новой эстрадной песней, написанной Владимиром Ивасюком на слова своего отца — писателя Михаила Ивасюка, и снова заслуженный успех».*

До этой песни Володя возвратится немного позже, когда будет работать на заводе «Легмаш».

В десятом классе он создает песни «Колискова для Оксаночки» («Колыбельная для Оксаночки») и «Лісові дзвіночки» («Лесные звоночки»). Он очень любит своих сестричек Галинку и Оксаночку, всячески угождает им, неразлучен с ними. Оксаночке он потакает во всем, приносит ей гостинцы, рассказывает химерные и смешные сказки и пишет наконец-то «Колыбельную для Оксаночки», которую мы любим в семье и часто поем.

Из моего дневника, 7 апреля 1966 г.

«Володя приехал в Черновцы, побывал со мной до вечера. Говорили с ним обо всем на свете. Он сказал, что у него есть желание пойти на курсы шоферов и мотоциклистов — современный же человек должен разбираться со всеми видами бытовой техники. Я одобрительно отнесся к его желанию. Он охотно рассказал о своих успехах в учебе, учителей и работе с ансамблем «Буковинка». Сказал также, что хочет написать для него новую песню, но, к сожалению, не имеет стихов, которые бы его удовлетворили. Я дал ему вырезку из газеты «Литературная Украина» со стихотворением «Відлітали журавлі» («Отлетали журавли») Виктора Миколайчука. Стихотворение небольшое, но стоит того, чтобы стать песней. Нужно только его доделать, дописать несколько строк. Володя спросил, имеет ли он право вмешиваться в текст чужого стихотворения. Я ему ответил, что он может по-своему отредактировать стихотворение так, как того требует мелодия. Виктор Миколайчук еще молодой поэт, наверное, делает первые шаги в литературе. Если песня окажется хорошей, и люди будут ее петь, то можно будет разыскать его и послать ему песенный вариант. Его реакция будет позитивная. Может даже

начаться творческая дружба между молодым поэтом и молодым композитором. Володя согласился со мною. Он был в прекрасном настроении. Вечером провел меня до факультета и подался на автобусную станцию. Наполнил меня теплом, радостью».

* * *

— Добрый день, — поздоровался Леонид Михайлович, заходя в наш двор, где мы сидим с Володей и разговариваем. — Извините, что приехал в воскресенье, во время отдыха. — Мы пожали друг другу руки, а Володя освободил для него стул. Но Румянцев стоит, как скромный юноша, и, смотря на колодец, говорит:

— Сначала бы напиться водички... На улице такая жара, что спасу нет.

Володя побежал в дом, вынес ковшик и зачерпнул воду из ведра.

Леонид Михайлович удовлетворенно выпивает целый ковшик, а я думаю о причинах, которые привели его к нам. Я уже слышал о нем немного разных рассказов, но их достаточно для того, чтобы его уважать. Это прекрасный пианист, человек огромной культуры, очень порядочный и человечный. И фанатично отданный музыке, его взгляды можно высказать афоризмом Володи: «Если отнять у людей музыку, то они совсем одичают». Поговаривают, что Леонид Михайлович все делает для того, чтобы наполнить музыкальное училище, которым руководит, такими же музыкантами-фанатиками, как он сам. И нужно отдать ему должное, его выпускники разнесли далеко за пределы Буковины добрую славу о этом училище и его директоре.

Леонид Михайлович садится возле меня и говорит:

— Мне сказали, Михаил Григорьевич, что вас можно застать дома только в воскресенье.

— Да, на протяжении недели я занят в Черновицком университете.

Чтобы не мешать нашему разговору, Володя встает и собирается идти.

— Нет, Володя, побудьте с нами. Речь пойдет о вас.

Румянцев смотрит на меня пронизывающим взглядом своих карих глаз и говорит:

— Уже несколько лет знаю ваших детей — Володю, блестящего скрипача, и Галю — способную виолончелистку и пианистку. Это хорошие дети. Их место в музыкальном училище. Правду говорю?

Володя смущается, пожимает плечами. Не любит, когда о нем говорят громкими фразами и слишком хвалебными эпитетами.

Отвечает вполголоса:

— Директор училища всегда говорит только правильные вещи. Такая уже должность... — и улыбается.

— Не должность, Володя, а предчувствие старшего коллеги, музыканта, — поправляет его Румянцев. Кидает свои вопросы:

— К какой специальности готовишься? О чем мечтаешь наедине с собою?

— Я еще не думал о специальности. С пяти лет думаю только о музыке. А теперь иногда идет во мне борьба между филологическим факультетом и медицинским институтом.

— В ущерб музыке?

— Нет, музыка — моя спутница в жизни. Вопреки всем обстоятельствам она будет у меня на первом месте.

Леонид Михайлович ожил.

Кладет руку Володе на плечо и говорит:

— Любовь и неопределенность. Колебания... Странно, что так говорит одаренный человек. Все лучшее в жизни связано только с музыкой, твоей скрипкой и твоими композициями. Ты подаешь большие надежды и как композитор. Об этом уже частенько поговаривают, тебя вспоминают на страницах прессы. Над этим стоит задуматься...

— Музыка — только для моей души. Хотя меня и называют за это словом «самодеятельник». Ну и выдумал какой-то мудрец!.. Но на хлеб насущный буду зарабатывать иным способом.

— Размышляешь по-детскому... Как займешься другой профессией, то музыка отодвинется на второй план. Останется только воспоминание о ней. Между другой профессией и музыкой постоянно будет вестись борьба. Тебе будет тяжело. Не нужно затыгивать и колебаться. Нужно уверенно идти по пути, который так хорошо начался еще в раннем детстве. Этот путь ведет в наше училище. — И Леонид Михайлович переводит свой беспокойный взгляд на меня:

— Согласитесь, Михаил Григорьевич, что это наилучший путь для ваших детей. Хотя бы попробуйте. Увидите, что Володя и Галя будут чувствовать себя в нашем училище прекрасно. Направьте умно их шаги.

Леонид Михайлович говорит с таким увлечением, что я не решаюсь кинуть какое-либо возразительное слово. Наконец-то он встает, прощается с нами и идет в автомобиль, стоящий перед калиткой. Мы с Володькой сопровождаем его. От него у нас остаются облегчение, тепло, добрые чувства.

* * *

Учебный год приближается к концу. Володя готовился к урокам и экзаменам на аттестат зрелости очень настойчиво, энергично, чтобы ничем не испортить в последние недели пребывания в школе блестящее состояние своей успешности. Ведь на протяжении всех лет оканчивал каждый класс с отличными оценками, и теперь он претендент на золотую медаль, которая должна облегчить ему вступление в Черновицкий медицинский институт. Хочет стать врачом, минуты досуга он станет заполнять музыкой, поэзией, живописью. Его привлекает такая перспектива.

Но в жизни не бывает так, как в мечтах.

Володя почти через день приезжает ко мне в Черновцы. Хотя бы на один-два часа. Мы посещаем иногда кино, театр, прогуливаемся по улицам Черновцов. И он это называет своим наилучшим отдыхом. Он все время говорит о своих делах. Мне радостно от мысли, что мой сын преисполнен хороших стремлений. На протяжении всей жизни я не слышал от него какого-нибудь плохого слова в адрес своих знакомых, коллег, с которыми ему приходилось учиться в двух школах, о наших соседях, которые всегда с глубокой симпатией относились к нему, видя в нем хорошо воспитанного юношу.

14 апреля 1966 года меня посещает очень взволнованная дочка Галинка. Рассказывает мне, что Володя вместе с двумя другими учениками своего класса оказался в КПЗ. Ему, как и его коллегам, дали по пятнадцать суток за хулиганство. Я тяжело поражен этой новостью, совсем сбит с толку. Не могу понять, как Володя мог нахулиганить так, что аж был арестован. Никогда в жизни он не проявлял никаких наклонностей к наименьшей дерзости, тем более такой, которая карается законом.

Что случилось?

Произошла простая вещь. Девушка-десятиклассница, дочка майора военкомата, со своей родственницей такого же возраста, двое парней-десятиклассников, один из них сын колхозника, второй — работника РТС, встретились с Володей, который после занятий решил прогуляться. Какой-то из них предложил купить бутылку вина и выпить ее в небольшом саду, превращенном в местный сквер. Он расположен перед домом райкома партии и рядом с домом милиции.

Их пятеро открыли бутылку и выпили по сто грамм вина, которые, бесспорно, подействовали на их мозг. Один из парней начал героиться перед девушками. Сказал, что полезет на пьедестал.

Когда-то на нем был установлен бюст Сталина. Он простоял там в одиночестве много лет, потому что в тот сквер районного центра никто не заходил, ведь совсем близко шумел прекрасный Кицманский лес, куда шла с удовольствием молодежь, там был танцевальная площадка. После двадцатого съезда КПСС, на котором М. С. Хрущев сказал правду о том липовом гении, заклеил его как криминального преступника, по всей стране начали снимать его памятники, переименовывать города, площади, улицы и др. Тогда же и в Кицмане отпилили Сталинский бюст. А чтобы пьедестал не торчал зря, двое инструкторов райкома партии вынесли из помещения старый гипсовый комнатный бюст Ленина и поставили его на место Сталина, не прикрепив к новому месту. Районные мудрецы даже не подумали о том, что на свете всегда были, есть и будут хулиганы. Одному из них, который очень дулся в перья, захотелось вылезть на тот пьедестал. Но Володя спохватился — понял, что этого не стоило делать. Он подошел к коллеге, хотел его стянуть оттуда. Но коллега, здоровый парень, ухватился за этот гипсовый бюст, который пошатнулся и свалился на землю вместе с героем. От бюста отломился небольшой кусок.

Парни и девчата впали в панику. Они решили никому не говорить о своем поступке. И это была их ошибка.

На следующий день парней привлекли к ответственности. Посадили их в КПЗ на 15 суток. Так тогда карали за каждое нарушение. О девушках даже нигде не вспомнили, а парней обвинили в пьянстве. Райкомовских работников, которые поставили бюст на пьедестал и не прикрепили его, тоже нигде никто не вспоминал. Парни отсидели 15 суток и были отпущены домой готовиться к экзаменам на аттестат зрелости.

Для сына колхозника, работника РТС и дочки майора военкомата все это не имело особенного значения. Все внимание экзекуторы сосредоточили на Володе как организаторе пьянки. Был направлен инструктор райкома на экзамены на аттестат зрелости, чтобы следил, чтобы Володя не в коем случае не сдал их на отлично. По истории ему поставили четверку, за поведение — столько же...

Не могло и речи быть о какой-то медали, которая облегчила бы вступление в медицинский вуз, куда конкурс огромный.

О неприятном событии начальство, кажется, забыло, и о Володе тоже. Но это было не так. Все внимание было переключено на меня, члена Союза писателей и старшего преподавателя кафедры истории украинской литературы. Каждый день в университет поступали телефонные звонки с требованиями расправы надо мною. Но ректор резко негативно отнесся к их требованиям. Они так ему надоели, что он вызвал меня и спросил:

— Кого вы убили в своем Кицмане? Почему от меня требуют, чтобы вас отстранили от должности в университете?

— Я, Корней Матвеевич, никого не убивал. Считаю, что это взбунтовался

гоголевский Миргород, перекочевавший в Кицмань.

В университете устроили собрание, чтобы обговорить вопрос о том, как я воспитываю своих детей. После многих выступлений собрание постановило, что этот случай не типичен для моего сына и что я правильно воспитываю своих детей...

Летние месяцы были насыщены работой. Володя помог мне перевезти мебель и все другие вещи из Кицманя в Черновцы, где нам еще в том году дали жилье на ул. Б. Хмельницкого, 58.

С первых дней пребывания в Черновцах Володя начал энергичную подготовку к вступительным экзаменам в медицинский институт. Он рад, что уже наконец-то житель этого прекрасного города. Наше жилье небольшое, двухкомнатное, но в центре города, почти на территории университета. Можно было поблуждать по улицам, но Володя вынужден расставлять вещи на места, распаковывать вместе с Галинкой немалую библиотеку, найти место для книг, купить новую мебель и избавиться от старой. Володя, не жалуясь, управляется со всем наилучшим образом. Он умело владеет пилой, молотком, рубанком и долотом, у него безупречный эстетичный вкус. Обустройство нашего быта так увлекает Володю, что он забывает, на каком свете живет. На скрипке играет только по вечерам, чтобы проверить, как он говорит, акустику наших комнат. Возвращается к своим делам аж тогда, когда всюду стает чисто, уютно, все вещи обретают праздничный вид, а в вазе на столе появляется роскошный букет цветов.

Володя снова не выходил целыми неделями из-за стола. Только вечерами посещал кино или театр. Оказывал впечатление, что его ничто не утомляет. Семья того лета не ездила в Бердянск, где мы проводили чуть ли не каждое лето на берегу Азовского моря.

В те месяцы я внимательно присматривался к сыну, и меня поражала его работоспособность и умение концентрировать свою энергию на том, что он считал необходимым, полезным. Он просто-таки трогал меня своим упорством и умением. Что же, у него была хорошая подготовка к экзаменам. Вся наша семья окружила его вниманием, дрожала за него, боясь, что из Кицманя пришлют на нашу семью и Володю какие-нибудь анонимки с клеветой, хотя наш сын на протяжении десяти лет был гордостью двух школ — средней и музыкальной.

Прошли недели. Володя и Галя подали заявления в музыкальное училище. Володя в класс скрипки, а Галя — виолончели. Не на дневное отделение, а на заочное. И он часто посещает училище, знакомится с некоторыми преподавателями, интересуется учебной программой. Наше помещение наполняется звуками, мелодиями, а славные соседи терпят нас, еще никуда не пишут жалоб. Володя играет волшебную вещь — «Аве, Мария». К нему присоединяется Галя со своей виолончелью или фортепиано и, кажется, словно все предметы, которые нас окружают, поют вместе с ними, излучают веселые и грустные, бодрые и патетичные мелодии и навевают мечты.

В те дни Володя мне признается:

— Когда я устаю, то ищу отдых в любимой работе.

— А прогулка не действует на тебя? — спрашиваю.

— Только в поле, в лесу или в парке.

— Тогда поблуждаем сначала в городе, а потом пойдем в один из парков, — предлагаю.

Город Черновцы интересен своим прошлым и современным. Нам особенно полюбился район университета, где красивые дома, деревья и девушки, которые

вызванивают смехом, придавая узким, но чистым улицам романтической праздничности. Сливаясь с толпой молодежи, ведем свой разговор. Больше всего нас интересует литература и музыка. Это — любимые темы Володи, они волнуют его своими самыми разнообразными аспектами и проблемами, вызывают иногда глубокие и болезненные размышления. В такие минуты у него возникает потребность быть откровенным и искренним со мной. Он хорошо знает, что я его всегда правильно понимаю, не осужу и не принижу каким-то нетактичным ответом. Володя словно исповедается передо мною:

— Меня никогда не покидает мысль, что без музыки человеческая цивилизация была бы невозможна. Человеческий ум начал совершенствоваться тогда, когда люди приобретали опыт. А этот опыт был бы неприемлем, если бы они не окрашивали его своими эмоциями, которые, собственно говоря, моделируют наш духовный мир. Эмоции же — это реакции на прекрасное и уродливое, полезное и вредное... Музыка придает привлекательности будничности, разгоняет скуку и заживляет внутреннюю слабость, порожденные тупым однообразием.

— А какой психологический эффект ее действия?

— Когда исчезает скука, перед глазами встает голубое небо, зрение становится острее — видим то, чего раньше не замечали.

— Ты — романтик, сын, и философия твоя сугубо романтическая.

Он смотрит мимо меня куда-то в даль, потом пронизывает меня своими живыми глазами, наполненными глубокой проникновенностью, говорит:

— Я еще не закончил. Добавлю только то, что теряется чувство одиночества — самого страшного из всех чувств. Физическое одиночество приносит всякие неудобства, а духовное — страдания. Музыка человек спасается, в какой-то мере, от духовного одиночества.

— Разве Бетховен спасся от нее своими гениальными произведениями?

Володя опускает голову и молчит какое-то мгновение. Кажется, что сосредотачивается над тем, как мне ответить. Наконец-то отвечает:

— А Бетховен никогда не был одинок. Его же наполняли звуки, как пчелы улик.

— Как пчелы улик... Хорошо сказано, убедительно. Таким был и Шуберт.

— Ты прав, папа. Шуберт был отшельником, который никогда не уединялся.

— Ты его хорошо выучил. Он, в конце концов, достоин того, чтобы его изучали. Он — хороший пример.

Проходим мимо Университета и оказываемся на улице Жуковского, ведущей в парк им. Т. Шевченко. Останавливаемся на хорошенькой площадке и смотрим вниз, на вокзал, который время от времени пронзают гудки. За вокзалом разворачивается колоритная панорама Запрудья. А там, немного дальше, темный лес завладел высоким горбом.

Рядом с площадкой стоит дом.

— Тут жила когда-то Ольга Кобылянская, — и показываю пальцем.

— Знаю... Тогда, когда ее одолевала бедность, — уточняет Володя. — И жила не в светлых комнатах, а в подвальных...

Опирается на каменную ограду, которой почти касаются верхушки деревьев, растущих в яру, и добавляет тихим голосом:

— Сюда можно приходить, чтобы спокойно помечтать...

— О чем?

Володя берет меня слегка за локоть и смотрит тревожно в глаза.

— Я еще никогда не исповедовал никому свою мечту.

— Почему же она такая таинственная у тебя? — спрашиваю.

— Это, собственно, проблема нашего Шуберта, которая часто занимает и мои мысли. Или другими словами — стремление к идеалу.

— Теперь немодно так говорить. Слово идеал — архаизм.

— Говори, папа, до конца: архаизм для пустой головы обывателя. Я ощущаю в себе песенную силу, которая не дает мне покоя ни днем, ни ночью. Это какой-то неугомонный внутренний голос.

— Ты у меня мечтатель. Дорогой мой мечтатель. Ты как-то болезненно воспринимаешь историю нашей музыки.

— Разве я не прав? В прошлом наша музыка не имела средств, чтобы распространять свою красоту, произведения наших композиторов не рекламировали. Перед ними учебные заведения и большие концертные залы были закрыты на десять замков. И наши творцы были слишком сдержанные и гордые, хотя знали, что игнорирование и пренебрежение нашей музыкальной культуры преследовало одну цель: выработку у нас комплекса национальной неполноценности, а этот комплекс должен был дать силу всяким приилюшкам сосать соки из нашей земли. Они говорили, что наша музыка, как и язык, пригодна только для простолюдинов. Лучшие деятели искусств не перечили и шли рука об руку с теми простыми людьми. И это они делали с гордостью, которая пронизывает всю нашу культуру. Прошли десятилетия. История доказала, что украинский простолюдин несет в себе аристократизм высшей степени. Но салоны и теперь ему не нужны. Наша музыка уже имеет свои консерватории, филармонии, оперные театры, вокально-инструментальные ансамбли, радио, телевидение, музыкальное издательство... Мелодичность нашего языка в соединении с музыкой дает чудесный эстетичный эффект. Нашу музыку легко распространять среди других народов. Нужно только это делать с талантом.

— А его нужно иметь, — добавляю.

— Наши люди очень талантливы. К сожалению, их энергичность не достигает уровня талантливости.

Смотрю на сына, слушаю его и думаю, что рядом со мной стоит совершенно взрослый человек со своеобразным душевным сложением и стремлением быть самим собой, иметь свою позицию на все.

С вокзала доносятся гудки паровозов. Володя напевает строки из своей песни:

Я — мандрівний музика, друзі,
Славлю кохання, сонце, весну...

Настали тревожные дни поступления в медицинский институт. Володя был прекрасно подготовлен. И ему посчастливилось сдать успешно все предметы. Набрал необходимое количество баллов. У нас отлегло от сердца, мы успокоились. Я даже радел, что начальство не мстит юношу за его незначительную ошибку в жизни. Все, что могли сделать со взрослыми, не позволили себе сделать с семнадцатилетним юношей. Что же, благородное начальство...

Володя излучал радость. Но он совершил еще одну ошибку — поехал с Галей в Кицмань на именины подруги по классу. Там он сделал неосторожность... Признался, что прошел по конкурсу и зачислен студентом первого курса. Показал даже письмо с извещением. Ему приятно было осознавать, что с ним ничего плохого не случится, что его не внесли в черный список.

31 августа он купил красивый букет роз и подался в мединститут на праздник начала нового учебного года. Настроение у него было вознесенное, как и всегда после хорошо исполненной обязанности.

Мы с матерью вздохнули с облегчением — сын не будет шататься без дела. Но мы поторопились утешаться. Не помню, кто пришел к нам и рассказал об очень неприятной ситуации, в которой оказался наш сын. Речь шла о том, что он как бы обдурил кого-то и незаконно стал студентом. Мы с матерью пошли ему на встречу с болезненным желанием узнать, что там случилось. Застали Володю возле дома обкома партии. Лицо его было бледным. Он долго молчал. Потом рассказал нам все подробно. Праздник начала нового учебного года открыл ректор медицинского института, кандидат медицинских наук О. Д. Юхимец. Он поздравил первокурсников с началом их новой жизни в аудиториях вуза. Вспомнил о том, что Черновицкий мединститут славится всюду своими специалистами высокой квалификации, которые работают в селах и городах Украины и далеко за ее границами. От этой риторики О. Д. Юхимец перешел к более конкретной части своего выступления. Он поведал молодой аудитории, что вместе с честными абитуриентами, сынами колхозников и нашей советской интеллигенции, в институт незаконно проник, пользуясь преступными методами обмана, выпускник Кицманской средней школы Владимир Ивасюк. *«Он был своевременно разоблачен, ему не удалось нас обдурить. И вот я тут заявляю, что его вступительные экзамены аннулированы, мы его вычеркиваем из списка студентов нашего вуза».*

Володя никого не обманывал. Он сдавал документы так, как и все абитуриенты, сдавал экзамены успешно, без наименьшего постороннего вмешательства. Он был прекрасно подготовлен. Что же, придется выдержать эту выходку функционера от медицины, антипедагогичный поступок человека сомнительной морали, который не хотел даже задуматься над тем, чем могло закончиться эта изуверская травля семнадцатилетнего юноши.

Володя был честным абитуриентом, большим трудолюбом, которым на протяжении десяти лет гордились две школы — средняя и музыкальная.

Если бы О. Д. Юхимец руководствовался какими-то моральными или педагогическими принципами, то вызвал бы к себе абитуриента и сказал: «Забери, парень, свои документы и не суйся сюда». Он мог тоже вызвать отца или мать абитуриента и посоветовать: «Заберите, граждане, документы своего преступника». Но О. Д. Юхимцу захотелось поиздеваться публично с юноши, хотел иметь наслаждение от того, что калечит психику чужих детей.

Отмечу, что буквально через месяц после той проделки О. Д. Юхимца обком комсомола, возглавленный Галиной Менжерес, на своем заседании восстановил Володю в рядах комсомола.

Забегая немного наперед, отмечу тоже, что через год Володя все-таки вступил в Черновицкий мединститут. А еще через год мы, родители Володи, получили из того же таки вуза письмо, которое я полностью цитирую:

«Уважаемые Михаил Григорьевич и София Ивановна!

Деканат, партийная и комсомольская, профсоюзная организации третьего курса Черновицкого медицинского института поздравляют вас с 52-ой годовщиной Великого Октября! Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, успехов в личной и общественной жизни! Благодарим Вас за хорошее воспитание сына, который хорошо учится и берет активное участие в общественной жизни.

Декан врачебного факультета — О. Войцеховский.

Секретарь партбюро третьего курса — М. Лобода.

Секретарь комсбюро третьего курса — М. Иванихненко».

Ко всему сказанному хочется добавить то, что в 1972 году О. Д. Юхимец всячески пытался помешать переводению Володи в Львовский медицинский институт — он заявил во весь голос, что такой студент, как Владимир Ивасюк, нужен и черновицкому вузу. Нам известно, что О. Д. Юхимец гордился не так давно дискриминированным студентом.

Раздел двенадцатый

Занятия в музыкальном училище, хорошее отношение преподавателей и новых друзей-музыкантов преисполняют Володю желанием культурно-музыкальной жизни. Он играет в симфоническом оркестре училища, старательно исполняет свои студенческие обязанности — настойчиво работает над программным материалом и мечтает о какой-то работе, чтобы быть, как он говорит, полноценным членом семьи.

В один сентябрьский день он приходит в обедню пору домой в хорошем настроении. Обводит нас всех триумфальным взглядом и говорит торжественным тоном:

— Поздравьте меня, я уже часть рабочего класса.

Мы с матерью многозначительно переглядываемся, а Галя кидает скептически:

— Садись за стол, оратор обедней поры! Твой пафос, наверное, оттого, что ты проголодался.

— Никакой я не оратор, а простой работник-штамповщик фурнитурного цеха.

— В музучилище? — кидает Галя шутя.

— Нет, Галюня, на заводе «Легмаш». Я, правда, еще только неофит, но пройдут две-три недели и овладею всеми производственными мудростями, меня озарит откровение и, разумеется, начнет накапливаться опыт. Пока оформил все те дела, то и есть захотелось.

Садится возле Гали. Оксаночка оказывается у него на коленях, и мы все в напряженном ожидании подробностей. Высыпаем на него целую кучу вопросов. А ответ на них один и очень простой: он в самом деле работник завода «Легмаш». Он там устроился благодаря обкому комсомола.

Просыпается в шесть часов утра и троллейбусом добирается на завод, досматривая в дороге свои сны. Было бы очень хорошо, если бы он ложился рано спать, но это невозможно, ему тоже хочется погулять, пойти с кем-то в кино на последний сеанс или засидеться за полночь с интересной книжкой.

Однако не проходит и трех недель, как его вознесенное настроение резко меняется, он стает молчаливым, хмурым, задумчивым. Но не нарекает ни на кого и ни на что. Как-то, гуляя в городе втроем с Галинкой, я его спрашиваю:

— Что с тобой случилось, Володя? Почему опустил нос и загрустил?

— Тяжело, папа, в цеху. Не от работы, а от шума, грома и стука. Совсем глухну. Не могу дотянуть свою смену до конца. И стыдно пожаловаться, ведь первый же товарищ назовет меня слабаком и маминым сынком. В ушах все время стоит какая-то нестерпимая стрельба. Домой иду одурманенный. Шатаюсь, как пьяный, а в голове словно бубен непрерывно звенит. Живу в каком-то адском звуковом хаосе.

Галя отмечает:

— Твой абсолютный слух не согласуется со звуками заводского цеха. Они не вредны для него?

Володя смотрит встревожено на меня и говорит:

— Нигде не читал, чтобы продолжительный шум вредил слуху. Но я не стану обращаться к врачам, ведь еще кто-то скажет, что слишком ношусь с собою...

Как-то утром, полусонный, говорит матери:

— С ужасом думаю о том, что сейчас нырну в звуковую бездну.

Это заставляет нас насторожиться, ведь тяжело смотреть на него тогда, когда он возвращается с работы, — весь бледный, завялый, как листок, пораженный легким морозом.

Говорю ему:

— Пойду, Володя, к секретарю парткома и попрошу, чтобы тебя перевели в другой цех.

— Разве можно?! — словно ужаснулся. Он не привык к родительской опеке в жизненных ситуациях. — Я и сам могу это сделать.

Проходит еще неделя. Володя приходит с работы совершенно неузнаваемым. Его голубые глаза излучают радость, которую он прячет под маской спокойствия. Словно декламирует:

— Думал, что стану глухим, как Бетховен, но не вышло... Можете меня поздравить с победой.

— Снова? С какой, сын?

— Ценные перепонки моих ушей останутся неповрежденными. Они уже спасены.

— Кем? — вопросительно смотрю на него.

— Еще не перевелись добрые друзья-приятели, которых в старину называли меценатами.

Окружаем его веселым кругом.

— Говори, Володя, что там у тебя? — спрашивает Галя.

— Да ничего. Сегодня зашел в цех Леонид Андреевич Мельник, и я пожаловался ему на шум, который не дает мне жить. Говорю, что я не имею права глохнуть, потому что еще это написал «Героическую симфонию». Он меня понял с нескольких слов.

— Ну и что? — не терпится матери.

— Про это, мамочка, нужно говорить с патетикой. На протяжении одного часа я становлюсь, благодаря Лене, слесарем-гравером. Он просит, чтобы я помог поставить на ноги заводской хор. Вот я уже молодой дирижер.

Хористов было из кого выбрать: рабочие и служащие завода — жизнерадостный народ, любят петь. Кроме того, им просто интересно увидеть юношу, который будет руководить ними. Если будет чего-то стоить, то поддержат его.

Володя радуется и одновременно волнуется. Тех добрых работников ждет после окончания смены вторая работа, тоже тяжелая, тоже кропотливая, в поте лба. Не махнут ли они с равнодушием рукой и поторопятся домой?

Володя жалуется Гале:

— Те люди пережили страхи войны и знают, почему локоть кислицы. Поэтому я долго просиживаю вечерами над сборниками песен, подбираю наилучшие произведения, чтобы они понравились тем людям. Нужно дорожить их добротой.

Проходит еще немного времени. Я спрашиваю:

— Как поживают, сын, твои хористы?

— Словно сговорились... — и смеется.

— В чем?

— Да хотят, чтобы я показал свои дирижерские способности и поэтому страшно послушные и дисциплинированные на репетициях. Приходят без опоз-

даний, словно получают за то заработную плату. Просто трогают меня. Я, конечно, очень им благодарен, что поверили в меня.

Хор исполняет вместе с другими произведениями и Володины песни: «Добро пожаловать», «Отчизна моя» и «Капелюх» («Шляпа»).

Леонид Андреевич Мельник, который руководил в то время комсомольской организацией завода, пишет в своих воспоминаниях о Володе:

«Владимир был оформлен в фурнитурный цех штамповщиком — работа монотонная, требует внимания и терпения. Я навещался в цех №1 довольно часто, смотрел, как идут дела у Володи — у меня всегда лежала душа к нестандартным людям. Меня интересовал его внутреннее содержание. Когда спрашивал его, как идут дела, видел благодарный взгляд и скромный ответ: «Все нормально». Он ничем не отличался от других молодых работников и сумел сразу влиться в коллектив... Откровенность и открытость Владимира радовали меня. Однажды, зайдя в этот шумный цех, услышал от Владимира: «Все тут, как всегда, одно плохо: теряю слух». Ответ был мне сначала не понятен — причем тут слух? Такая уж работа в этом цехе. Тогда он рассказал, что увлекается музыкой, а шум ему очень действует на уши. Все это говорилось так просто, что в то же мгновение я бросился искать другое место для него. И вот Владимир уже слесарь-гравер.

Его попросили помочь заводской художественной самодеятельности. И тут практически я уже с ним не расставался. Часто приходил на репетиции, хотя было у меня немало разных дел. Владимир все время разговаривал со мною, делился своими планами. Он мне нравился еще и тем, что вокруг него собиралась заводская молодежь. На репетиции хора люди всегда приходили. Я каждый раз выходил из клуба с мыслью, что с художественной самодеятельностью нам повезло. За короткое время была готова программа для смотра, который состоялся в Дворце железнодорожников. Мои волнения за кулисами и в костюмерной были лишние — все было хорошо. Юный дирижер умело руководил хором взрослых людей».

Недолго работал Владимир на заводе «Легмаш», молодая жизнь требовала своего — хотелось учиться. Владимир делал для молодежи все, что мог. В нем выработалась какая-то преданность рабочему коллективу. Не помню, чтобы он хоть раз в чем-то отказал молодежи.

Вот осенью директор попросил организовать выступления художественной самодеятельности в подшефном колхозе села Бобовцы Сторожинского района. В селе был праздник.

Владимир подготовил программу, собрал людей. Мы поехали задолго до начала концерта. Концерт удался. Радовался Владимир, был счастлив и я.

Володя охотно каждое утро идет на работу. Он словно влюблен в свой «Легмаш», чувствует себя очень хорошо среди работников и служащих, которые отнеслись к нему по-человечески с первого же дня его работы.

Заводской хор подготовлен к смотру и выступлениям перед городской публикой. На свой концерт Володя пригласил меня с матерью и Софию Сильвестровну Яричевскую, дочку украинского поэта, которая приехала к нам в гости из Румынии. Песни Володи звучат слаженно, задушевно и их хорошо воспринимают слушатели, награждая исполнителей живыми аплодисментами. Володя выходит на авансцену, долго кланяется и словно не верит, что те аплодисменты адресованы его песням.

Тот успех придал ему творческой силы, смелости и настойчивости в работе над другими произведениями. Он дорабатывает ранее написанные произведения.

Дотянув в хорошего уровня песни «Відлітають журавлі» («Отлетают журав-

ли») и «Колыбельную для Оксаночки», он посылает их под псевдонимом «Весняный» на областной конкурс...

Я тоже член жури этого конкурса: рецензирую поэзии, рассказы, юморески. Музыкальные же произведения, преимущественно песни, оценивает преподаватель музыкального училища Александр Михайлович Чмут, который закончил композиторское отделение Киевской консерватории им. П. И. Чайковского в классе композитора Левка Ревуцкого. Я, присутствующий на заседании жури, слышу, как А. М. Чмут наигрывает и напевает песни Володи. Как и другие члены жури, он не знает, что автор тех песен — мой сын.

Затаивая дыхание и не свожу глаз с Александра Михайловича, который перестает играть, оборачивается к нам лицом и говорит с волнением в голосе:

— Я издавна рецензирую произведения буковинских музыкантов, держал в руках немало умело скомпонованных вещей, но таких оригинальных, мелодичных, с волнующими интонациями, как песни этого Весняного, я еще не слышал на Буковине. Это по-настоящему одаренный человек.

Мое сердце стучит у груди, предметы и люди словно кружатся вокруг меня. Стараюсь представить себе, какими станут глаза сына, когда я перескажу ему сказанное А. М. Чмутом. Он тоже очень высокого мнения об этом человеке.

В своих воспоминаниях организатор конкурса А. Ф. Яковчук пишет:

«Среди буковинской композиторской громады он начал выделяться таки сразу. Творческий рост юного Владимира Ивасюка заметили рецензенты областного конкурса на лучшее литературное и музыкальное произведение. А именно, ученик Левка Ревуцкого Александр Чмут увидел в песнях Владимира Ивасюка силу мелодичных импровизаций, пафосное вдохновение и стилевое новаторство...»

Конечно, Володя очень радуется, когда узнает об оценке своих песен. Смотрит на меня и говорит тихо:

— Кажется, папа, что мне стоит и дальше писать. Имею для кого...

И больше ни слова. Не любит хвастаться. А. Ф. Яковчук в своих воспоминаниях отмечает, что Володя *«был скромный, как и все талантливые люди»*.

31 декабря 1966 года областная газета «Советская Буковина» опубликовала итоги конкурса:

«Первой премией удостоено самодеятельного композитора Ж. Кремера за цикл «Пісні про Леніна» («Песни о Ленине»).. Еще одну первую премию поделили между собой Леонид Затуловский («Мрії» («Мечты»)) и Владимир Ивасюк («Отлетали журавли»). «Мечты» — лирическая песня с интересным гармоничным языком, «Отлетали журавли» — глубоко патриотическая...»

... Осень шестьдесят шестого серая, холодная, до нудности надоедливая своими дождями, слякотью, туманами. Тротуары покрывает мокрая и грязная листва, из-под колес автомобилей летят на прохожих брызги болота. Не хочется выходить из дома. Сидеть бы в комнате и читать Джека Лондона.

Однако ненавистная погода не действует на настроение Володи. Ему просто некогда нудиться и мечтать о лучшей погоде. Когда возвращается с завода, по быстрому обедает, берет скрипку и спешит в музучилище. Там проходят или консультации, или репетиции симфонического оркестра.

Володя признается Гале:

— Как бы там не было, мне все-таки повезло в жизни тем, что встретил много прекрасных людей. На заводе «Легмаш» морально отдыхаю, а в этом училище становлюсь таким умным и способным, что уже дальше некуда... А все дело просто в людях, среди которых мне предназначено жить... Это моя среда. Наверное,

на всю жизнь... И я благодарю судьбу за нее. Взять хотя бы Л. И. Таранову. Сколько радости ощущаю на ее лекциях по теории музыки! Иду к ней, как на праздник.

— Ты просто влюблен в нее, а не в теорию музыки, — злорадно кидает Галя.
— Но она стоит того, чтобы такие, как ты, в нее влюблялись.

— Нет, Галя, ты не права. Я немного одержим музыкой. Слышу ее всюду: на лекциях Тарановой, на улицах, в цехах дорогого моему сердцу «Легмаша».

И это не пустые слова. Володя купил учебник гармонии и изучает его с интересом, даже за обедом не выпускает из рук. Галя спрашивает его с насмешкой:

— У тебя не пропадает аппетит от тех теоретических мудростей?

— Нет, читаю их, как роман Джека Лондона. Музыка не накинута мне силком, она — моя избранница. И такие книжки, как эта, приносят мне огромное удовольствие. Нужно работать, Галя...

И Володя работает. Не забывает также, что ему восемнадцать. Он, жизнерадостный и товарищеский, посещает курсы танцев, которыми руководит преподаватель музучилища В. Д. Бедусенко. Володе нравятся украинские народные танцы, а также вальс, танго, твист, чарльстон... Но он не пренебрегает и новыми танцами, которыми увлекаются его ровесники.

5 февраля 1967 года областная газета «Советская Буковина» делает Володе очень приятную неожиданность: печатает песню «Отлетали журавли». Это оказывает на него глубокое впечатление и заставляет его серьезно смотреть на свое призвание. Он обрабатывает текст новой песни «Там за горою, за крем'яною» («Там за горой, за кременной»), на которой выразительно отразилась его любовь к буковинской народной песне. Пишет новую песню — «Над морем» — на слова Д. Павлычко.

Володе и Гале захотелось создать домашнее трио, им нужна для этого пианистка. Ею, ясное дело, должна стать Оксаночка, которая гасает целыми днями по двору, в скверике, что перед химическим факультетом, и в парке им. Т. Шевченко.

Как-то раз Володя садит ее за рояль и начинает воспитывать семейную пианистку. Те занятия с сестричкой порождают в его фантазии замысел песни о том, как не хочется выстукивать на клавишах гаммы, арпеджио, этюды в то время, когда на улице весна, соседские дети играют, смеются. Позже этим замыслом Володя поделился с поэтом-песняром Юрием Рыбчинским, который приезжал весной 1971 года в Черновцы с композитором Игорем Покладом. Юрий Рыбчинский написал стихотворение «Уроки музыки» («Уроки музыки») и отдал его своему другу — композитору Вадиму Ильину. Песня удалась очень интересной, талантливой и много лет звучала по радио и телевидению.

Раздел тринадцатый

Дни, насыщенные музыкой, работой и жизненными хлопотами, проходят быстро. Володя не заметил, как прошла осень, зима, вот-вот закончится и весна. Но он доволен — у него появляются успехи в работе. Есть тоже и мечта о высшем учебном заведении. Пренебречь ею никак нельзя, Галя ежедневно держит ее в его поле зрения своим настырным напоминанием. Поэтому нужно готовиться к вступительным экзаменом и прощаться с родным заводом, где его по-отцовски приняли и где он испытал утешение в общении с прекрасными людьми. Руководство завода очень хорошо отнеслось к нему: дало ему прекрасную характеристику и даже рекомендацию в Черновицкий медицинский институт.

Когда прохожу мимо завода «Легмаш», то хочется снять шляпу и сказать: «Тут работал когда-то мой сын — пусть святится это место! Тут вместе с моим сыном работали благородные люди, — пусть святятся их имена, добрая слава пусть будет им и их детям звездой-спутницей в жизни».

Четырех месяцев достаточно для повторения материала по физики и химии и для прочтения позабытых произведений украинской литературы. У Володи цепкая память, схватывает быстро и задерживает надолго все нужное для экзамена. Поэтому он сидит днем только три-четыре часа над учебниками, потом помогает матери и Миле по хозяйству, а вечерами гуляет допоздна с друзьями, которые стремятся к нему.

Мы никогда не тревожились, когда он шел сдавать экзамены. Знали наперед, что все будет хорошо. В этот раз он тоже старательно подготовился и получил по всем предметам наивысшие оценки. А произведение по украинской литературе пишет с таким блеском, что его читают все члены экзаменационной комиссии. Не зря же он все классы средней школы оканчивал с похвальными грамотами, которые донныне еще хранятся, наверное, в Киевской музыкальной десятилетке им. Н. Лысенко.

24 августа 1967 года Володя получает письмо с извещением о том, что он зачислен студентом первого курса Черновицкого медицинского института.

После экзаменов Володя, мама и Оксаночка, которой исполнилось как раз семь лет, едут в Красноильск Сторожинецкого района, где в туристическом лагере «Лунка» пребывает Галинка. Довольно большое расстояние между Красноильском и лагерем проходят пешком. Володя несет Оксаночку на плечах лесными дорогами, через луга и поляны, устеленные цветами.

Галинка выходит им навстречу и ведет их в лагерь, чтобы показать другим девчатам, какой у нее брат. Лагерь расположен в бывшем Доме охотников, принадлежавшем богатым и чиновным обывателям цесарской Австрии, а позже боярско-королевской Румынии. Еще не так давно они проводили счастливые дни на лоне этой волшебной природы. Теперь тут вызванивает своим смехом и песнями молодежь.

После осмотра лагеря выходят на широкую поляну и устраивают там семейную трапезу. Володя рассказывает о своем волнении в Медицинском институте, где он старался изо всех сил, чтобы показать экзаменаторам свою подготовку по физике и химии. Рассказывает с юмором, девчата смеются.

Поев, все четверо идут в малинник. Когда солнце начинает опускаться к западу, идут к автобусной станции. По дороге случается веселое приключение. Они еще издали видят двух цыганок и одного цыгана, идущих им навстречу. Цыган страшно заросший: волосы черные, лоснящееся, спадает темной волной на плечи, а длинная борода, широкая, как две лопаты, вместе взятые, полностью покрывает ему грудь.

— Смотри, словно копна тьмы катится по земле, — говорит Володя.

Оксаночке стает не по себе. Она прислоняется к Володе и шепчет:

— Это тот, что забирает в торбу маленьких детей, которые не хотят есть? Таким цыганом меня когда-то пугала Миля.

— Не бойся, тебя уже не засунешь ни в какую торбу. Ты ж у нас первоклассница.

Все внимательно присматриваются к этому феноменальному цыгану-оригиналу.

Когда равняются с ним, Володя говорит:

— Ну и колоритный... Словно темный дух земли... — И достает быстро фотоаппарат, дает его Галинке и говорит: — Сделай два-три кадрика с этим чудом природы. — И обращается к цыгану: — Иди сюда, сфотографируемся.

Но копна тьмы в черной засмальцованной одежде блестит глазами и отвечает:

— Не хочу фотографироваться, домнул⁵... Нужно мне дать рубль. И аж тогда только что-то будет. Дай, не пожалеешь.

Цыганка добавляет:

— Будешь иметь файную фотографию. Принесет тебе счастье.

Володя достает кошелек и протягивает цыгану рубль. Потом кладет ему руку на плечо и командует Гале:

— Не жалея пленки. Такого объекта и такого случая больше не будет... — и весело смеется.

К сожалению, из тех кадров не получилось фотографий — пленка почему-то засветилась. Но рассказы о встрече с небудничным цыганом часто веселили семью...

В наших вузах прижилась хорошая традиция: поступающие на первый курс работают на факультетах, в аудиториях, библиотеке, готовя их к занятиям, которые начнутся через неделю. Круг работ заранее продуманный, подготовленный. Володя выходит на работу, как и все, но его вызывают в деканат и спрашивают, с чем он выступит на праздничном концерте, посвященному началу нового учебного года.

Володя отвечает коротко:

— Сыграю «Цыганские напевы» П. М. Сарасате или, может, «Балладу» Ч. Порумбеску.

Декан удовлетворенно кивает головой и говорит:

— Вы можете сидеть дома и готовиться к концерту. Это ваше самое важное задание.

Володя старательно готовится. Шлифует каждый такт, продумывает каждую мелочь. Галина тоже просиживает много часов за роялем.

Концерт проходит 31 августа 1967 года в Доме офицеров. Руководство Медицинского института, преподаватели и студенты занимают места. Зал такой переполненный, что не пройдешь. Мы с матерью тоже пришли.

⁵Пан — рум.

Студенты-первокурсники поют, танцуют, декламируют, играют на разных инструментах, потом выступает народный ансамбль песни и танца института. Все выступления хорошие, жизнерадостные, темпераментные.

Наконец-то ведущий оглашает:

— А теперь немного классики... Студент Владимир Ивасюк исполнит на скрипке «Балладу» Ч. Порумбеску. На фортепиано сопровождает его сестра Галя.

Володя играет очень эмоционально. Словно выхватывает молодость с ее чувствами, радостными и печальными, которые вобрала в себя его скрипка. Зал затаил дыхание. Каждый присутствующий словно проникается красотой гениального произведения, заставляющего задуматься над людской судьбой и вспомнить одну истину: жизнь коротка, и нужно торопиться творить красоту и добро.

Выступление Володи и Гали фиксирует на пленке фотокорреспондент, и снимок появляется в ближайшем номере молдавской областной газеты «Зориле Буковиней».

Тогда же, на концерте, Володя и Галинка знакомятся с руководителем оркестра народного ансамбля песни и танца Медицинского института, доцентом Владимиром Николаевичем Круцяком, который на протяжении многих лет будет их другом и наставником.

С первой же недели обучения в Медицинском институте Володя играет в оркестре ансамбля. Когда Владимир Николаевич болеет или едет в командировку, он проводит репетиции. Оркестранты относятся к нему с симпатией. В это время у Володи зарождается мечта — создать камерный оркестр, который даст ему возможность работать над любимыми произведениями.

С этими мыслями он обращается в комитет комсомола и профкома института. Конечно, там относятся похвально к его предложению. И вот Володя находит хороших скрипачей среди студентов, пианиста, а на виолончели играет Галинка. Репетиции проводятся трижды в неделю у нас дома. К октябрьским праздникам Володя успевает подготовить две пьесы — «Элегию» Н. Глинки и «Романс» Д. Шостаковича. Кроме этих вещей, Володя исполняет любимые «Цыганские напевы» П. М. Сарасате, вызывая своей темпераментной игрой живую реакцию зала.

Камерный оркестр завоевывает большой успех. Студенты и преподаватели гордятся им, — это же свежий ручей в культурной жизни институтской молодежи. Весной 1968 года оркестр уже выступает на радио и телевидении.

Володя тщательно посещает лекции, практические занятия, не пропускает ни одну репетицию камерного оркестра.

Кроме того, он выполняет обязанности институтского художника. Он хороший портретист, пейзажист, и на его умение рисовать есть спрос — кафедры хотят выглядеть пристойно, а в этом не последнюю роль играет художник. Он делает все охотно и быстро, забывая об усталости. А экзаменационная сессия не за горами. Нужно готовиться. В его распоряжении были ночи. И он хорошо справился — его усилия увенчиваются успехом: все предметы сдает на «отлично» и получает повышенную стипендию.

Поскольку экзаменационные сессии института и музыкального училища совпадают во времени, то ему нужно выбрать что-то одно. Выбирает медицину. Делает это с болью, сетуя на настойчивость родителей. Ему трудно расставаться с училищем, где он испытал немало радостных минут.

Успех на сессии и то, что газета «Советская Буковина» публикует юмористическую песню «Шляпа», написанную намного раньше, приносят ему большое удовольствие. Он гордится и тем, что в издательстве «Карпаты» выходит моя по-

весть «Двобій» («Поединок») и «Казки Буковини. Казки Верховини» («Сказки Буковини. Сказки Верховины»). Кстати, Володя помогает мне обработать и готовить к печати некоторые произведения из той книжки. Мои сказки заставляют его энергичнее записывать народные песни.

Один раз я его спрашиваю:

— Что тебя привлекает в народной песне?

Он отвечает не задумываясь:

— Все. И текст, и мелодия. Каждая песня — это жемчужина. И я это понимаю, как можно считать себя музыкантом или просто культурным человеком и не знать украинского фольклора. Мечтаю стать композитором, поэтому собираю все прекрасное, созданное народом, чтобы иметь в душе какую-то основу для своих произведений. Без народного грунта — я ничто. Для меня украинский фольклор — учебник, написанный гениальным автором.

Володя и дальше записывает народные песни от разных людей, своих школьных и институтских товарищей. Он им просто-таки надоедает. Мы видим и последствия увлечения фольклором: им написаны на народные мотивы песни «Там за горой, за кременной» и «Шляпа». А теперь пишет «Ой зацвіла рожа» («Ой зацвела рожа»).

Мы смотрим на его записи народных песен и компоновку оригинальных произведений как на увлечение юности. Просто не задумываемся над тем, что у него происходит кропотная и всесторонняя подготовка к большому творчеству. Мы, правда, тешимся, что наш сын не занимается ерундой, не балуется, а стремится чем-то украсить жизнь. Иногда думаем, что из него вырастет высококультурный человек, хороший врач и грамотный музыкант.

Он добрый парень, только слишком доверчивый. И у него завелось слишком много друзей. Некоторые из них уже после знакомства лезут в душу и даже в дом. А это плохо — на свете есть люди и людишки, даже среди молодежи. Приходят по одному и группами. У части из них никакого интереса к музыке нет. Тогда что их интересует? Володе хоть бы что. Он играет им на скрипке или фортепиано свои песни или произведения любимого Шуберта. Рассказывает о композиторах, поразивших его своими произведениями и перед всеми гордится, что вырос в том саду, что и Сидор Воробкевич.

Иногда ездит на живописные околицы Черновцов и проводит там целые дни с записной книжкой в руках. Но что бы он не делал, никогда не отрывается от того, чем живет его институт. Берет участие в организации первомайского праздника, который ему надолго запомнился, — там исполняли его песни «А на нашій вулиці розцвіли каштани» («А на нашей улице расцвели каштаны») и «Странствующий музыкант». После праздников Володя и Галя собирают друзей — Славку Ивасюк, Витька Кузя, Юрку Балагурака и Жана Макаренко — и все едут в Карпаты. Блуждают горами, отдыхают на равнинах, потом спускаются к источникам и пьют чистую, не хлорированную воду, как говорит Володя. Бывают на самой Говерле... Горы придают им сил, бодрости. Встречаются и долго разговаривают с гуцулами, от них Володя записывает народные песни, коломийки...

Однако его манит не только красота наших зеленых гор. Он мне признается, что все поездки на Гуцульщину, все разговоры с горцами преследуют одну цель: найти ответ на вопрос что такое червона рута, о которой вспоминается в «Коломийках» В. Гнатюка. Я не уделил особенного внимания этому увлечению, но и не мешаю искать сказку или легенду о том непостижимом растении. Володя уверен, что легенда существует и думает о ней как о заветной мечте, которой дорожит

как чем-то близким, взлелеянным на протяжении своей юности. Держит ее пока в секрете, побаиваясь лишних разговоров, которые могут принести разочарование.

Он так загорается той сказочной химерой, далекой от медицины, что забывает о подготовке к экзаменам. А это имеет плохие последствия: Володя сдает на «неудовлетворительно» экзамен по органической химии и теряет стипендию.

В характере Володи есть очень хорошая черта: никогда не сваливать свои неудачи и невежество на счет учителей, которые, мол, не сумели его научить, а только на свою беззаботность и бездеятельность.

... В Черновцах остаюсь только я с Галей и Милей. Все остальные должны разъехаться кто куда, чтобы дать Гале возможность подготовиться к вступительным экзаменам в Медицинский институт. Она закончила Черновицкую среднюю школу им. Панаса Мирного с серебряной медалью, ее привлекает наш Медицинский институт прежде всего тем, что там учится Володя. Доцент В. М. Круцяк приглашает ее туда, ведь, кроме того, что она хорошо подготовленная абитуриентка-медалистка, Галя хорошая виолончелистка, которая тоже учится в музыкальном училище. Она очень нужна институтскому ансамблю песни и танца и камерному оркестру.

Сначала мать хочет отправиться в родной Бердянск, но в последний момент меняет свой план: не может отказать руководству средней школы им. Панаса Мирного и дает согласие поехать воспитателем с очень симпатичной учительницей истории Оксаной Кузьмичной Гусевой во главе группы старшеклассников в Одессу.

Мама берет с собой Оксаночку и просит, чтобы Володя их сопровождал. Мать знает, что юг очень привлекает его. Он любит солнце, запахи моря...

Галя хорошо владеет мудростями наук по программе средней школы и не испытывает потребности в репетиторе, сама может повторить необходимый материал, но я все-таки остаюсь как организатор ее занятий и быта. Мы очень встревожены — в институте будет огромный конкурс.

... Поезд прибывает в Одессу. Черновчане выходят на привокзальную площадь, садятся в машины и отправляются в совхоз села Беляевки, с которым Черновицкая школа заключила соглашение. Парни и девчата располагаются в хорошо оборудованных общежитиях.

В Беляевку уже приехали студенты из Киева и далекого Мурманска. Они вместе с черновчанам должны срывать яблоки и собирать овощи.

Володя, как договорились еще в Черновцах, может снять комнату и поселиться вместе с Оксаночкой на берегу моря, но он этого не делает. Не хочет покидать маму. Кроме того, общество киевлян и мурманцев ему по душе. Володя любит физическую работу.

Мать рассказывает:

— Преподаватели и студенты часто говорили о воспитанности Володи. Он им припал к сердцу своей тактичностью, вежливостью, их слова напоминали те, что сказала когда-то директор Кицманской школы Елена Васильевна Цибульская. Володя был уже в девятом классе. На новогоднем празднике Елена Васильевна смотрела, как он руководил своей «Буковинкой», и сказала: «Мне очень нравится ваш Володя. Не могу насмотреться на него — статный, скромный, красивый. Вам можно позавидовать...» Я ей говорю: «Володя не может быть другим — он воспитывается в нашей школе». И я ей с благодарностью улыбнулась.

Небольшое расстояние отделяет Беляевку от Черного моря — чуть больше сорока километров. Володя каждую неделю ездит с товарищами, не забывая, ко-

нечно же, взять с собою маму и Оксаночку. Мама выросла на берегу Днепра и еще в детстве переплывала его не один раз, за что ей доставалось «на орехи». Она стояла на берегу моря и любовалась плаванием Володи.

Володя вместе с новыми друзьями часто устраивает песенно-литературные вечера, танцы, где он играет на аккордеоне или гитаре. Исполняет свои песни, особенно «Странствующий музыкант». И именно в том селе он напевает под аккордеон «Я піду в далекі гори» («Я пойду в далекие горы»), пишет слова, которые в будущем переделает не один раз. Пройдет немного времени, и песня завоюет сердца поклонников, особенно молодежи.

Перед самым концом пребывания в Беляевке парни и девчата собираются на танцах. К Володе подходит один мурманчанин. Протягивает ему свою гитару и говорит:

— Возьми, друг... На память об этом месяце. Нам было весело с тобой. Если сможешь — приезжай в Мурманск, будем рады.

Володя смущается, лицо его покрывается густым румянцем.

— Что ты? Не возьму — это же прекрасная гитара!

— Как раз поэтому и дарю ее тебе. Мой брат, моряк, привез ее с Кубы, а кубинцы хорошо разбираются в гитарах.

Володя принимает подарок. Когда остается наедине с матерью, говорит:

— Паганини тоже дарили скрипки, гитары, виолончели... Они были, правда, произведениями Страдивари, Гварнери, Амати... Но я это жалею — мне досталась хорошая кубинская гитара. И за нее нужно поблагодарить. Каждому свое...

— Для меня, Володя, главное то, что к тебе стремятся люди. В этом наша наибольшая радость.

Володя полюбил эту гитару, часто играл на ней. Она тоже имеет свою историю. Несколькоми годами позже, когда Володя завоевал широкую популярность как композитор, а это было в 1971 году, к нам, на улицу Маяковского, приبلудили двое парней. Один из них говорит матери:

— Володя просил, чтобы вы дали гитару. Он ждет возле медицинского института.

Мать даже не подозревала, что те парни — дешевые обманщики, и дала гитару, «кубинку», как ее называл Володя.

Когда Володя вернулся домой, мама рассказала ему о тех «музыкантах». Он пожал сникло плечами и ответил:

— Я никого не посылал. Это какие-то шалуны. Поиграются немного и принесут.

— Кто знает, какие они...

Сомнения матери были целиком оправданы. Через несколько дней нам сказали, что какие-то молодые люди ходят по улице О. Кобылянской и предлагают проходим:

— Купите гитару! Это — гитара Владимира Ивасюка.

— Купите, она сама играет.

Володя хмурится. Больше не вспоминает о ней — больно...

После месячного пребывания в Беляевке уже не хочется ехать в Бердянск. Володя говорит:

— В Одессе была прекрасная жара. И нам достаточно. Хочу быть с Галей при сдаче вступительных экзаменов.

Погода в конце сентября полностью испортилась, настали серые и влажные дни. Не хочется выходить из дома — идеальная пора для работы. Вот сижу и работаю. Но вот раздается звонок. Бегу открыть дверь. Передо мною стоит Владимир Бабляк, а за его спиной — Володя.

— Хочу послушать его игру на скрипке, — сказал Владимир Самойлович. — Слушал его по телевизору, очень понравился.

Воспринимаю его слова нерушимо. Перевожу взгляд на Володю, который хлопает ресницами и говорит:

— Немного поиграем, папа, это не будет мешать тебе.

Галя встает из-за стола и подходит к роялю. Володя настраивает скрипку и бросает взгляд на меня. Я улыбаюсь, а это означает, что стаю членом их общества.

Музыка влетает в окна и наполняет комнаты, словно какая-то ширококрылая сказочная птица. От взмахов ее крыльев в лицо ударяют волны, очищают нас от злых чувств и темных мыслей. Нас окружает волшебный мир Чайковского, Лысенко, Стеценко. Наконец-то в наше сознание входит высокий, долгообразый Ч. Порумбеску.

Владимир Самойлович сидит за столом, оперев лицо на ладони. Словно застыл или растворился в мелодиях, которые плывут одна за другой непрерывной рекой. Не хочется верить, что этот тонкий мастер слова может так углубиться в чистые воды звуков, что полностью оторвется от окружающего мира. Даже не пошевелится. Словно его целиком вобрали в себя эти мелодии, слетающие со струн и кружащие по комнате.

Музыка замолкает. Владимир Самойлович смотрит вокруг себя удивленно и разворачивает упаковку, с которой пришел в гости. Это — «Вишневый сад» («Вишневый сад») и «Жванчик» («Жбанчик»). Он долго пишет посвящение на титульных страницах. Делает дарственную надпись Володе и мне.

После этого он часто заходит к Володе, молча просиживает целыми часами за столом, разговаривая о музыке и музыкантах и слушая Володину игру и песни.

У меня появляется мысль, что Владимир Самойлович ищет тему для нового произведения или, может, вынашивает замысел романа о музыкантах. О современном селе он уже выдал три сборника новелл и два романа и, наверное, исчерпался. Значит уже пора переходить к другой тематике — и нужно насыщать себя новыми мыслями и настроениями.

Проходят месяцы. Вот раздается телефонный звонок. Слышно голос Владимира Самойловича, который приглашает Володю в Хотин на литературный вечер, организованный литераторами Степаном Снигуром и Дмитрием Деркачуком. Просить, чтобы Володя сыграл что-то из классики, а Бабляк предпочитает «Концерт» Вивальди и «Цыганские напевы» Сарасате. В конце концов, у Володи есть свыше полтора десятка классических произведений, с которыми он охотно выступает в концертных залах. Но в этот раз он не выступит, потому что Галя, его аккомпаниаторка, поехала в Кицмань проведать бабушку и дядю Дмитрия. Бабушке уже больше восьмидесяти лет, она потеряла зрение.

Едем в Хотин без скрипки и Гали. Нас, черновчан, целый автобус: кроме Бабляка, Володи и меня, едут: М. Бурбак, В. Демченко, В. Колодий, П. Палий и Я. Вышиваный. Володя берет с собой кинокамеру и снимает всю группу возле ветряков, украшающих на Хотинщине живописный пейзаж. Снимает также крепость, где уже начались реставрационные работы.

Единственная киноплёнка, на которой зафиксирован образ Владимира Бабляка, хранится в архиве Володи.

Раздел четырнадцатый

С утра до вечера Володю словно окутывают волны мелодий, не выпускают из своего плена. Перед тем, как идти в институт, он хоть на полчаса, но садится за рояль, пальцы в беспамятстве бегают по клавишам и словно делятся своими затаенными мыслями. Или, может, где-то в глубине души собираются тучи, а в них бушуют грозы с молниями, которые требовали выхода на волю.

Галя уже на улице, а Володя еще за инструментом.

Мединститутский музыкальный круг кажется тесным, его ограничивают чисто медико-специальные интересы, и бывает даже неудобно вести постоянный разговор о музыке, в то время, когда его товарищи заняты медицинскими делами, живут ними. Володя ж пленен образами Карпат, романтикой гуцульского фольклора, красотой яров и равнин, ему хочется выйти за границы аматорства, которое только подслащивает спорадичной работой острую жажду музыки. Складывается впечатление, что в медицину попал в следствие давления обстоятельств, из-за досадного недоразумения или по воле родителей.

Володя оказывается в черновицком инструментальном ансамбле «Карпаты», который был при Доме текстильщиков под руководством Валерия Громцева. Там работает несколько хороших музыкантов, одержимых, как и Володя, песней, мелодией. Они, профессионалы, охотно впускают в свою среду новичка, который может считаться ровней наилучшим скрипачам и гитаристам.

Володя возлагает надежды на этот коллектив и изо всех сил помогает ему стать на ноги и завоевать симпатии молодежи. Газета «Советская Буковина» от 28 декабря 1968 года помещает фотографию ансамбля со словами:

«Молодые музыканты: Леонид Лебедь, работает в черновицком Доме офицеров, Владимир Ивасюк — студент Медицинского института, Александр Цехмистер учится в культобразовательном училище. Руководит молодежным коллективом третьекурсник музыкального училища Валерий Громцев.

Первый год звучат мелодии в исполнении «Карпат». Но и буковинцы, и жители других областей Украины уже имели возможность познакомиться с их заданием: молодые музыканты выступали в программе «Камертон хорошего настроения», которую недавно Черновицкая студия телевидения транслировала на всю Украину».

Под звуки Володиных песен («Я пойду в далекие горы», «Странствующий музыкант» и др.), к которым молодежь относится очень благосклонно, проходит зима. В апреле 1969 года происходит совет буковинской творческой молодежи, созванный областным комитетом комсомола. Приглашены писатели, композиторы, художники, комсомольские работники, рабочие фабрик и заводов. В докладе секретаря обкома партии В. М. Курило часто вспоминалось имя Володи. Его отметили в своих выступлениях актер и драматург О. Ананьев и ответственный секретарь Черновицкого отделения СПУ М. Бурбак.

После совета организован большой концерт, на котором блестяще выступила молодая учительница музыки одной из черновицких школ София Ротару.

17 апреля 1969 года областная газета «Зориле Буковиней» печатает статью А. Андрейчука «Горизонты творческой молодежи», в которой идет речь о том, что

песни Володи полюбились молодежи, молодой композитор отличается как хорошо образованный и одаренный музыкант.

Для меня, отца, очень заметна одна вещь: Володя развивается с каждой песней, его творчество набирает новые позитивные черты, свойства. Она — не вспышка аффектованного юноши, а потребность самовыражения молодого творца.

Володя любит путешествовать. На Буковине и Гуцульщине уже, наверное, нет такого уголка, где бы он не побывал. Нет и волшебного вида, которым бы он не любовался. Что его манит к далеким горизонтам, не давая покоя каждый год? Красота нашей родной земли и ее людей.

В этом году его мыслями овладевают Кавказские горы. Он должен туда поехать, успокоить свое задетое тройкой по гистологии самолюбие. Немного позднее Володя «схватит» и двойку по патанатомии, и это навсегда закрепит за ним репутацию независимого ни от кого студента.

Наша семья готовится ехать в Бердянск. Мы очень любим Азовское море с его лучшими в Европе пляжами, более теплой, чем в Черном море, водой. Тут родина нашей матери. Детство и юность она провела, правда, на берегу Днепра, но в середине 30-х годов родители были вынуждены перебраться в Бердянск.

Мы даем Володе право выбора. Он едет на Кавказ, его влечет Эльбрус. О величии этой горы он начитался и наслушался от людей, которые уже там бывали. Все это возбуждало его воображение. А кавказцы нравились ему своей простотой, веселостью и остроумием.

Чтобы не перегружать семейный бюджет своей поездкой, после экзаменационной сессии Володя идет работать художником в одну из черновицких учреждений, где за короткое время ему удастся выполнить довольно сложный заказ. Он хорошо зарабатывает. К этому заработку мы добавляем немного денег, а Галя — свою стипендию за два летних месяца (56 руб.)

В августе Володя вместе со своим другом Александром Луценко отправляется в далекую дорогу. Их туристическая группа пребывает на протяжении десяти дней в Перекопе, а одну неделю — на берегу Черного моря. Володя загорел, возмужал, словно набрал в себя силы Кавказских гор. Очень доволен поездкой. Возвращается домой в осетинском свитере, купленном на сэкономленные деньги.

Не успев отдохнуть после изнурительной дороги, он снова пускается в путешествия карпатскими селами, равнинами, записывает народные песни. Посещает село Чорторию, гостит в чрезвычайно певучей семье Миколайчуков. Его очаровывают братья знаменитого киноактера Ивана Миколайчука, записывает от них немало народных песен, которые мы часто исполняем в семье.

Ценой любых усилий ему хочется найти толкование поэтической загадки — червонной руты, которая завязла ему в сердце, как заноза. но приезжает разочарованным. Нам понятно: этой загадке ему не отгадать.

Володя в этот раз, правда, ключ к червонной руте не нашел, но ему повезло встретиться в карпатском селе Ясенях с популярной киевской певицей Лидией Видаш, лучшей в 60-е года исполнительницей украинских романсов.

Володя знакомит ее с несколькими своими произведениями. Они нравятся певице, которая вносит их в свой репертуар. Это — «А на нашей улице расцвели каштаны» и «Я пойду в далекие горы». Той же осенью Лидия Видаш исполняет их на Республиканском радио. Произведения хорошо прозвучали, но это не помешало Володе через некоторое время написать певице письмо и попросить, чтобы она не исполняла «А на нашей улице расцвели каштаны», которая, по его мнению, «недовершенная проба пера», которая отстала своей формой и не будет звучать

так, как могла звучать несколько лет назад.

Лидия Видаш не послушала автора — записала песню, ее часто передавали по радио. Володя, правда, хмурился, когда ее слушал. Он никогда не исполнял эту песню и даже не оставил ее следов в архиве.

С легкой руки Лидии Видаш Володины песни выходят к украинскому слушателю. С того времени, на протяжении десяти лет они будут звучать от Карпат в Владивостока.

... Осенью 1969 года заведующий кафедрой украинской литературы проф. В. М. Лесин дает мне двухмесячный отпуск для завершения кандидатской работы на тему: «Писатель-демократ Сильвестр Яричевский. Жизнь и творчество». Чтобы написать ее, мне обязательно нужно выехать из Черновцов. Дома ж невозможно сосредоточиться над собранным материалом и полностью отдаться работе: ежедневно дергают со всех сторон, постоянно звонят, студенты-заочники приезжают из районов с теми или другими вопросами.

Должен найти какой-нибудь тихий уголок и там продуктивно работать. И тот тихий уголок нахожу в Ирпени, в Доме творчества. Туда мне дают путевку на два месяца.

Беру с собой печатную машинку, чемодан с материалами и бегу из Черновцов. В Ирпени получаю светлую, уютную комнату, перед которой выстроился парад деревьев. Вокруг меня тишина и благодать, которую нарушает только постукивание печатной машинки в комнате, которая напротив моей.

Весь ныряю в работу, света ясного не вижу. С шести утра до полуночи. Никакой усталости, никаких перерывов для болтовни, хотя в Доме творчества находятся очень интересные, даже дорогие моему читательскому сердцу писатели.

Как-то в начале октября кто-то стучит в двери моей комнаты. Мелькнула мысль, что это стук Володи — я ж его знаю: ласковый и одновременно какой-то задиристый. После этого стука я обязательно увижу улыбающееся лицо сына.

Встаю на ноги и открываю. Так оно и есть — передо мной стоит едва взволнованный, но веселый Володька.

— Не ожидал? Рад, что я приехал? — и обнимает меня.

Прислоняю его к грудям и почти кричу на всю комнату:

— Ты очень умно поступил мальчик! Я тешусь, что вижу тебя! — и даже не расспрашиваю о его институтских делах, чтобы он не подумал, что я в душе нарекаю на пропуски лекций. Главное, что он возле меня, все остальное — второстепенно.

Роботу откладываю — уже пора отдохнуть. Поражает Володин, еще кавказский, загар, бодрость, звонкий, искренний, почти детский смех.

В тот же дня, после обеда, едем в Киев купить некоторые мелочи, которых нет в Черновцах. Весь следующий день гуляем в Ирпени. Знакомлю его с писателями-донбассцами — Григорием Кривдой и Геннадием Головиным, которых часто будет вспоминать добрым словом. Позже он внимательно будет читать поэтическую книжку Г. Кривды, чтобы положить что-нибудь на ноты.

Берет под руку и говорит:

— Я приехал сюда, чтобы узнать о твоём здоровье и настроении.

— Спасибо, сын... Ты с малых лет такой...

— Кроме того, я привез неожиданность для тебя — новую песню, которая называется «Відлуння твоїх кроків» («Эхо твоих шагов»). Нравится такое название?

— Свежее, сын. Еще нигде не встречалась.

— Это мы с Владимиром Вознюком написали в 21-й аудитории вашего филологического. Хочу, чтобы ты оценил. Послушай... — и Володя, едва прикрыв глаза, заводит своим негромким, приятным тенорком. Легкий румянец разливается на его лице. Мелодия стройная, задушевная, вся пронятая подчеркнутой элегантностью, но не сентиментальностью, в ней, как и во всем, написанном Володей, слышна драматическая струя.

Володя увлечен своим новым произведением, считает его типичным украинским романсом.

— Это я написал для Лидии Видаш... Она сделает из этого романса шедевр. Смотрю в его голубые, беспокойные глаза и говорю:

— Хороший романс. Оригинальный от начала до конца. Мелодичных штампов нет, а это очень важная примета.

— Это дорогая похвала. Самое страшное в творчестве, как и в литературе, штампы. Они убивают произведение. Гейне ж сказал, ясное дело, шутя: «Тот, кто впервые сравнил женщину с розой, был великий поэт. А тот, кто вторично сравнил женщину с розой, был великий глупец». В этой шутке есть глубокая творческая мудрость.

— Ты еще молодой, но правильно понимаешь суть творчества.

После короткой молчанки, запавшей между нами, Володя спрашивает:

— Если я напишу пол сотни таких романсов, как это «Эхо...», что будет?

Володя весело улыбается и не сводит с меня своих проникновенных глаз.

— Будешь иметь огромное творческое наслаждение. Это тебе добавит веры в собственные силы и утешение, что сделал хорошее дело для людей. И люди будут тебе благодарны... — Мы углубляемся в свои мысли, и между нами снова западает на несколько минут молчанка. Я ее нарушаю вопросом:

— Зачем ты пишешь свои композиции? Что они тебе дают?

От этого неожиданного и прямолинейного вопроса он смущается, но в то же мгновение успокаивается и отвечает:

— Каждое мое произведение, папа, порождает во мне болезненно-сладкую дрожь, которая обогащает мою духовную жизнь. Без нее в душе была бы полная пустота. Та дрожь делает сердце способным творить на свете добро.

— Мне нравится, сын, твое проникновение в суть этого сложного вопроса. Что же, аванти, бамбино!

Два дня отдыхаем вместе. На третий день Володя собирается в Киев. Хочет еще встретиться с артисткой Лидией Видаш и предложить ей романс «Эхо твоих шагов». Ему нравится голос певицы, ее манера исполнения. Всегда говорит о ней с глубоким почтением. Такое отношение я объясняю тем, что певица с благосклонностью отнеслась к его песням, искренне оценила и дала им крылья. А это много стоит в начале творческого пути. Такой человек навсегда входит в биографию творца.

В Киеве Володя не встречается с Лидией Видаш — она на гастролях. Свою новую песню он посылает ей по почте. Немного позднее он пишет ей письмо: обращает внимание на песню «Эхо твоих шагов», которую можно записывать в любой интерпретации. Если есть возможность записать эту песню с большим составом оркестра, то очень хорошо — масса никогда не мешает, только ее нужно правильно и логично использовать».

Вернувшись в Черновцы, Володя полностью отдается учебе и работе с камерным оркестром — готовит программу к празднованию 100-летия с дня рождения В. И. Ленина. Берет участие в областном фестивале, посвященном этой дате.

Выступление его оркестра и в этот раз было отмечено. В статье «Венок мелодий», напечатанной 9 января 1970 года в газете «Советская Буковина», В. Котиков и Т. Сулятицкий пишут:

«Порадовало выступление камерного оркестра Медицинского института, которым руководит студент, способный скрипач Владимир Ивасюк».

У Володи уже есть радостные новости, хорошие творческие успехи. Песню «Я пойду в далекие горы» публикуют в областных газетах «Советская Буковина» и «Зориле Буковиней» (молдавский перевод В. Терицану). «Эхо твоих шагов» передают по радио. Кроме того, Володя завершает работу над мелодией «Водограя» и сдает зимнюю сессию на «отлично».

Володька относится к тем юношам, на которых успех действует благотворно: не развивает в них гордовитости, высокомерия, надмерности, а наоборот, делает их простыми, скромными, товарищескими, способными понять радости и горе окружения, отзываться на них, в моральном плане быть надежной частью коллектива. Свои высокие моральные свойства он демонстрирует в семье — отношении к бабушке — моей матери. Бабушка очень старенькая — ей 86 лет, а четыре года назад потеряла зрение. Это очень плохо отражается на ее настроении, характере; стала капризная, придирчивая, подозрительная. Ее тяжелое состояние усиливается еще и тем, что невестка, жена брата Дмитрия, относится к ней с неприязнью. Я бы забрал ее к себе, в Черновцы, но бабушка говорить про это не хочет. Я, правда, не настаиваю, ведь у нас только две комнаты на шесть членов семьи. Конечно, это не может быть преградой для меня — я могу спать и на полу, ничего это случится со мной. Беда в том, что наше тогдашнее жилье выходило во двор, куда солнце никогда не заглядывало. А в Кицмане перед домом — роскошный зеленый двор, прекрасный цветник, волшебная освещенная солнцем площадка. К бабушке каждый день по несколько раз навещают соседи, две родственницы: Параска Филипчук и Параска Перегинская. Они разговаривают с бабушкой, рассказывают ей последние Кицманские новости, часто и накормят ее, переоденут. И все это помогает бабушке как-то безболезненно переносить трагедию слепоты.

Но вот 86-летняя бабушка ослабла, а смотреть за ней некому. Брат Дмитрий, который работал завхозом больницы, рано утром шел на работу и аж вечером возвращался. А Настя, его жена, работала заведующей магазином, тоже целыми днями была занята. Она, повторяю, с черной неблагодарностью относилась к бабушке.

В нашей семье встал вопрос: что делать? Как помочь старенькой?

Володя сразу же реагирует на эти вопросы:

— Я охотно проведу каждый свободный день возле больной бабушки. Если пропущу какие-то занятия, то большого греха в этом не будет. Скоро зимние каникулы, и мы с Галей вообще будем жить в Кицмане. Дядя Дмитрий сказал же, что мы можем занять одну комнату. Там и к экзаменам будем готовиться. Оксаночка будет приезжать к нам. — В голосе Володи чувствуется что-то твердое, категоричное.

— Завтра я буду с бабушкой аж до прихода дяди Дмитрия, — отозвалась Галя.

— А я приеду тебе на смену, — говорит десятилетняя Оксаночка.

— Может и папа с мамой выберут часик... Так мы вместе не дадим бабушке бедовать, — Володя ходит немного возбужденно по комнате.

Своей добротой и простотой Володя трогает меня. В тот же таки день Галя выезжает в Кицмань. Дядя Дмитрий очень рад ее приезду. Дает ей комнату, где она

может готовиться к экзаменам. Когда Галя едет сдавать экзамен, ее меняет Миля, а потом Володя. За бабушкой они старательно смотрят, из ложки кормят. Бабушка всегда чистенькая. Я очень рад и горжусь благородством своих детей. Смотрю на поступки Володи и думаю о его музыке. Она тоже такая чистая, благородная, высокоморальная, как и он сам.

Только благородный человек может творить красоту.

... С высокими и пылкими чувствами Володя всегда относится к своим педагогам, особенно к тем, которые его обучали в музыкальной школе и Медицинском институте. Вспоминает о них с нескрываемой нежностью, даже с некоторой стыдом мальчика-второклассника, который должен демонстрировать перед любимыми учителями, как он использовал в жизни полученные у них знания и навыки.

При встречах с учителями никогда не отрицает сказанного ними, словно они орудут аксиомами. Я никогда не слышал, чтобы он позволял себе плохо высказываться о них, а когда кто-то другой делал это в его присутствии, он отворачивался, не принимал участия в разговоре, пытался сменить его тему или направить его течение в другое русло.

Володя с большим почтением и благодарностью относится к своему учителю по классу скрипки в музыкальной школе — Юрию Николаевичу Визнюку.

Когда ранней весной 1970 года зашла речь о том, что черновицкие студенты-медики поедут в гости к винницким медикам, Володя очень разволновался и чуть ли не каждый день проводил репетиции со своим камерным оркестром. Ведь на концерте будет присутствовать Юрий Николаевич, который работает в Виннице директором музыкального училища. Володя переживает — он прекрасно знает требовательность своего учителя. Выступление камерного оркестра в Виннице будет еще одним трудным экзаменом в Володиной жизни. Поэтому нужно готовиться по-настоящему к этому испытанию.

Юрий Николаевич обнимает Володю, как сына. Водить его и Галю по училищу, где царит порядок, идеальная чистота, скромность и одновременно изысканность в оформлении коридоров и аудиторий. Во всем чувствуется какая-то вознесенная праздничность. Как было когда-то в Кицманской музыкальной школе.

Юрий Николаевич приглашает Галю и Володю на обед, предлагает им остаться в его семье на протяжении всех дней их пребывания в Виннице. Они не могут наговориться о родном Кицмане, Буковине, детстве, учебе, концертах, конкурсах скрипачей и виолончелистов. Успехи, неудачи... Все им близкое, дорогое, волнующее...

Присутствие учителя Володи в концертном зале отражается очень хорошо и на настроении остальных членов камерного оркестра — они играют с энтузиазмом, вкладывают душу в каждую пьесу, их игра сложенная, страстная. Особенно ярко звучит «Элегия» Н. И. Глинки.

Юрий Николаевич хвалит Володин оркестр, говоря, что его звучание подчеркнуто музыкальное, поэтичное, задушевное. Оркестр волнует... Любая аудитория может оценить его работу очень высоко.

Винница очаровывает Володю и Галю. Они посещают там анатомический музей, дом-музей Н. И. Пирогова, дом-музей М. М. Коцюбинского. Когда возвращались домой, Юрий Николаевич провожал их со слезами на глазах.

Раздел пятнадцатый

Последние шесть лет, на протяжении которых буйно растет в нем любовь к сочинению песен и мелодий, Володя не пропускает, наверное, ни одного дня без работы за роялем, над учебниками по теории гармонии и, конечно, не без мечты и о своем слове в украинской лиричной песне. Кажется, что у Володи каждый день начинается с потребности работать систематично, без разочарований и усталости, чтобы совершить задуманное и чем мечтал в детстве и юности, во время ежедневных многочасовых простаиваний перед пультом со скрипкой в руках.

Топтаться на одном месте, удовлетвориться только тем, что хорошие люди похлопают по плечу и назовут тебя одаренным и перспективным музыкантом, тоже нельзя, этого мало.

Если считаешь себя хотя бы немного причастным к творчеству, то ищи уперто, со страстью, радостью и болью новые темы, сюжеты, образы, символы, свежие интонационные фразы, еще не использованные мелодийные обороты. Каждым произведением начинай новый этап, качественно высший, в своей работе. Выражай себя, в конце концов, на полную силу. Но людские сердца завоюешь только оригинальным произведением с существенным смыслом и яркой формой. Банальной мелодией, построенной на интонационных штампах, не тронешь душу своего современника, не заимпонируешь перед требовательным слушателем. Моральная поддержка у Володи уже есть — это его премии на конкурсах, благосклонное отношение концертных залов, появление некоторых произведений на страницах прессы и особенно то, что несколько песен передаются по Украинскому радио. Но это только скромное начало.

Володя с юношеским увлечением и страстью работает над «Червоной рутой» и «Водограем», которые задают ему немало хлопот. Сначала хотелось придать «Червоной руте» характер и форму баллады, но произведение выходило растянутым, композиционно несовершенным, а Володе нужны лаконизм, простота и искренность народной песни. Переписывает ее много раз, постоянно шлифует текст произведения. Когда уверен, что вложил в песню все, на что был способен, откладывает ее с надеждой, что через некоторое время у него появятся новые идеи, возникнут свежие образы.

Замысел «Водограя» навеял Володе косовский водопад «Гук». Эта песня тоже рождается в муках, тоже вызывает у него болезненное недовольство. Володя постоянно вносит изменения в сюжет песни, сетуя на свою беспомощность, которую называет бесталантливостью, замыкается в себе, но посторонней помощи не принимает. Со временем его упертый труд частично преодолевает трудности.

На областном телевидении у Володи есть хорошие друзья. Это — главный режиссер Василий Селезенка и звукооператор Василий Стрихович, которым при встрече говорит, что у него уже готовы две песни. В. Селезенка интересуется новинками и выражает готовность пустить их в эфир.

Поскольку «Червона рута» стает радостным событием для любителей украинской песни в 70-е годы, то стоит, наверное, рассказать о ней подробнее.

В архиве Володи хранится красноречивый фотодокумент: сын стоит возле памятника Владимиру Гнатьюку на Лычаковском кладбище в Львове (1973 г.). И это

не случайно. Володе импонировала личность выдающегося этнографа и фольклориста, члена Академии наук УССР. Он, молодой собиратель украинских народных песен на Буковине, с глубоким и искренним пиететом относился к научному заделу ученого. В ноябре 1967 года мой друг, доцент кафедры российской литературы А. Р. Волков (ныне доктор филологических наук) подарил мне на день моего рождения монументальную работу Владимира Гнатюка «Коломийки» издания 1907 года. Володя следил за произведениями, появлявшимися в нашей семейной библиотеке, перечитывал их. Именно в этой книжке он и наткнулся на строки:

Назбирала троєзілля, червону рутоньку,
Та схотіла зчарувати мене, сиротоньку.

Для восемнадцатилетнего музыканта, влюбленного в родной фольклор, чуткого ко всему новому, образ червонной руты был волнующей находкой, настоящим откровением. Тот цветок не давал ему покоя почти три года. Путешествовал селами, особенно горными, ища ключ к пониманию загадочного понятия, в котором почувствовал живящий глоток поэзии, вибрацию песни. На Косовщине нашел новый вариант колумийки о червонной руте, а на Путильщине, в Розтоках, записал легенду о загадочном чар-зелье, которое предстает в народных сказаниях символом вечной и чистой любви.

Володя приглашает в телестудию оркестр ансамбля «Карпаты», руководимый Валерием Громцевым в Доме текстильщиков, и молодую учительницу музыки Лялю Кузнецову, которая имела красивое сопрано. Начинается запись... Сначала записывают оркестр, потом накладывают голос. Володя очень хорошо поется с Лялей Кузнецовой. Получается хороший дуэт.

Галя, которая присутствовала на записи, вспоминает:

«Нельзя было воспринимать с равнодушием ту запись... Все так волновало, что плакать хотелось от радости. Они стояли один перед другим и, едва-едва прикрыв глаза, пели, словно в каком-то глубоко поэтичном самозабвении, только легкими и экономными жестами, словно чертили в воздухе ритм произведений. Казалось, что они углубились в какую-то фантастическую сказку, забыв, что вокруг них расставлена хитроумная аппаратура и работают люди, которые хотят поймать и как можно более правдивее зафиксировать на пленке поэзию юношеского сердца.»

Володя и Ляля хорошо поработали — у них 12 дублей. Ведь Василий Стрихович и Василий Селезенка очень требовательны, придирчивы, иногда даже нестерпимо педантичны. И они правы. Они знают и любят свою работу. С ними Володя чувствует себя очень хорошо.»

В конце сентября запись «Червонной руты» и «Водограя» завершена. Как-то вечером Володя приносит домой магнитофонные пленки с теми песнями и прокручивает их на кухне (Оксаночка уже спала). Мы поражены мелодичностью и задушевностью этих произведений. «Червона рута» — вознесенное признание в любви, песня верности, человеческого достоинства. А «Водограй» — выражение неудержимого буйства молодости, неувыдающей, веселой, жгучей, как буковинская свадьба. Это — торжество его шестилетней творческой работы.

Настоящий праздник Володиной музыки и поэзии — 13 сентября 1970 года.

Пополудни с Театральной площади перед Медицинским институтом и театром им. О. Кобылянской Черновицкая телестудия транслирует на Украину, вместе с другими песнями, и произведения Володи «Червону руту» и «Водограй». На площади и соседних улицах останавливается автомобильное движение.

Галя вспоминает:

«Я металась между нашим домом и площадью, не зная, откуда лучше смотреть — дома же был хороший телевизор. Наконец-то с мамой, Оксаночкой и Милей садимся перед экраном телевизора. Папа остался на Театральной площади. Прекрасное выступление Ляли Кузнецовой и Володи осталось незабываемым на всю жизнь».

Песни Володи вызывали здоровую и приятную сенсацию, черновчане громко заговорили о нем, заинтересовались ним, особенно молодежь — работники, старшеклассники, студенты. Он, молодой и смелый, влиял на их воображение.

После трансляции Володя подходит ко мне.

— Как оно вышло, папа?

— По-настоящему, сын. Мне было очень приятно слушать твои песни.

— Как звучал «Водограй»?

— Хотелось танцевать под его музыку.

— Ты — хронический отец... — и улыбнулся.

— Субъективный? Что же, субъективность — основная черта творчества.

Объективных людей нет и среди тех, кто воспринимает художественное произведение.

Когда Володя возвращался домой, мама, Галя, Оксаночка и Миля встречают его овациями.

Так молодой трудолюб и мечтатель утвердил свою защиту перед глазами миллионов, а образ червонной руты с первого дня приобретает в поэзии и музыке силу высокопоэтического символа. Песни пленяют слушателей, народ берет их в сердце.

После этого праздника на протяжении десяти лет будут говорить и писать о Володе всякое, но никто не будет отрицать его небудничный талант. Миллионы людей увидят у нем выразителя своих чувств. Об этом свидетельствуют тысячи писем, которые будут приходить со всех концов Советского Союза. А Володя будет идти от песни к песне, от баллады к балладе, от романса к романсу ни на кого не похожий, не повторяя сделанного своими предшественниками, но и не отрываясь от них. Это начало той дороги, которую Володя искал с ранней юности и, наконец-то, нашел. Десять лет сын будет идти по ней с достоинством и скромностью, удивляя оригинальностью своих произведений. Позднее он это выразит своим афоризмом: «В искусстве если удивишь — побудишь». И добавил: «Удивлять может только талант, соединенный с трудолюбием».

Старт очень удачный. Уже в последующие дни областная комсомольская газета «Молодой буковинец» печатает песню «Я пойду в далекие горы», сопровождая публикацию вступлением, в котором говорится о том, что читатели присылают отклики на ту песню. Так, работница трикотажной фабрики №1 Неля Крайковская пишет, что «в музыкальных передачах радио и телевидения часто звучит хорошая песня «Я пойду в далекие горы», которая мне очень нравится. Напечатайте, пожалуйста, слова и музыку этой песни».

Газета «Советская Буковина» печатает 27 октября статью «Произведения для народа», где среди лучших песен и романсов, созданных на буковинской земле, называет и Володины произведения. Для меня все это звучит как результат шестилетней работы сына в жанре лирической песни.

Еще через три дня, 30 октября, поэтесса Галина Тарасюк, сотрудница газеты «Молодой буковинец» в статье «Найти солнца руту» дает очень точную характеристику молодому композитору. Поэтесса, кстати, очень хорошо знала Володю,

поскольку они были друзьями. Она пишет:

«Музыка вошла в Володину жизнь очень рано, когда ему было только... 5 лет. Это та счастливая пора, когда нет границ между сказкой и действительностью.

В четырнадцать лет он написал свою первую песню на слова отца — старшего преподавателя Черновицкого университета и отдал ее на суровый суд домашних. С тех пор — победа на ежегодных областных конкурсах.

Творец начинается с той песни, которую забирают у него, как свою, благодарные люди, и уже не возвращают. У Владимира они забрали «Казку гір» (Сказку гор), «Эхо твоих шагов» и «Червону руту», которая стала заметным событием в творческой жизни Буковины.

Немало теплых слов сказано знатоками и просто любителями об одаренности молодого композитора-песняра. Его привлекает гармония текста и мелодии, лаконизм, лиризм и та прозрачная понятность и одновременно поражающая неожиданность самовыражения, которая бьет, как молния. В своих песнях Владимир пытается приживить на дереве из сада народного мелоса новые ритмы, пока что экспериментирует соединением праотцовского со свежестью мировосприятия неопита, который верит и не верит, но ищет солнца руту, чтобы понести ее людям.

Более десяти песен в заделе Ивасюка, но, наверное, наилучшие из них — песни на его собственные слова и, конечно же, в его исполнении.

Сегодня Владимир только на пороге зрелости, в которой понимание своих творческих возможностей, осознание того, что солнца руту ты еще не нашел, ведь она — цвет твоего щедрого сердца.

Из всего виденного и услышанного можно сделать один вывод: Володя стремительно ворвался в сознание своих современников. Такое явление часто бывает в литературно-творческом мире. И в этом нет для меня ничего неожиданного: это же следствие многолетней упорной работы способного юноши над своим музыкальным образованием. При поддержке окружения как раз тогда, когда он проявил свой талант, его дерзания увенчиваются успехом. И это не вспышка, ослепляющая до умопомрачения, а яркая ступень в процессе развития молодого дарования».

Володя покупает в киоске пол десятка экземпляров комсомольской газеты со статьей Г. Тарасюк, раздает всем домашним и говорит:

— Прочитайте и скажите, есть ли неправда в написанном черным по белому... — Он словно озарен внутренним светом. Уста дрожат от волнения.

Мать первая прочитывает статью и отвечает уважительным тоном:

— Умно написано... Слова цепляют за сердце... — и делает паузу.

Володя нарушает короткую молчанку, дополняя мысль матери:

— ...И заставляют задуматься, что делать дальше, чем должен жить.

— Чем тебе жить? — встряет Галя со свойственной ей категоричностью. — Медициной и музыкой. Бородин жил музыкой и химией... А. Олесь — поэзией, ветеринарией. Чехов и Вересаев были врачами. Еще можно назвать немало имен. С них бери пример...

Володя не отрицает.

Я часто замечаю то, что каждый успех, большой или маленький, укрепляет в нем веру в музыку, которая является его настоящей стихией, основной профессией, любовью, утехой, болью и отрадой. Она наполняет его беспокойным содержанием. Мысли и стремления Володи кружатся в основном вокруг рояля, скрипки, виолончели и гитары, на которых он играет довольно пристойно.

Однако успех молодого музыканта не остается без внимания другой ка-

тегории людей: недоброжелателей и завистников. Некоторые члены областного объединения самодеятельных композиторов бунтуют против «Червоной руты» и «Водограя», стараются их затмить своими жалобами в высшие инстанции. Они нарекают на то, что радио и телевидение передают в эфир произведения «студента-медика Ивасюка». Им, безусловно, никак не смириться с тем, что скромный юноша, который даже не посещает из-за дефицита времени областное объединение, добывает республиканскую аудиторию, не попросив у них разрешения. Конечно, завистники не смогли утопить в ложке воды нарушителя их покоя, но испортили его праздничное настроение, не дали возможности долго тешиться успехом. У меня, отца, они вызвали только отвращение и презрение.

... Осень 1970 года щедра на события. Володя находит друзей. Славный вокально-инструментальный ансамбль «Смеричка», руководимый молодым композитором Левком Дутковским, берет в свой репертуар произведения «Червона рута» и «Водограй». Володя заинтересован в том, чтобы эти произведения исполнялись так, как ему хочется, поэтому он часто выезжает в Выжницу на репетиции ансамбля. Тогда же завязывается крепкая дружба, искреннее творческое братимство с прекрасными солистами «Смерички» Назарием Яремчуком и Василем Зинкевичем, которые своими высокими исполнительскими качествами завоевали громкую славу для ансамбля и стали любимцами ценителей украинской песни в нашей республике и далеко за ее границами. Их большая дружба длилась аж до смерти Володи.

Назарий Яремчук вспоминает:

«Когда заканчиваются разговоры, начинается песня. Володя был ее творцом, ее рыцарем. Я видел в песнях его душу — она кажется мне голубоглазой. Такой, как сам Володя. Мы часто называли его Вальдемаром — наверное, потому, что он неплохо знал французский язык, напевал песни на этом языке и любил Джо Дасена и Жерара Филипа.

На репетициях, концертах или обычных встречах я ощущал его небудничность, интуиция подсказывала мне, что имею дело с неординарным человеком. Но он всегда был для меня неузнаваемым и непонятным, как и каждый человек большого таланта. Как и каждая выдающаяся личность».

Те друзья-побратимы запали Володе глубоко в сердце.

К ним нужно прибавить и дядю Ивана, моего самого старшего брата, который приехал из Торонто к нам на постоянное проживание. Он поехал в Канаду еще в 1927 году. На протяжении 42 лет был членом Коммунистической партии Канады, работал в музее Т. Г. Шевченко в Палермо.

Дядя Иван называет Володю своим сыном, тешится его успехами, живет мечтами и его беспокойством.

Раздел шестнадцатый

Песни взлетали на сильных крыльях своих мелодий, которые миловали не только слух, а трогали сердца молодых и старших. О «Водограе» вспоминали меньше, реже, а фантастическая «Рута» всех ошеломила своей неординарной сутью, подействовала на воображение, по-настоящему удивила. Ее широкая популярность вызвана прежде всего новым образом, новым символом в литературе и песне. Она очень скоро начинает обрастать романтическими рассказами, легендами, сказками, ее поддают самым разнообразным интерпретациям. И это не удивительно — она же сама испокон веков жила в легенде на нашей земле, ожидая, чтобы кто-то, молодой и смелый, открыл ее и дал ей место в человеческом сознании.

Рута вообще цветет желтым соцветием, но случается и такое, что она один раз в десять лет зацветает красным. Чем объяснить эту тайну? Ее раскрывает старинная греческая легенда о любви юноши и девушки. От их любви расцвели поля и леса, люди радовались, пели песни.

Но на горе влюбленным красота девушки вызвала любовь в сердце старика бога Эола, который начал заигрывать с красавицей — днем и ночью он ее очаровывал лстивыми словами и обещаниями. Хотел, чтобы девушка посмотрела на него благосклонно и ответила любовью на его заигрывания. Но она и слышать не хотела о нем — была верна юноше.

Ревности усердного Эола не было границ. Он совсем озверел и наконец-то отомстил за свою неразделенную любовь и потоптанную и пренебреженную честь божка. Он выбрал минутку, когда влюбленные пришли на свидание, накинулся на парня и девушку и отнял у них жизнь.

Жалкий старикан! Хотя ему было уже более тысячи лет, не мог понять простой истины: любовь тверже камня, жарче огня и сильнее смерти.

Любовь девушки и юноши не погибла, а превратилась в два цветка: в руту с желтым соцветием и красноватыми листочками и лиловато-розовый ясенец. Они, как двое детей, всегда и всюду один возле другого. Ясенец немного выше, — словно для того, чтобы следить, чтобы какой-нибудь старикан не забрал его любимую.

И рута не равнодушна к ясенцу: один раз в десять лет расцветает красным цветом, чтобы любимый любовался нею и вобрал ее красоту в свое сердце. Если во время того чудотворного цветения любая девушка найдет этот чудоцвет, то возьмет от него все чары и приворожит навсегда своего любимого парня.

На Украине известны различные варианты этой легенды. Так, литературовед О. Ю. Романенко в очерке «Чар-зелье» рассказывает о девушке-гуцулке, которая ищет червону руту:

«Она спотыкается о корни, падает, встает, снова одолевает тьму и страх. И когда уже, казалось, выбилась совсем из сил, не могла подняться, увидела внезапно впереди волшебный огонек. Да, это она, волшебная рута-цветок! Не многим судилось увидеть ее и сорвать... Только раз в двадцать лет загорится на руте красный цвет вместо обычного желтого, и то ненадолго. Найди в себе силы, встань, сорви волшебный цвет, и он принесет тебе счастье. Ты будешь любимой всегда, ты не отведаешь горечи разлуки и острую боль измены. Сорви же скорее цветок и вручи ее красивому парню, который появляется каждую ночь в девичьих снах, и вы

станете неразлучны навеки.

О, волшебные легенды Карпат! Сколько вас выныривает из сивой древности, сколько вас творится вокруг!»

Но червона рута — это не западноукраинский или буковинский региональный символ, а общеукраинский, который бытовал в разных вариантах во многих частях Украины, отражая тяжелые события в истории нашего народа... Так, Тарас Мельник и Сергей Казак рассказывают, что червона рута появилась в тяжелые времена, когда Украина стонала от набегов разных поработителей. Этот волшебный чудо-цветок связывается с борьбой наших предков-украинцев за свою вольную жизнь.

... Вражеское нашествие ворвалось на украинскую землю, грабило, палила, уничтожала все вокруг, но червону руту жестокие завоеватели не могли уничтожить — она осталась жить: вспыхивала только голубым пламенем, но не сгорала в огне. Была символом вечно живого и неуничтожимого украинского народа. Но вот настало горе. Одного юношу схватили хищные заброды и заточили на невольничью галеру. То было такое гнетущее и тяжелое рабство, а враг такой жестокий, что галерники потеряли надежду на спасение. Но случилось чудо. Любимая того парня тяжело побивалась, горько оплакивала его грустную судьбу. Девушка хорошо знала, в чьих руках он пребывал. Когда с Украины отлетали журавлиные ключи, любимая вознесла в небо червону руту и попросила одну из тех птиц: «Передай, дорогой журавлик, этой цветок моему любимому, пусть он помнит мою любовь к нему». Журавль взял в клюв тот чудо-цветок, и, пролетая над морем, увидел галеру с невольниками. Опустился к ней и кинул парню-невольнику подарок любимой. Пламя червонной руты пробудило сердце любимого и его побратимов. Они вспомнили родную Украину, родителей, матерей, любимых жен и детей. Эти воспоминания разбудили в них невероятную силу и страшную ненависть к зайдам. Галерники побили своих надсмотрщиков и, захватив корабль, словно полетели к берегам родного края.

В. Самородов, студент Полтавского сельскохозяйственного института, пытается научно обосновать поэтическое понятие червонной руты. 18 июля 1972 года он публикует в ровенской газете «Смена» статью «Червона рута», в которой дает описание волшебного цветка. Цитируем отрывок:

«Некоторые считают, что такое растение на самом деле не существует. Но это не так. Растет оно только в нашей стране. В диком виде встречается в Крыму и в некоторых местах на границе с Турцией. С давних-давен ее разводят на огородах по всей Украине как лекарственное растение... Еще в 1896 году в своей книге «Жизнь растений» Кернер вспоминал и относил ее, как это ныне не смешно, к растениям, использующимся в колдовстве и ворожении... Теперь много наших ученых советует использовать руту для лечения нервных заболеваний...

Высушенные цветы руты имеют очень приятный запах розы и их используют для разных домашних потребностей».

8 марта следующего года в той же газете появляется очерк Е. Шморгуна «Чар-зелье», в котором автор ведет разговор о распространенности червонной руты на западноукраинских землях.

Значительно позднее, уже будучи популярным певцом, народным артистом Украины, Василий Зинкевич напишет:

«Те, чья юность припала на вторую половину шестидесятых годов, хорошо помнят, как весенним вихрем, стремительной птицей вылетела в широкий свет песня Владимира Ивасюка «Червона рута», ее прекрасна мелодия, в кото-

рой органично слились, объединились современные ритмы с лучшими элементами традиционного украинского пения, звучала повсюду — с профессиональной и самодеятельной сцены, с голубого экрана, на студенческих вечерах и сельских свадьбах, в палатках геологов и пограничных заставах... «Червону руту» люди восприняли всем сердцем, ведь это была честная песня. Это была не одолженная, а словно самим народом написанная песня, которая, без преувеличения можно сказать, стала наивысшим проявлением украинской эстрады, которая только-только, начала зарождаться».

Появление «Червоной руты» и «Водограя» — незабываемое событие в творческой жизни Володи. Они — яркие образцы песен, которые свидетельствуют об одаренности их автора. Народ открывает для них свои сердца, отдав сначала предпочтение «Червоной руте», а немного позднее «Водограю».

Эти две песни настолько близки, понятны, доступны советским людям, что их даже не переводят, всюду исполняют только на языке оригинала. Володя гордится, что его произведения стают духовным достоянием молодежи, независимо от ее национальности. В разговоре с журналистом Василием Бабухом Володя признается:

«Как-то на улице я услышал свою песню. Ее пели солдаты. Это было так неожиданно, что по неволе сам пошел за строем. Честно говоря, стало немного грустно. Почему? Наверное, оттого, что песня уже принадлежала не мне. Знаете, это чувство тяжело передать словами. Правда, сразу подумал: разве можно держать птицу в клетке? Ей нужно пространство. Для полета».

Красноречивым свидетельством популярности песен Володи может послужить то, что он получает за короткое время больше тысячи писем со всех концов Советского Союза. Кажется, что нет на Украине города, городка или просто села, откуда бы ежедневно не сыпались письма, подписанные людьми разного возраста и специальности. Сотни писем прилетают в наш дом со всех советских республик. Они тешат и волнуют Володю, вызывают море мыслей о том, что у него есть о ком петь — его же аудитория самая благородная в мире. Письма убеждают его в том, что он правильно выбрал свой путь в жизни: служить людям как врач и композитор. Разве могут существовать на свете более благородные специальности?

Письма, письма...

Вот Наталка Дяченко из села Николаевки, что на Днепропетровщине, постоянно просит поделиться тем, как сочиняются песни, вызывающие захват и рождающие в душе мечту о чем-то прекрасном, небудничном. А трактористка Таня Паденко сообщает, что «Червона рута» стала любимой песней молодежи на Кубани. О таком же пишут Галина Ефимова из Оренбурга, Галина Ефремова из Чувашской АССР и Валентин Мисюта из Бреста.

Много писем получено из Киева, Одессы, Саратова и Челябинска. А это пишет из Тбилиси Важа Чиаурели: «Еще в лавах Советской армии полюбилась мне Украина, ее певучий народ. Ваша волшебная «Рута» еще раз напомнила мне про эту цветущую землю. Поем ее в Грузии, потому что близка сердцу». Почти одновременно пишет студентка Виргиния Картвелишвили о своей влюбленности в Володины песни, спрашивает о певцах — Василии Зинкевиче и Назарии Яремчуке.

В селе Айсе, что на Южном Урале, живет семья Павленко (Владимир — радиотехник, Александра — техник-строитель), которая своеобразно откликается на песню:

«Полюбилась нам «Червона рута». Тепло с ней даже в сорокаградусные мо-

розы, которые свирепствуют вокруг».

Очарована песней и Валя Кофанова из г. Куртамыш. Она пишет:

«Живу в Сибири, но родом с Подолья. «Червона рута» навекела воспоминание о селе, в котором родилась — белые хаты в садах, крыши с журавлиными гнездами».

Песню вносят в свой репертуар вокально-инструментальные ансамбли «Песняры», «Сеспель», «Корабелы», «Веселые мушкетеры», «Кобза» и др.

В Черновицкой филармонии создан вокально-инструментальный ансамбль «Червона рута» под руководством молодого, способного организатора и музыканта А. К. Евдокименко. В этот коллектив пригласили выпускницу Черновицкого музыкального училища, уже тогда широко популярную на Украине певицу, лауреата международного фестиваля молодежи и студентов в Болгарии Софию Ротару. Ансамбль выступает с большим успехом в Звездном городке.

Газета «Советская Буковина» 19 лютого 1972 года пишет:

«Прославленные герои космоса Г. Береговой, А. Филипченко, В. Горбанько и их звездные братья дружно аплодировали нашим землякам, попросили их повторить песню Владимира Ивасюка «Червона рута»...

— Песню «Червона рута», — сказал Т. Шонин, — мы понесем в своих сердцах в космические просторы».

Широкую популярность получает также песня «Водограй», которую в народе называют «бессмертной» и «голубой». Об этом довольно красноречиво говорит газета «Говорит и показывает Москва» от 2–8 апреля 1973 года. Приведем отрывок:

«Каждый день в редакцию приходит все больше и больше заявок на публикацию песни «Водограй» композитора В. Ивасюка, которая получила премию телевизионного фестиваля «Песня-72».

Эти письма свидетельствуют, что песня полюбилась во всех уголках нашей страны.

Пишут из города Аральска, Новосибирска, Керчи, Уссурийска, Бийска, Омска, Владимира, Смоленска, Кзыл-Орды. Из городов и сел Московской области, Алтайского края, Узбекистана, Казахстана, Латвии, Коми АССР. Содержательные письма, поздравительные открытки, телеграммы от школьников и учителей, самодельных артистов и военнослужащих, и среди этих писем — коллективные заявки».

Глубокое впечатление оказывает на Володю то, что в редакцию газеты «Лесная промышленность» приходит письмо от работников Шарьинского домостроительного комбината Костромской области, в котором написано:

«По радио и телевидению часто передают песни молодого украинского композитора Владимира Ивасюка. Нам, шарьинским домостроителям, особенно понравилась «Червона рута». Очень просим вас рассказать о жизни и творчестве этого интересного композитора!»

И вот в Черновцы приезжает корреспондент той газеты П. Идов. Он долго разговаривает с Володей, а через некоторое время публикует статью «У автора «Червоной Руты», в которой пытается представить молодого автора как певца живописной природы нашего края, наших зеленых гор и равнин.

Прав ли автор статьи? Этот вопрос часто осуждался в тесном кругу друзей Володи, и все единогласно приходили к выводу, что песни «Добро пожаловать», «Я пойду в далекие горы», «Моя песня», «Червона рута», «Водограй», «Балада про дві скрипки» («Баллада о двух скрипках») и др. подтверждают мысль, что произведения Володи по своему содержанию тесно связаны с нашим краем зеленых гор, дубрав, садов.

Высоко оценил Володины произведения выдающийся деятель искусств нашего времени, народный артист Советского Союза Дмитрий Гнатюк. В статье «О нынешнем и прошедшем», опубликованной 29 сентября 1972 года в газете «Литературная Украина», он пишет, что *«новыми красками засияло наше современное украинское песенное наводнение, которого сегодня уже нельзя представить без «Червоной руты» или «Водограя».*

Однако произведения популярного композитора импонируют не только отечественным любителям лирической песни, а выходят за границы нашей страны, пленят молодежь социалистических стран — Югославии, Болгарии, Чехословакии, Румынии, Кубы... В Польше «Червону руту» опубликовали в журнале «Пшиязнь» в прекрасном переводе Януша Ляковского. Вместе с этим переводом помещен очерк В. Лозового «Найдешь цветок, найдешь любовь», в котором рассказывается о творческой жизни автора песни.

Прославленные польские вокально-инструментальные ансамбли «Но то цо» и «Скальдовы» берут «Червону руту» в свой репертуар, выпускают даже пластинки.

Чехословацкую молодежь с песней познакомил журнал «Дружно вперед», выходящий на украинском языке.

Газета «Вести из Украины» напечатала на своих страницах песни «Я пойду в далекие горы» и «Червону руту» в английском переводе. Немало сделала для популяризации произведений композитора и известная кубинская певица Нерейда Наранхо.

Телевизионный музыкальный фильм «Червона рута» создают молодые энтузиасты, рассчитывающие на то, что его благосклонно воспримут такие же энтузиасты, носящие в грудях неувядающую молодость. Но постановщики немного ошиблись в расчетах — фильм пробуждает своим эмоциональным зарядом в сердцах всех людей, не только молодежи, настоящий энтузиазм, романтический подъем. Фильм «Червона рута» стает своеобразным взрывом грусти о чем-то высшем, более чистым в жизни. В нему удивительно слажено срабатываются львовский сценарист Мирослав Скочеляс с режиссером-постановщиком Романом Олексивим. К ним присоединяются звукооператор с черновицкой студии телевидения Василий Стрихович и оператор студии «Укртелефильм» Аркадий Дербинян.

Р. Олексив ставит перед собой сложное задание: через благородство отношений современной молодежи, наделенной высокими чувствами, которые выражаются в песнях, утверждать красоту человеческой жизни. Кроме лиричного очарования песен, чувства молодых героев произведения усиливается поэтичностью окружающего мира, привлекательностью пейзажа. Фильм снимали в горном городке Яремче.

Р. Олексив, который уже имел на своем счету две ленты — «Залицяльники» («Ухожеры») и «Сійся-родися» («Сейся-родись») — подходит к этой картине с приобретенным опытом, его хороший вкус не подводит: он избегает экранных штампов и проводит полную гармонию между героями фильма, их песнями и природным фоном, на котором разворачиваются события.

По жанру «Червона рута» — фильм-концерт, короткометражный, из 5-ти частей. В нем берут участие буковинские коллективы — «Червона рута», «Смеричка», «Карпаты»; ивано-франковские — «Росинка» и «Эврика». Исполняются песни «Нарисуй мне ночь» М. Скорика, «На швидких поїздах» («На скорых поездах»), «Червона рута» и «Водограй» В. Ивасюка, «Юність смерек» («Юность пихт»), «У Карпатах ходить осінь» («По Карпатам ходит осень») Л. Дутковского, «Росинка»

Р. Ищука.

Хотя в воображении Р. Олексива вынашивается сугубо музыкальный фильм, он все-таки не пренебрегает сюжетом в его построении — нужно же заполнить фильм действием главных героев — Софии Ротару и Василия Зинкевича. Однако создана только видимость сюжета, а это не на пользу фильму. И вот тут приходит на помощь постановщику еще одна главная героиня — Песня, берущая на себя все внимание телезрителя, очаровывает его. Та песня слетает с уст Василия Зинкевича и Софии Ротару, Назария Яремчука и Марии Исак. Благодаря им фильм «Червона рута» обошел экраны телевизоров всей страны, пленил миллионы телезрителей.

Ансамбль «Червона рута», как и «Смеричка», станет отныне близким и родным Володе и станет сопровождать его на протяжении многих лет. Взаимоотношения сына с коллективом ансамбля преисполнены благородства, что не так часто бывает в литературно-творческой среде.

Творческое сотрудничество со звездой «Червоной руты» Софией Ротару окрыляет его, возносит духовно. В коллективе, возглавленном А. Евдокименко, Володя видит своих единомышленников, побратимов по судьбе — песне. Эти отношения — яркое свидетельство того, каких успехов можно достигнуть в творчестве, если избавиться от мещанских интриг, зависти, недоброжелательности. Доброе имя Володи, добытое способностями, развитыми в неутомимой работе с раннего детства, растет с каждым днем. Он уверяется в этом особенно в мартовские дни 1972 года, когда оказывается перед огромной студенческой аудиторией Одесского университета. Ему уделяют внимание профессора, члены союза писателей Украины, И. М. Дузь, А. В. Недзвидский, доц. П. Т. Маркушевский.

Володя стоит перед студентами и преподавателями, как перед самыми сердечными друзьями — самыми суровыми судьями, рассказывая, как он начал жить музыкой еще с пяти лет. Ведет речь о своей влюбленности в скрипку и фортепиано, которые принесли ему немало хлопот и большое утешение.словно поет гимн благодарности своему учителю Юрию Николаевичу Вознюку. Останавливается на раннем увлечении фольклором, работе В. М. Гнатюка, которая пробуждает в его сердце загадку червоной руты. Рассказывает о дорогом заводе «Легмаш», музучилище и медицинский институт... И о друзьях — Василии Зинкевиче, Софии Ротару и Назарии Яремчуке, для которых он пишет свои песни и делает оркестровки.

Володя делится со своими ровесниками тем, с каким увлечением встретили его песни, исполняемые «Смеричкой», делегаты XXIV съезда КПСС.

Володе есть что рассказать друзьям.

Интересный разговор произошел между ним и редактором Одесской областной газеты «Комсомольская искра» поэтом Владимиром Гуцуленко. Поэт интересуется, какой был путь Володи к творчеству, композиции...

— Любой музыкант, — ведет Володя, — пусть даже исполняет и не свои произведения, в потенциале уже композитор, непосредственно соавтор этого произведения, которое он играет. Ведь если вкладывать свою душу в готовую мелодию — она приобретает едва уловимые оттенки индивидуальности музыканта. И перестает быть произведением одного автора. Так случилось и со мною. Я долго был «соавтором» а однажды, лет шесть-семь назад сел и написал свою мелодию, потом сидел над словами. Вышла песня, первая песня.

Владимир Николаевич, внимательно всматриваясь в его лицо, спрашивает:

— Что вы можете сказать о соотношении музыки и слов в песне? В каких взаимосвязях находятся эти понятия?

Володя улыбается, думая о том, что такой вопрос мог возникнуть только у поэта, который считает образное слово музыкой. Отвечает:

— Песню давно сравнивают с птицей. Считаю, это очень удачное сравнение. Одно крыло — музыка, второе — поэзия. Бескрылая птица — бескрылая песня. Поэтому, в песне музыка и стихи равнозначны. Но если ослабить требования, пусть даже к одной из составляющих — к музыке или к стихам, это означает стать на путь ремесленничества.

— Чем вы занимаетесь в свободное время? — спрашивает поэт В. Гуцуленко.

— Свободное время... Если бы оно было! В мире столько интересного и привлекательного! Люблю книги. С большим удовольствием читаю все, что выходит из-под пера новеллиста, интересного писателя Евгения Гуцало. И еще люблю рисовать. Художник из меня так себе, но что-то подталкивает меня брать кисточку в руки...

Володе везет в Одессе.

Кроме интервью «Комсомольская искра» печатает и Володину песню «Світ без тебе» («Мир без тебя»), а областная газета «Черноморская коммуна» помещает статью В. Шляхового «И слово, и песня». Университетская многотиражка публикует репортаж В. Савруцкого «Навсегда с песней».

После одесских выступлений и встреч Володя высказался веселым тоном:

— Поговаривают, что когда Одесса признает артиста, художника или композитора, то это гарантирует ему успех в творчестве. Меня одесситы приняли ласково, значит, могу быть спокоен.

Раздел семнадцатый

Гора Цецин, окруженная темным лесом, сказками, легендами и непроглядной пеленой загадочности, привлекает нас чистым воздухом, зеленой красотой и тем, что до нее легко добираться во все времена года. Тут мало людей, нет городского шума и метушни, а травы словно зеленее, буйнее, сочнее — заходишь в них, как в теплую воду пруда, забывая сразу, что живешь в шумном городе, уставшем от людских толп, постоянно толкающихся на его узких тротуарах и улицах.

В самом звучании слова Цецин застыло эхо тревожной истории, дорогой сердцам буковинцев. На этой горе стояла когда-то мощная крепость, построенная еще нашими предками-русинами, которые охраняли свое государство — Галицкое княжество — от Татарских набегов.

Тут можно побывать наедине с природой, историей родного края и самим собой. Как когда-то в Кицманском лесу.

Бредем по травам, усеянными цветами.

Володя аж сияет от радости — у него есть потребность разговаривать с шелестами деревьев, слушать, как в детстве, голоса птиц, любоваться сернами, которые осторожно выходят из леса и смотрят, как пробегает синие, красные, зеленые автомобили. Он ведет под руку дядю Ивана, человека уже преклонного возраста, который еще стремится к молодежи, быстро находит с ней общий язык. Деть ведут себя с ним хорошо, ласково и ему начинает казаться, что они стают его детьми. У него не было своей семьи.

Нырнем в мгlistую гущу с целью насобирать грибов. Но долго там не задерживаемся. Володя первым выходит на поляну весь в румянце, вытирает паутину с лица и говорит:

— Искать грибы в этой исторической гущу — все равно, что руководить хором глухонемых или заводить автомобиль, когда в нем пустой бак.

Дядя Иван рассматривает высокие травы и, улыбаясь, говорит:

— Лучше лечь нам, Володя, в запашную траву и послушать твое пение, чем кланяться даром каждому историческому кусту.

— Та я не взял, дядечка, гитару.

— А нам будет приятно и без гитары.

Володя ложится на спину в траву, засовывает ладони под голову и сливает свои голубые глаза с голубым небом. потом оборачивается к дяде и говорит:

— В такую жару тяжело петь, лучше я вам расскажу о нашем любимом Бердянске. Мне часто кажутся белые корабли, выплывающие из сизой мглы и врезающиеся, словно «Титаник» в айсберг, в мое сердце.

— Чтобы стать там песней, правда? — встряет мама. Мы уже знаем, что Володя написал произведение о кораблях Азовского моря.

— А почему бы им не стати песней? — говорит громко. — Мы столько приятного ощутили среди бердянцев. Бесспорно, не обходилось и без курьезов, как тот, о котором нам рассказал Саша Алексеев, который объездил на своем автомобиле всю Гуцульщину и заглянул наконец-то к нам. От него мы узнали, что в многолюдном ресторане появился какой-то паренек с гитарой. С ним было еще трое друзей, которые словно охраняли его. Один из них встал на весь свой рост

и громко огласил: «Товарищи, среди нас присутствует сегодня знаменитый певец и композитор Владимир Ивасюк! Попросим его спеть «Червоную руту», «Водограй» и «Эхо твоих шагов». Потом говорит пареньку с гитарой, делая ударение на каждом слове: «Ну-у, Володя, спой... Тебя же вон как просят. Сделай нам одолжение». Из ресторанный зала тоже раздаются голоса: «Просим, Володя!», «Налейте ему шампанского!» «Не-ет, потом выпьет... Сначала пусть споет!»

Володя весело смеется и ведет дальше свой рассказ:

— Паренек не заставляет себя долго уговаривать. Берет гитару, кланяется честной публике и заводит приятным тенорком «Червоную руту». Разливается соловейком... К нему бросаются растроганно угощатели, угощают его дружков, ведь самозванный Владимир Ивасюк смачивает в вине только губы. Он имеет успех, ресторан сотрясают энергичные аплодисменты. Певца обнимают, закидывают комплиментами, чокаются с его друзьями.

Слух о том, что Володю Ивасюка можно послушать вечером в ресторане, расходитя в городе, правда, не в пользу самозванца и его друзей. Ему дают еще раз выступить, потом бесцеремонно разоблачают и заставляют по-хорошему замолкнуть, хотя его приятели протестуют с угрожающе стиснутыми кулаками.

— Их вывели, наверное, за двери, — добавляет дядя Иван.

— Вполне возможно, — соглашается Володя. — В этой истории есть одна очень приятная черта, мои песни стали известны даже бердянским работникам и рыболовам, которых я люблю от всего сердца, и написал в их честь песню «Кораблі, кораблі» («Корабли, корабли»).

— Хорошая вышла она у тебя, — говорит дядя Иван. — В ней я слышу грусть по чему-то близкому, родному. Это чувство мне знакомо.

— Мне нравится ее задушевная мелодия, — поддерживаю Ивана.

— Что же, раз за такую высокую похвалу не могу заплатить вам шампиньонами, то я вам спою. — Володя дальше лежит на спине, не сводя глаз с легких и стройных облаков, проплывающих важно так, как те, которые воспеты в «Незнакомом» Ш. Бодлера. В юности Максим Рыльский воспринимал их как белые острова, а Володе они кажутся белыми кораблями.

Вот он исповедается перед ними, выливая в слова и мелодию свою юность, преисполненную романтических мечтаний, порываний:

Кораблі, кораблі
В золотистій імлі,
Ви у долю мою,
Як в легенду, ввійшли.
Ви повік принесли
У кохання і сни
Дивний клекіт весни,
Кораблі!

Не можем понять, почему Володя оставляет без движения эту песню. Он не так равнодушен к ней, часто сам ее исполняет, иногда под Галин аккомпанемент. Или считает ее слишком традиционной? Банальной? Шаблонной? Наверное, нет. Она звучит свежо, не напоминая ни одну из известных нам песен. Более того, дает широкие возможности исполнителям выявить свой исполнительский талант. С ней не стыдно выйти в люди, а она остается только в семейном репертуаре. Мы знаем, что она навеяна Володе бердянцами, которые не раз пленили его сердце своим добрым отношением.

Забегу немного вперед. Летом 1971 года мы с женой и Оксаночкой приезжаем в Бердянск и ждем там приезда Володи и Гали. Володя как раз окончил Львовский медицинский институт, получил диплом врача и страшно хочет хотя бы две-три недели походить босым по бердянской земле, ее прекрасным пляжам. Накупаться и начитаться вдоволь.

Получаем телеграмму, что Володя и Галя прилетят самолетом во второй половине дня. А до прибытия самолета — два часа.

Аэропорт далеко в степи, к него едет только небольшой автобус, а поскольку это сезон отпусков, то можно считать, что он будет битком набитый. Значит нужно поехать специальной машиной. Для этого просим знакомого молодого инженера с механичного завода, чтобы поехал с нами за Володей. Инженер охотно соглашается. Не хочет и слышать о каких-то деньгах, которые мы ему предлагаем. Даже обижается.

В аэропорту нашему удивлению нет границ: там уже стоят бердянские автомобили и ожидают Володю. Среди них — две служебные. Четверо шоферов идет навстречу нашему инженеру. О чем-то разговаривают все вместе, словно спорят. Но тот спор завершается смехом. Оказывается, молодой инженер раструбил своим знакомым, что едет встречать Володю, который прилетит самолетом из Киева. Этого было достаточно, чтобы в аэропорт приехали еще четыре автомобиля.

А парни-бердянцы с фантазией и юмором.

Как только садимся и отправляемся, две машины оказываются перед нашим автомобилем, а две — за ним. Это что-то похожее на почетный эскорт. Мне сразу стает понятной эта затея-импровизация, но молчу; присоединяюсь к матери и расспрашиваю Володю о государственных экзаменах в медицинском институте, рассматриваю его диплом врача. Одновременно посматриваю вперед и назад — машины держатся на небольшом расстоянии всю дорогу. Так, наверное, должно быть при почетном эскорте.

Машины останавливаются перед домом тетки Дуни, самой старшей сестры жены, на улице Щербакова, 13. Володя выходит и смотрит растеряно на машины, возле которых стоят улыбающиеся шоферы. Разводит руками и смеется на полные груди, говоря:

— Ну и историю вы придумали... Ни один режиссер на такое способен. Я просто не знаю, как вас благодарить за внимание. — Подходит к каждому отдельно, жмет руку, прижимает к грудям и говорит: — Будем друзьями навсегда!

А бердянцы неплохие друзья. Не пытаются потянуть Володю в ресторан. Через два дня к нему приходит двое рыбаков. Они приглашают его на морскую прогулку на целый день. Ему же будет, наверное, интересно.

Володя проводить с ними много дней и чувствует себя хорошо. Вечерами возвращается уставший физически, но бодрый и очень загоревший. Его поражает в тех людях доброта, порядочность и тактичность. Они остались в его памяти на всю жизнь.

* * *

Володя с удовольствием проводит свое свободное время и в университетском парке. Этот прекрасный уголок украшает наш город. Тут можно отдохнуть и задуматься над жизненными проблемами, можно и поработать, и никто тебе не станет мешать.

Как-то он мне говорит:

— Тут и в голове светлеет, новые мысли появляются. Они, кажется, в воздухе плавают. — Потом меняет ход своих мыслей и спрашивает: — Я где-то вычитал, что Виктор Гюго пол жизни своей мечтал о том, чтобы французы назвали свою столицу Париж его именем.

— То есть как? — спрашиваю удивленно.

— Городом Виктора Гюго... Вот это честолюбие, папа, правда? Но в таких фантастических размерах оно стает смешным недостатком, даже патологией. Ты согласен?

Я немного растерян. Слишком категоричный вопрос. Что это ему внезапно всплыло в голове? Отвечаю спокойно:

— Конечно, скромность не может помешать даже великим людям. Виктор Гюго очень «перегнул». Англичане не назвали Лондон городом Шекспира или Байрона. Французы не переименовали маленькое Аяччо в город Бонапарта...

— А не считаешь ли, что честолюбие является в некоторой мере двигателем прогресса?

— Как же, считаю. Только честолюбивые люди могут творить цивилизацию. Вялые волюшки — не творческие личности, а потребители, в лучшем случае — исполнители чужой воли.

— А я, папа, о другом. Странная вещь... Нас считают чрезвычайно музыкальной нацией. Максим Горький назвал украинскую народную песню апофеозом красоты, а мы, кроме Николая Лысенко, не дали миру имени, яке бы стояло в одном ряду с Глинкой, Моцартом, Верди, Шубертом. Где наши оперы, симфонии, циклы песен мирового значения? Считаю, что место Шуберта украинской песни вакантно. Его нужно занять. Тому, кто отважится на это, придется приложить много усилий, работы, борьбы, познать горечь разочарования. Но какая же благородная, высокая цель для таланта!

Молчу. Наивность юноши? Нет, программа жизни.

Известный львовский оперный певец И. Ф. Кушплер в своих воспоминаниях пишет:

«Часто с друзьями мы его называли украинским Шубертом. Правда, вслушайтесь в его «Баладу про мальви» («Балладу о мальвах»). Сколько нежности и драматизма звучит в виолончели и какая динамичная мелодичная линия в соло!»

Володя умеет гордиться достижениями родного народа. Гордится, что вырос в том уголке Кицманской земли, где провел детство и юность известный писатель, классик украинской музыки Сидор Воробкевич. Об этом великом труженике на ниве культуры часто шел разговор в нашей семье. Галя поглядывала на брата с лукавинкой в очах и говорила, что земля, воспетая Воробкевичем, воздух, соловьиные песни близкого леса и стародавнего сада, посаженного, наверное, еще дедом композитора, донныне преисполнены поэзией и мелодий.

— А ты смог бы занять то место... — поддерживаю его. — Но нужно работать в поте лица.

— Это не новость для меня. Этой мудрости я научился еще в детстве. Буду работать днем и ночью, как электростанция или водопровод, и не скоро понадобится мне капитальный ремонт. Иногда тешит мысль, что в человеческие дома попадет и от меня немного света, как капелька освежающей влаги.

* * *

... Праздник закончился.

Настают дни, насыщенные работой и беспокойством. И поисками новых тем, образов, мелодий. Успех — это болезненный толчок к действию. Знакомство со многими прекрасными людьми — тоже. И умная статья Галины Тарасюк, которая оставила глубокий след в его сознании.

Володя ценит остроумие симпатичной студентки филологического факультета, веселой хохотуньи и одаренной поэтессы, их взаимоотношения отразились в значительной мере и на его творчестве. Но все это подробнее знает Галя, ведь Володя только ей исповедает свои сердечные тайны. Она вспоминает:

«Осенью 1970 года Володя познакомился с Галиной Тарасюк и часто говорил о ней. Говорил, что ее фамилия — хорошая рифма к его фамилии и что они и душевно неплохо зарифмованы. Я поняла, что он восхищается нею. Она красивая, а к тому же еще и остроязыкая. С ней Володя чувствовал себя очень хорошо, она имела в себе что-то селянское, искреннее, чистое, здоровое, что импонировало ему. В то время он работал уже над произведением «Пісня буде поміж нас» («Песня будет среди нас»). Я послушала один куплет и спросила: «Это о ком?» Моргнул глазами и ответил: «Не мешай... О Гале. Что, не нравится?» Я замолчала. Удивилась, что он резко отреагировал на мой вопрос. Почему бы мне Галя Тарасюк не нравилась? Другое дело, что Володя не любил, когда кто-то без спросу вторгался в мир его интимных чувств. Когда шла речь о них, он чаще всего становился сдержанным и молчаливым.

В октябре 1970 года Галина Тарасюк пригласила Володю на свой день рождения. Он волновался, потому что хотел подарить ей что-то очень хорошее, но ничего путного не мог найти. А песня не была завершена».

Галина Тарасюк написала свои воспоминания о Володе. Привожу отрывок: *«Первое, что меня поразило в Володе, были его глаза. Небесные. Не синие и не голубые — небесные. Потом он говорил, что глаза ему перешли в наследство от бабушки, а вся его семья — черноглазая. Второе же, что удивляло меня, — скромность, неожиданная для парней его возраста, а тем более — для местной знаменитости, какой Володя уже был. Он буквально смутился, покраснел и предложил мне отложить разговор на потом...*

Признаться, я была рада, что разговор откладывается... Тут я поняла, что к нему нужно подготовиться. Я впервые встретила человека своего возраста, ровесника, от которого исходила эманация ума, таланта и благородства — три вещи, которые я так ценила в мужчинах и которые вместе почти не встречаются в одной личности. Я не ошиблась. Володя оказался чрезвычайно эрудированным, интеллигентным, нестереотипным человеком. А еще каким-то безоглядно добрым и искренним...

Не знаю, как можно назвать наши отношения с Володей, но это было что-то такое чистое, нежное и хорошее как маков цвет, на который и тень это упала. Больше ничего подобного в моей жизни не было.

Какой он был? Светлый. У него не было плохих черт, по крайней мере, я их не видела. Всегда внимательный, добрый, веселый, надежный, честный.

У него был священный пиетет перед жизнью, которую он любил, как ребенок и хотел, чтобы она никогда не заканчивалась.

Эгоцентризм, нарциссизм, самовлюбленность были чужды его открытому, товарищескому характеру. Наоборот, Володя умел убедить человека в ее собственной неординарности, в ее большой, но не осознанной ценности для человечества. Знаю по себе. Он умел уважать другого.

Володя исповедовал культ своей семьи. Идеалом для него была семья его ро-

дителей, которых он очень любил и уважал. Он гордился отцом, дядей Иваном — канадским коммунистом, увлечено рассказывал о сестрах, особенно о самой младшей Оксане. Тогда я видела, как он может гордиться. Не собой. Своим честным родом, своими близкими людьми.

Вспоминаю свой день рождения 26 октября 1970 года. Собрались несколько моих знакомых, пришел и Володя. Он очаровал присутствующих воспитанностью и коммуникабельностью. Его попросили спеть. Он взял гитару и вполголоса пел «Червону руту», «Водограй», «Я пойду в далекие горы». На воспоминание о том дне мне осталась гуцульская, резная инкрустированная пятнышками рака, в которой лежат сегодня две грудочки земли, священные для меня, — из могилы моих родителей и Владимира Ивасюка».

Володя отложил произведение «Песня будет среди нас». Немного позже вернется к нему. Начал работу над песнями «Мир без тебя», «Баллада о мальвах», «Баллада о двух скрипках», которые окончательно утвердили за ним добрую славу талантливого композитора, убедили общественность в том, что украинская лирическая песня имеет в лице Володи не аматора, не самодеятельного композитора, а настоящего творца со своей темой, своим стилем и голосом, свойственным только ему одному.

Произведения «Мир без тебя» (слова В. Бабуха) и «Песня будет среди нас» написаны одновременно и тесно связаны идейно и психологически. Они с удовольствием исполнялись отдельными солистами и целыми ансамблями и не утратили донныне своей свежести и очарования. А это объясняется тем, что в их тексте и мелодии есть сильный заряд народной песенности, которая придает им мелодичности, задушевности, эмоциональности. Эти высокие качества особенно выразительны в произведении «Песня будет среди нас», где припев — коломийки и коломийковые вариации:

Твої руки я візьму знов у свої руки
Й не розквітне поміж нас жовтий квіт розлуки.

Або:

Бо твій голос, бо твій голос — щедра повінь,
Я мов колос, зелен-колос нею повен.
Жовтий лист спаде и виросте зелений,
А ти в пісні будеш завжди біля мене.

В этих строках — простота и оптимизм народной песни. Наилучший поэт не постыдился бы поставить свою подпись под ними.

Значительное место в заделе Володи занимает «Баллада о двух скрипках», которая считается украшением его творчества. Она имеет свою интересную историю.

Весной 1971 года приехал в Черновицкий университет на переподготовку Василий Андреевич Марсюк, преподаватель в одной из специальных школ г. Черкасс. Это молодой поэт, который подготовил к изданию первый поэтический сборник. Он зашел к нам и оставил рукопись, чтобы я ее прочитал. Стихи красивые. Они понравились и Володе. Между молодым поэтом и композитором начинается искренняя дружба. Володя просит нового друга написать стихотворение, которое он положит на ноты. Поэт, наверное, только этого и ждал — через несколько дней приносит поэзию «Дві скрипки» («Две скрипки»). Замысел и идея произведения

припали композитору к сердцу, но произведение еще нужно было доработать. Автор не жалел сил и времени.

Василий Андреевич вспоминает в своем письме о том, как он работал вместе с Володей над «Балладой о двух скрипках»:

«Раннее утро. Мы возле рояля. Володя все время импровизирует. Отрываясь от клавиш, просит немного изменить порядок слов, где-то продолжить строку, ломая первоначальный размер стихотворения. Я — большой тугодум, и экспромтом творить или изменять непростая задача. Но работа очень увлекла нас. Это была великая радость и большая мука совместного думанья. Володя требовательный до края, но без давления, «без нервов». Накурили безбожно. Хорошо, что родители на работе. Чай и большая коробка шоколадных конфет. И снова бесконечные варианты, варианты... И сигареты, и короткие переговоры только о словах песни, только о ней. Разошлись пополудни, когда уже ошалели от напряжения».

Как раз тогда мы получили новое жилье из четырех высоких, светлых комнат на улице В. Маяковского. Работы у нас очень много. Нужно перевезти мебель, сотни разных вещей и немалую библиотеку. К этой громоздкой работе присоединились композитор и черкасский поэт-лирик. На протяжении одного дня освободили старое помещение и устроили невероятный хаос в новом. И мы радовались и благодарили двоих лирикой за помощь. Они нам говорили, что во время работы у них хорошо работала творческая мысль.

Знатоки украинской лирической песни часто говорят, что «Баллада о двух скрипках» — новаторское произведение. Его новаторство в том, что композитор органично соединил в нем два мелоса: восточноукраинский и западноукраинский, буковинский, гуцульский. Сама баллада — это широкая и могучая, с выразительным внутренним драматизмом надднепрянская народная песня, которую поют обычно на полные груди. А сопровождение ее — цимбалы, передающие щемящую печаль, тревогу и болезненное ожидание светлого дня на поработанной иностранцами землей. Обратиться к этому эксперимент ему пришлось в голову во время посещения Коломыйской музыкальной школы. Ожидая своего друга, который там работал, Володя садится за рояль, купленный еще в начале нашего столетия коломыйскими селянами и прогрессивной интеллигенцией по случаю приезда к ним славного композитора Николая Лысенко. Володя знал все подробности купли того рояля, и сам его вид и звучание рождали разные ассоциации в душе. Под их влиянием начал наигрывать аккомпанемент к своей «Балладе».

Раздел восемнадцатый

Музыка стала стихией, вне которой он жить не может. Каждый день штудировал секреты теории музыки, однако болезненно ощущал острую потребность углублять и расширять свои знания в консерватории — мечтает же о симфониях, вынашивает тему оперы «Дарина», уже даже начал набрасывать ее сюжетные линии. Он понимает, что без основательной теоретической подготовки сложные музыкальные формы ему недоступны, он просто их не одолеет. Это его беспокоит, даже гнетет.

Об устремлениях беспокойного музыканта ведет речь и поэт-песняр Юрий Рыбчинский, который познакомился с ним в 1971 году в Черновцах. Поэт приезжает вместе с композитором Игорем Покладом. Они гостят у нас дома, потом часто встречаются с Володиёв в Киеве, становятся его добрыми друзьями. Юрий Рыбчинский, проникновенный психолог, распознает и правильно определяет мысли и устремления Володи. Вот что он пишет в своих воспоминаниях:

«Когда я ставлю себе вопрос, что было главным в Володе-человеке, прихожу к мысли, что стержнем его была очень высокая, не рассчитанная на близкое и короткое время цель: стать Великим Композитором. Поэтому он никогда не говорил о славе, никогда не спекулировал своим именем, которое было тогда у миллионов людей на устах, был скромный как настоящий художник, который работает на будущее, а не купается в теплой ванне сегодняшней славы, пока она не станет ледяной. Ни жестом, ни словом он никогда не подчеркивал свое преимущество над другими, а это было особенно удивительно для парня, на которого внезапно свалилась слава. Он не поддавался ей, славе, которая могла сбить молодого композитора на путь легкого успеха, каждая его новая песня не была ничуть не похожа на предыдущую».

В самом деле, Володя одержим тягой большого творчества, хотя не игнорирует песню, романс, балладу. Произведения этих жанров принесли великому Шуберту мировую славу. Володе не дает покоя мысль, что после окончания медицинского института он останется только врачом, который играет на нескольких инструментах и является автором нескольких песен, нравящихся современникам. Нет, этого ему мало.

Как раз тогда происходит такое событие.

Летом 1972 года, когда Володя был на переподготовке в рядах Советской Армии, из Львовского медицинского института приезжает к нам доцент, который просит от имени руководства своего вуза, чтобы мы уговорили сына перебраться к ним, где он будет окружен вниманием и будет иметь возможность вступить на композиторское отделение консерватории имени Н. В. Лысенко. Кроме того, ему будет выделено жилье в городе и созданы благоприятные условия для успешного окончания медицинского образования, и одновременно будет иметь возможность полноценно учиться в консерватории.

Из всего обещанного мне понравилось, прежде всего, то, что сын совершит мечту своей юности — будет учиться в консерватории, а мы, родители, не будем больше испытывать вину, что в восьмом классе забрали его домой из Киевской музыкальной десятилетки для одаренных детей. Теперь есть возможность испра-

вить ошибку, хотя она никогда не вызывала у меня особенных угрызений совести, ведь все было сделано в интересах сына.

Когда Володя возвращается из армии, мы все подробно ему рассказываем. Мое мнение утвердительное — есть возможность теперь, смолоду, получить высшее музыкальное образование, в композиции подняться на высшую ступень.

Володя полностью со мной соглашается. Мы едем в Львов, на прием к ректору медицинского института профессору М. В. Даниленко. Разговор наш короткий, деловой. Ректор высказал мысль, что после окончания медицинского института Володя будет принят в аспирантуру, если он покажет себя и в Львове хорошим студентом. В медицинском институте музыка в почете. Профессор М. В. Даниленко — блестящий врач-хирург, человек высокой культуры, разносторонних интеллектуальных интересов. Он — хороший знаток и ценитель классического и современного искусства, с особым вниманием и симпатией относится к современным композиторам и талантливым исполнителям песен. Он считает, что музыка, современная или классическая, должна быть спутницей врача, помогать ему в тяжелой и благородной деятельности.

Володя и Галя стают львовянами, живут в двух комнатах студенческой гостиницы по улице Солодовой. Я тоже с ними. Этой осенью я прохожу на филологическом факультете четырехмесячные курсы повышения квалификации и делаю все, что зависит от меня, чтобы Володя и Галя были свободны от мелочей быта и все внимание сосредоточили на медицинских и музыкальных делах.

Володе особенно тяжело: ежедневно нужно разрываться между институтом и консерваторией. Но он воспринимает все это не как досадную ношу, а как полезное дело, которое нужно исполнять старательно и с радостью.

Володя временно пользуется институтским пианино, а это забирает у него много времени и вызывает слишком выразительное любопытства окружающих и немного мешает его творческой работе.

Месяцы проходят быстро. Володя безболезненно сливается со студенческим коллективом шестикурсников, находит среди них хороших парней и девочек, с которыми охотно общается, дружит. Чувствует себя очень хорошо и в консерватории, не покидает и творческую работу — завершает те вещи, которые начал еще в Черновцах. Ему помогает студент дирижерского отделения Виктор Кострыж, тоже буковинец. Вместе с ним Володя пишет для произведения «Песня будет среди нас» оркестровку, выступает по радио. Песня завоевывает широкую популярность. Володя исполняет ее и на телевидении. Дружба с Виктором Кострыжем длится несколько лет. Они ходят вместе на концерты, выставки произведений художников. После посещения львовской скульптурно-керамической фабрики Володя возвращается домой с глубокими впечатлениями. С энтузиазмом говорит:

— Я разве что в кино видел работу стеклодувов — это настоящая сказка. Какая игра цветов, и какая точность и утонченность плавных движений каждого стеклодува! Из раскаленного жидкого стекла на глазах появляется творческая вещь. Чудо!

В ноябре в Выжницу приходит телеграмма с Центрального телевидения про участие в финале фестиваля «Песня-72» ансамбля «Смеричка» с песней Л. Дутковского «Незрівнянний світ...» («Несравненный мир...»). Левко, однако, принимает решение, что ансамбль исполнит Володин «Водограй», который был тогда на устах у почитателей песни всего Советского Союза. Володю тешит благородство чувств его верного товарища.

Галя, которая жила в то время вместе с Володей, знает все подробно и точно.

Вот что она рассказывает:

«Для того большого события Володе хотелось пошить себе самый лучший костюм. У него же был изысканный вкус, хотя он одевался скромно, не крикливо, не пытаясь привлечь внимание к себе внешним видом. В декабре мы полетели в Москву. Тогда же приехала «Смеричка» вместе с Назарием Яремчуком и Василием Зинкевичем. Володя очень обрадовался, когда увидел и Василя Стриховича, присутствие которого навевала на него покой, уверенность, бодрость. Казалось, что Василий является в некоторой мере вдохновителем и гарантом его хорошего успеха.

Уже в первый вечер после приезда Володя знакомится с человеком, который стаает его другом на много лет. Это — прекрасный кинооператор Геннадий Зубанов. Он, увидав молодого композитора в коридоре телестудии, бросается в какой-то кабинет и через какое-то мгновение выходит оттуда с двумя большими упаковками.

— Володя, — говорит, — когда кто-то кому-то дает приятное письмо, то требует, чтобы адресат потанцевал. Я вот принес тебе аж две упаковки, в которых есть тысяча писем. Должен станцевать какую-то свою долгую-предолгую коломиюку.

Володя смотрит на него удивленно, потом берет упаковки, рассматривает их.

— Что это такое, Геннадий? — спрашивает.

— Не догадываешься? Это же телезрители просят, чтобы включили в телепередачу твой знаменитый «Водограй».

Володя передает упаковки Василию Стриховичу и обнимает Зубанова, благодарит за приятную неожиданность. Он тронут таким количеством слов. Несет упаковки в гостиницу, чтобы потом послать их во Львов двумя посылками».

В Москву Володя приезжает хорошо подготовленный. Прежде всего с основательно разработанной оркестровкой для эстрадно-симфонического оркестра. Все партитуры, переписаны старательным, умелым переписывателем, словно напечатаны в издательстве, — не стыдно давать их дирижеру Юрию Силантьеву — светлой личности в творческой биографии Володи. Маэстро всегда приветливо встречает Володю, приглашает к себе в гости, советует перебраться в Москву, где тоже будет иметь возможность окончить медицинский институт и учиться в консерватории.

Володя считает, что халтурно сделанная и не аккуратно переписанная партитура — это оскорбление для музыкантов. Поэтому он заботится и о внешней эстетичности своих рукописей. Силантьев очень доволен ними, а после заключительной репетиции оркестранты даже поздравили Володю:

— Ты, Володю, порадовал нас своими партитурами.

— Когда такие, как они, лежат на пульте, то хочется играть...

— Ты сильный, парень. А твоя оркестровка может сделать честь самому большому композитору.

За день до концерта Володя очень волнуется. Решает выступить в старом костюме, в котором он выступал в прошлом году, на конкурсе «Песня-71», и завоевал большой успех. Володя немного суеверен, когда идет речь о дорогой ему вещи в его жизни — песне.

Тогда же на Центральном телевидении, Володе принесла радость встреча с композитором А. Пахмутовой и А. Бабаджаняном. Володя всегда с теплотой и увлечением рассказывал о той встрече.

Перед творчеством А. Пахмутовой он уже давненько преклоняется — хорошо знает ее песни, которые выходили в печати, старательно изучал их, задумывался над непревзойденным мастерством отдельных из них. И вот прекрасная мастерица современной лирической песни сама подходит к нему, протягивает руку и говорит:

— У вас, Володя, миллионы почитателей — я одна из них, может, самая искренняя. И вы этого заслуживаете, ведь вы парень очень способный. Пусть вам везет, Володя, и дальше.

С А. Бабаджаняном у него тоже был сердечный разговор, который он часто вспоминает. Ему приятно осознавать, что он единомышленник с популярным творцом. Разговор шел в основном вокруг Володиной биографии и творчества, которые так органично сливаются, что их невозможно разделить. А. Бабаджанян коснулся проблемы оригинальности в песенном творчестве и был очень доволен, когда Володя сказал ему, что композитор в любых условиях и обстоятельствах не имеет права сбиваться на окольный путь подражания чужим образцам, он должен опираться на родной грунт, вырабатывать свой стиль. Наследование — это яд и для самых одаренных творцов.

Вспоминая встречу с доброжелательным и благосклонным собеседником, Володя сказал:

— Мне кажется, что А. Бабаджаняна все время преследует страх перед серостью, неоригинальностью. Этот благородный страх появляется и у меня, только сажусь за инструмент.

— Без него прогресс в искусстве был бы невозможен, — говорю.

— Конечно, в жанре песни почему-то все разрешено, — размышляет Володя приглушенным голосом. — Начало появляться много талантов, которые тянут за собой большие возы неприхотливости. У некоторых немалый аппетит к штампам. Наверное, у Бабаджаняна аллергия на них.

О работе Володи, студента-медика, идет речь в статье Г. Деменко «Композитор В. Ивасюк», помещенной в институтской многотиражке «За медицинские кадры». Авторша приводит слова доцента А. Шуфлата.

«Очень доволен Володей. Мне нравится его честность, с какой он относится к занятиям. Никогда не замечал, чтобы он уклонялся от своих обязанностей, или хотел, чтобы ему в чем-то потакали. Наоборот. Бывает, спросишь всю группу, никто не знает, а Володя ответит. Я думаю, что он будет хорошим врачом».

В той же статье автор останавливается и на влиянии песен Володи на представителей других народов. Г. Деменко рассказывает о своей подруге из Свердловска, которая, послушав по радио «Балладу о двух скрипках», воскликнула: «Если бы ты знала, каким успехом пользуются у нас в Свердловске «Червона рута»! Ее поют на каждом вечере, а у меня на работе ежедневно передают ее во время обеденного перерыва по заводскому радио. Некоторые коренные сибиряки начали даже украинский язык изучать, чтобы петь украинские песни».

Г. Деменко ведет дальше: *«И вот я, наконец-то, на кафедре пропедевтической терапии, где шестикурсник врачебного факультета Владимир Ивасюк проходит субординатуру. Он как раз занимался в рентгенкабинете. Навстречу встал невысокий юноша в халате и шапочке. На белом фоне резко выделялись большие синие глаза, которые, кажется, вобрали в себя всю синь карпатского неба. Он оказался неразговорчивым, очень серьезным и чрезвычайно скромным».*

Как и Володю, Софию Михайловну Ротару песня вывела в широкий мир, дала ее имени силу лететь от сердца к сердцу сначала труженников Украины, потом всего советского народа. Наверное, нет в нашей стране человека, который бы не знал ее имени, не произносил бы его с чувством восхищения и уважения.

А песня пришла к ней в хорошем селе Маршинцы Новоселицкого района, где София Ротару родилась в семье славных хлеборобов Михаила Федоровича и Александры Ивановны. Из шести их детей четверо — профессиональные певцы. Среди них София еще с детства выделялась красотой и силой своего голоса. Они формировали свои предпочтения и вкусы на молдавских и украинских народных песнях. Большим авторитетом и главным законодателем в царстве песни является отец, Михаил Федорович. София всю жизнь вспоминает о нем с трепетным почтением.

«Мой отец, — рассказывает она в одном из своих многочисленных интервью, — очень талантливый человек, он сам мечтал стать певцом, но у него не было возможности. Было другое время, другая жизнь до знаменитого 28 июня сорокового года. Он свою мечту перенес на меня. Хотел, чтобы я окончила музыкальное училище, консерваторию. И если сегодня родители плачут на моих концертах, они плачут от радости».

Уже в четвертом классе девочка стает солисткой школьного хора, которым руководит Алексей Георгиевич Дряб, исполняет молдавские и украинские народные песни в сопровождении оркестра народных инструментов. На всех смотрах художественной самодеятельности и олимпиадах получает наивысшие оценки. Девятиклассницей на областном смотре художественной самодеятельности завоевывает диплом первой степени, а на Республиканском фестивале народной песни в Киеве завоевывает громкий успех — первое место. Пресса называет ее «соловейком Украины». А это было как раз в 1964 году, когда Володя пишет свои первые песни, организывает вокально-инструментальный ансамбль «Буковинка» и испытывает первые радости успеха перед своими земляками.

София Михайловна вступает на хормейстерское отделение Черновицкого музыкального училища. На протяжении нескольких лет выступает в эстрадно-молодежном ансамбле при физико-математическом факультете Черновицкого университета. Новый большой успех принесло ей участие в международном фестивале молодежи и студентов в Софии, где за исполнение песен — украинской «На камені стою» («На камне стою») и молдавской «Чобенаш» — получает золотую медаль и звание лауреата. Болгарская пресса благосклонно откликнулась и даже пустила в ход крылатое выражение — «София завоевала Софию!».

Возвратившись из Болгарии, молодая певица устраивается педагогом Черновицкого культпросветного училища, где работает почти три года. В этот период выступает преимущественно на концертах, посвященным значительным историко-революционным датам.

Вот я сижу с Володей и известным молдавским поэтом Василием Левицким в театре им. О. Кобылянской на одном из таких концертов.

Володя уже студент второго курса и автор многих хороших песен. Ведущий оглашает выступление Софии Ротару.

Почти на авансцену выходит красивая девушка в народной одежде, которая ей очень идет, подчеркивает ее изысканность. Ее красивое селянское лицо одухотворено. Она исполняет очень популярную песню «Степом-степом...» («Степью, степью...») А. Пашкевича. Это чрезвычайное, непревзойденное исполнение — столько душевной силы вложено в него, что зал перестает дышать. Когда песня за-

тихает, Володя наклоняется ко мне с пылающим от возбуждения лицом и говорит вполголоса:

— Такой интерпретации я еще не слышал. Просто забываю о мелодии и словах, вижу только душу Софии Ротару, такую же загадочную, встревоженную и прекрасную, как и эта песня.

— Я тоже впервые слушаю эту девушку. О ней говорят хорошие вещи.

Улыбаясь, говорит:

— Пойди и скажи ей по-молдавски, что она может стать славной певицей.

Пусть ворон не ловит... Пора уже доказать эту истину.

Молдавский поэт Василий Левицкий слышит весь наш разговор и кидает Володи с лукавинкой в глазах:

— Она хорошо знает украинский и русский языки. Лучше будет, если ты сам подойдешь к ней, Володя. Рассмотрись и ее красоту.

Володя весело смеется. Внезапно встает и выходит молча из фойе театра. Со временем этот полу шуточный разговор забылся. Я не спросил Володю, высказал ли он свои мысли о пении и перспективах Софии Ротару.

Не смотря на свои блестящие данные, яркие способности и прекрасный голос, София Ротару еще несколько лет не может определить пути, ведущие к ее песне, не способна утвердиться в сознании людей как певица широких возможностей; она сама себя относит к аматорам, удобным исполнителям молдавских песен. Так же смотрели на нее и окружающие. А годы шли...

В одном из своих многочисленных интервью, помещенном в июле 1979 года в еженедельнике «Неделя», певица очень лаконично вспоминает об этом тяжелом периоде в своей творческой жизни. Она признается:

«Я воспитана на народных песнях, в них — мой корень. А тут вдруг потянуло на эстраду. Я боялась, три года чего-то ждала. И вот он появился, «мой композитор» Владимир Ивасюк с «Червоной руты». В своих эстрадных песнях он сохранил народный колорит... Тогда я отважилась, в песнях Ивасюка, кажется, я нашла себя, свою интонацию».

В прессе и в тысячах писем, которые приходили к Володе со всех концов Советского Союза, часто отмечалось, что Володины песни полностью отвечают характеру Софии Ротару, дают ей возможность самовыразиться на полную силу; они — это мир, в котором певица чувствует себя свободно, раскрыто... С этими песнями она уверенно вступает в диалог с миллионами людей, чувствует себя непоколебимой властительницей тревожащих образов, завоевывает счастье высокой тяги к прекрасному.

Об этом София Михайловна откровенно говорит в разные периоды своей исполнительской карьеры:

«Слушатель требует хорошую песню. Он ее и примет, и поймет. Нужно искать! Я, скажем, не могу петь все подряд. Очень благодарна многим композиторам за творческую дружбу, а Владимиру Ивасюку — особенно. Он много написал для меня, много доверил. Образно-мелодичный лад его песен близок к народному, а это родное мне, это — мое!».

В другом месте певица заявляет:

«В том, что я обратилась к эстраде, главную роль сыграл мой земляк, талантливый композитор Владимир Ивасюк. Его же песни «Червона рута» и «Водограй» стали основой моего первого репертуара».

София Ротару охотно рассказывает своим поклонникам, что Володя показал ей правильную дорогу к песне, что с помощью его небудничного творчества

она завоевала миллионы своих поклонников.

Однако нужно сказать, что София Ротару, в свой черед, была той доброй силой, которая, перенимая Володино вдохновение, стала могучей цепью, которая крепка связывала творчество Володи с широкими массами народа. Исполняя эту благородную творческую миссию, певица завоевывает сердца людей, добывает признание.

При жизни Володи время от времени раздавались разгневанные голоса завистников, которые укоряли молодого композитора за то, что он «заграбастал» лучших исполнителей и, таким образом, добыл всесоюзную популярность. Конечно, Володя очень любил и ценил своих друзей-певцов — и Софию Ротару, и Людмилу Артеменко, и Татьяну Кочергину, и Василия Зинкевича, и Назария Яремчука, и Виктора Шпортюко, и Павла Дворского... — все ж они откликнулись на зов его песни, которая пленила их выразительной атмосферой современности, романтической вознесенностью, свежими, новыми мелодиями, созданными на основе украинского мелоса. Володя гордился, что те талантливые певцы стремились к его творчеству. Во время пребывания на Международном фестивале песни в Сопоте корреспондент польского журнала «Пшиязнь» (1974, 2 сентября) обратился к Володе с вопросом. Характеризуя Софию Ротару как певицу, сын сказал:

«Когда напишу песню, то София всегда исполнит ее так, как я задумал, как нужно ее исполнять».

Володе посчастливилось сгруппировать вокруг своей песни породненных духовно единомышленников, любящих жизнь романтиков, сеятелей добра и света на родной земле. Его творчество упало в благодатный психологический грунт, набрало силы, вышло в мир, пробуждая у людей те чувства, которые придают им молодость и красоту.

В устах Софии Ротару произведения Володи преисполнены человечности, задушевности, драматизма и совсем избавлены от сентиментальности, становятся чудом, которое мы называем хорошим словом — искусство.

София Ротару прекрасно реализовала замыслы Володи — была же духовно подготовлена к этому творческому действию: на протяжении многих лет вбирала в сердце украинскую песенную стихию, вырастала, формировалась в ней. И если после смерти композитора она, под влиянием внешних нездоровых факторов, отошла полностью от творчества Володи, то это только во вред ее большому таланту и доброй славе. И, ясное дело, во вред нашим молодым современникам, оказавшихся в плену чужих нам антиэстетических и антитворческих веяний.

Володя был восхищен абсолютной музыкальностью Софии Ротару. Как-то раз, вернувшись из Киева, он рассказывал:

— Меня просто-таки поражают ее необычные музыкальные способности. Я убеждался в них неоднократно. Мы с Софией назначили запись моих песен в Киеве. София прилетела самолетом из Москвы. Я ее встретил... В такси вынул партитуры песен, которые должны были записывать. София взяла партитуру одной песни, пропела ее «с листа» два раза тихим голосом. Потом взяла вторую песню. Когда мы приехали в Дом звукозаписи, повторили те песни с оркестром под руководством Ростислава Бабица. И все! Потом — запись, которая вышла высококачественной.

Творческая дружба с Софией Ротару и ее мужем, заслуженным артистом СССР Анатолием Кирилловичем Евдокименко, руководителем ансамбля «Червона рута», не угасла и после переезда Володи во Львов, наоборот, еще больше окрепла. Это — светлая страница в биографии творцов. На пленуме Союза композиторов СССР (1978), посвященном проблемам развития советской песни, София Ротару

сказала в своем выступлении и такое:

«Я благодарна судьбе, что свела меня с Владимиром Ивасюком».

Учеба в Львове, новая музыкальная атмосфера большого города со славными культурно-музыкальными традициями не кинули тени на отношения Володи с ансамблем «Смеричка», а именно, с одаренным композитором Левком Дудковским и прекрасными молодыми певцами Василием Зинкевичем, Назарием Яремчуком и Марийкой Исак, уже известными всею союзному телезрителю, благодаря фильму «Червона рута». Они привыкли к тому, что Володя в любой момент может сесть на поезд или автобус и добраться до «певучей троицы», как он их называет в минуты хорошего настроения.

Певучая троица из Выжницы — это его друзья, побратимы, советники и исполнители. Они часто гостили в нашем доме — веселые, голосистые, красивые и хорошо воспитанные. Да, хорошо воспитанные, они несли в себе отпечаток высокой эстетики и эстетичной изысканности, характерной для нашего народа, трудового и честного, который может за пояс засунуть самого хитрого аристократа. Дом наш сотрясился от смеха, остроумных разговоров и новых песен.

В Львове Володя грустил по выжницкой троице, которая была уже довольно популярна на Украине. А львовяне относились к ней с уважением. Особенно студенческая молодежь, которая аж никак не могла мириться с тем, что композитор уже в их среде, а его песни звучат только по радио и телевидению. Они просят Володю устроить им встречу со «Смеричкой».

Володя поехал на Буковину, в Выжницу. Но я приведу рассказ об этом факте теперешнего руководителя «Смерички», народного артиста Украины Назария Яремчука⁶, который был связан с Володей тесной творческой дружбой на протяжении многих лет. Он написал интересное эссе о Володе — «Орфей синих гор».

«Как всегда, мы и тогда собрались после работы на репетицию нашего ансамбля. Неожиданно появляется Володя. Хотя и устал с дороги, все же приятно возбужден. Делаем перерыв и окружаем гостя. Он говорит:

— Просили вас молодые и старые, мужчины и женщины, девушки и парни из нашего Медицинского, аби-сьте были ласковыми и заглянули в славный город Льва и развеселили их сердца своими прекрасными голосами и моими песнями.

Кому-кому, а ему не могли отказать, — настолько большой был его моральный авторитет в нашем коллективе.

— Поедем, Володя! — кричу первый, зная, что никто не будет возражать.

Почти одновременно добавляет Василий Зинкевич:

— Будет выступать в актовом зале мединститута?

— Нет, Вася, — в академическом театре им. Марии Заньковецкой.

— О-о, — нам делают большой гонор. Что же, Володя, тут колебаний не может быть, — и Василий переводит взгляд на Левка, который утвердительно кивнул головой.

На следующий день под вечер отправляемся в дорогу. Тогда через Черемош еще не было автомобильного моста, и перебраться на противоположный берег — непростая вещь. Это уже поздняя, слякотная осень, Черемош многоводен. Я и до сих пор помню, как под сидением хлюпал загонистый Черемош, а неудержимое течение слепо ударило о наш автобус с таким усердием, что он аж пошатнулся, как колыбель, и казалось, что вот-вот полетит вверх колесами. Нас охватил даже страх, что мотор заглохнет, и нам придется пешком переходить речку.

⁶Назарий Яремчук умер от болезни 30 июня 1995 года — прим. ред.

В те напряженные минуты в автобусе прозвучала на полный голос прекрасная песня Володи — «Водограй»:

*Тече вода, тече бистра,
А куди не знає...*

Кажется, волны Черемоша заслушались словами и мелодией песни и стали ласковее, успокоились важно так, как когда-то, в старину, как рассказывает легенда, добрели морские волны от мелодий Орфея. Черемош настырно хлюпал, брызги летели аж до окон, словно хотели видеть Орфея синих гор, который пел свою песню о волшебной гуцульской речке.

Автобус, переваливаясь с камня на камень, каким-то чудом дополз до крутого берега. Хотелось верить, что «Водограй» своими чарами пригодился нам.

«Смеричка», вся мокрая от студеной воды химерной речки, вышла на спасительный берег.

... Старинный Львов встретил нас хмуро, по-осеннему, но прошло немного времени, и мы убедились, что под его внешней хмуростью прячется доброта, настоящая человеческая искренность.

Ужинали и завтракали у Володи. У него уже было на улице Солодовой жилье из двух комнат и кухни.

Действительно, наш концерт прошел в Академическом театре им. М. Заньковецкой. Большой интерес к «Смеричке» и Володиным песням мы видели в том, что даже до дверей театра трудно было добраться — там толпилась добрая тысяча людей, которые, правда, придерживались порядка, а это свидетельствовало о культуре и выдержке поклонников нашей песни.

Концерт прошел просто-таки с триумфом.

В конце публика устроила Владимиру Ивасюку долгие-предолгие овации и спела в его честь (и вместе с нами) «Червону руту».

Раздел девятнадцатый

Настали дни, преисполненные напряжения. Учеба, творческие заботы. Медицина и музыка — жизненные крылья Володи. Одолевают мысли об окончании института — государственные же экзамены не за горами. Кроме того, встречи с исполнителями песен, их записи, и в связи с этим вынужденные поездки в Киев и Москву.

Иначе не могло быть. Володя дорожит своим престижем хорошего студента и благосклонным отношением с боку окружения, особенно преподавателей.

Его педагог и друг доцент Лешек Зигмундович Мазепа пишет в своих воспоминаниях:

«В 70-х годах Владимир Ивасюк был одним из наиболее популярных композиторов-песняров нашей страны. Будучи непрофессиональным композитором, силой своего незаурядного таланта он сумел сотворить такие песенные произведения, которые стали явлением в сфере песенной части музыкальной культуры Украины и многонационального Союза братских республик. Феномен Владимира Ивасюка, давшего нам яркие произведения песенного жанра, стал привлекать многих других молодых самодеятельных авторов, которые, впрочем, преимущественно были и есть носителями «одежды с чужого плеча», а то и бездарными примитивистами, эти засорили песенный жанр низкопробным «ширпотребом».

Песни Владимира Ивасюка не были только его детьми. Они были своеобразными детищами своей поры, своей эпохи, своего времени, хотя привлекательность и оригинальность их имеет сверхвременную стоимость».

Володя с трепетом ходит в Львовскую консерваторию на композиторский факультет, где кафедрой теории музыки и композиции руководит С. П. Людкевич. Не жалуется на то, что первые два года будут подготовительными, поскольку он без оконченного среднего музыкального образования, а законы высшего учебного заведения довольно суровы, их не обойдешь.

Ситуация усложняется только тем, что у него нет своего пианино или фортепиано, а перевозить во Львов черновицкий рояль нельзя — на нем играет его сестричка Оксана, которая вступила в музыкальную школу. Покупать же первый попавшийся не хочется — Володя мечтает о первоклассном рояле, но его тяжело найти в продаже. Поэтому приходится засиживаться долгими осенними вечерами за мединститутским инструментом. Свое пианино марки «Петроф» он приобретет через несколько месяцев.

После переезда во Львов в эфире ежедневно звучат новые песни Володи, которые свидетельствуют о том, что молодой композитор ступает на высшую ступень своего творчества, красноречиво доказывая разным завистникам, что в украинскую музыку пришел не случайный аматор-самодеятельник, а своеобразный мастер лирической песни, романса, баллады. Произведения этого периода — «Мир без тебя», «Баллада о двух скрипках», «Песня будет среди нас», «Передвістя» («Предвестие»), «Баллада о мальвах» и др. исполняются отдельными коллективами, ансамблями, солистами, а это свидетельствует довольно-таки убедительно о том, что «Червона рута», «Водограй», «Я поїду в далекіє гори», «Эхо твоих шагов», «Отлетают журавли» и «Элегия для Марии» не были вспышкой юношеских

эмоций, а проявлением болезненной потребности самовыразиться. И тут будет уместно сказать, что такого блестящего дебюта в жанре лирической песни еще не было в украинской советской музыке.

Володя старательно работает со своими исполнителями, дает им советы, приезжает на репетиции. Они, в свою очередь, стремятся к нему, потому что знают, что его произведения принесут им успех, признание. Ведь широкие народные массы любят молодого композитора, а этой любовью может воспользоваться любой исполнитель.

У Володи особенная благосклонность к ансамблям «Червона рута» и «Сме-ричка». Но нужно отметить и то, что Володя ни у кого из исполнителей не выпрашивает ласки, он глубоко понимает небудничность и оригинальность своих произведений, которые выражают чувства и настроения его поколения.

* * *

... Много времени провожу в львовской Библиотеке им. В. Стефаника, где есть немало работ, в которых говорится о событиях, происшедших на Буковине в XVII столетии. Я изучаю, делаю выписки, нужные для написания романа «Баллада про вершника на білому коні» (Баллада о всаднике на белом коне). Володя иногда приходит туда, любит посидеть рядом со мною и познакомиться с историческими материалами, полистать старинные журналы, поразмыслить над тем, чем жили наши предки. Кажется, любознательности его нет границ — сидел бы целыми днями над старой литературой. Это его способ отдыхать, иногда наклоняется ко мне и шепотом делится своими мыслями по поводу того или другого события. У него острая наблюдательность, часто неожиданные, остроумные замечания.

Однажды нас застаёт вместе в читальном зале Степан Михайлович Трофимук, многолетний исследователь революционной литературы на западноукраинских землях, глубокий знаток украинской литературы, чрезвычайно порядочный человек. Последние годы он работал над докторской диссертацией, завершил ее, но не защитил, потому что препятствием стали воинственные мещане, пренебрежительно относившиеся и к Галану, и Гаврилюку, и Козланюку, и Тудору, и к тем, кто их изучал и популяризовал.

Мы познакомились со Степаном Михайловичем еще летом 1961 года в Одесском доме творчества и подружились на всю жизнь. Из Одессы приехали его автомобилем в Кицмань, где он провел несколько дней в нашей семье. Наш Кицмань понравился ему и его жене Оксане Степановне. Они блуждали по прекрасному лесу, полям, любовались серебряной цепью прудов и стародавним садом Воробкевича.

Когда Володя перебирается во Львов, Степан Михайлович часто навещает нас «на десять минут, послушать музыку и отдохнуть», как говорит он тихим сдержанным голосом и как-то скромно улыбается. Володя всегда рад его приходам — Степан Михайлович очень ему нравится.

Невысокий ростом, медленный в движениях и разговоре, он садится в кресло и начинает разговор. А начинает с того, что больше всего интересуется Володю — с поэзии. Володя же внимательно следит за новинками литературы, знает ведущих украинских поэтов и хорошо ознакомлен с творчеством молодых, даже дебютантов. Степан Трофимук рассказывает ему о Богдане-Игоре Антониче, о его короткой, но яркой жизни. С удовольствием останавливается на подробностях, еще не известных Володе. Читает со скрытым волнением лирику Антонича. Мы слушаем, словно зачарованные, глубокомысленную и образную поэзию, произнесенную голосом влюбленного человека:

Дівчино, хмелю весняний,
Довкола мене уплетися!
Кують нам дятли з моху сні
И в сто гаях лопоче листя.
Весна омаяних весіль
И кожна ніч немов отрута.
Твоїх долонь ласкавий хміль
І тайна незбагнута...

И вот он говорит:

— Рабочий день закончился даже для вас, дорогие Ивасюки. Сегодня собрание в Союзе писателей. Вы, Михаил Григорьевич, как член Союза писателей, должны посещать их. Пойдем...

— Что же, я свободен в этот вечер.

Трофимук кладет руку Володе на плечо и добавляет:

— Надеюсь, что и Володя пойдет с нами. Познакомится с львовскими поэтами. Это полезно, наверное, для него. Правда, Володя?

Володя вопросительно смотрит на нас.

— Удобно ли? Я же посторонний человек... Вызову удивление.

Трофимук ведет свое:

— Писатели обрадуются. Ты тоже поэт — твои поэзии стали популярными песнями. Побратим по перу...

— Хорошо, убедили. Отдавай, папа, свои книги и журналы.

Нам нравится помещение Союза писателей на улице М. Чернышевского, уютные, хорошо меблированные комнаты. Писатели собираются. Вот Ростислав Братунь. Меня познакомила с ним Ирина Вильде в Русове во время празднования 100-летия В. Стефаника. Володя тоже был на празднике, но некоторое время стоял в стороне, разговаривая с И. С. Козловским, который написал ему несколько теплых слов на странице журнала «Украина», где была напечатана «Червона рута». После того разговора Володя подошел ко мне, и я представил его Дарине Дмитриевне, хотя она знала его уже давненько — бывала ж у нас, в Кицмане, со своим отцом Дмитрием Макогоном.

Тогда же Ирина Вильде сказала со свойственным ей юмором, что наилучшее мое произведение — это мой сын. Писательница, конечно же, повторила Александра Дюма-отца, но шутка развеселила наше общество.

На собрании видим Якова Стецюка, с которым Володя познакомился еще в детстве. А Романа Лубковского мы встретили на праздновании 100-летия Осипа Маковея в Залищиках.

А вот и Роман Кудлик. Его сборник «Весняний більярд» («Весенний бильярд») мы читали с большим удовольствием — в ней много свежего, много поэтических находок. Не зря же Ирина Вильде рассказывала о нем в Черновицком университете как о талантливом поэте и хорошем человеке.

Садимся вместе со Степаном Михайловичем. Он рассказывает Володе о прекрасных писателях, которые в довоенные и послевоенные годы относились к этому литературному обществу, придавая ему высокого общественного звучания. Это прежде всего Александр Гаврилюк и Степан Тудор, которые погибли в первый день войны, потом Ярослав Галан и Петр Козланюк, творчество которых находится в центре научных интересов Степана Трофимука.

Собрание открывает голова Львовского отделения Союза писателей Украины Ростислав Братунь, автор многих поэтических сборников. Он оказывает впе-

чатление энергичного человека. После нескольких чисто официальных предложений делает нам приятную неожиданность: оглашает, что на собрании присутствует представитель буковинской писательской организации и его сын — известный украинский композитор Владимир Ивасюк.

На Володю посматривают с доброжелательным любопытством. Он говорит мне шепотом:

— Тут буду иметь, наверное, неплохих друзей.

— У тебя всюду есть друзья...

— Нет, композиторы готовы подрезать мне струны... — и непринужденно улыбается.

— Не обобщай, Володя, — говорит Степан Трофимук, который услышал его последние слова. — Среди львовских музыкантов много хороших парней. Среди них будешь чувствовать себя очень хорошо.

— Поживем и увидим... — говорит задумчиво Володя.

Собрание длится недолго. Мы все расходимся, а Володя на просьбу Ростислава Братуня и Ирины Вильде еще остается. Они долго разговаривают о Володиных институтских делах. Блуждают вместе по Львову. Володя чувствует, что у него есть друзья. И это придает ему бодрости.

С творчеством Ростислава Братуня он познакомился еще в начале 60-х годов, когда охотно исполнял песни Мирослава Скорика на его слова. В нашей библиотеке были почти все поэтические книжки молодого еще тогда поэта. До переезда во Львов Володя даже написал песню на его слова — «Коли між нами не було нічого» («Когда между нами не было ничего»), — к которой возвращается в Львове, немного изменяет, и она стает известной под заголовком «Предвестие».

К Володе часто навещается Ростислав Братунь и Степан Трофимук, с которыми приходит иногда и Ирина Вильде, которая может целыми часами слушать его игру на фортепиано и записи песен. А с Р. Братунем начинается большая творческая дружба, которая длится аж до смерти Володи. Наблюдения и мысли о Володе, человеке и композиторе, поэт высказывает в своих воспоминаниях. Привожу отрывок из них:

«Володя относится к тем людям, которые не умеют прокладывать себе дорогу локтями. Прекрасно зная себе цену, он скромный, аж до мелочей. Это впадало в глаза в быту и общественной жизни, не говоря уже о творческой жизни. Мне хотелось встретиться с Володей и, по правде говоря, мечталось о том, чтобы он написал на мои поэзии какую-нибудь песню, хотя бы одну.

Однажды он мне сказал: «Все еще впереди... Песни мои имеют много поклонников, их с удовольствием поют, распространяют, даже хвалят, но мне нужно еще очень настойчиво и упорно работать, учиться...»

Володя никогда не отказывался от общественных поручений. В Львове организовал Клуб творческой молодежи — первый в нашей стране⁷. Мне поручили руководить ним. Я предложил, чтобы Володю выбрать одним из членов правления, а это кое-кому не понравилось. Нужно подчеркнуть, что с первых месяцев пребывания в Львове, когда его песни раздавались победно по всему Советскому Союзу, ежедневно звучали по радио и телевидению, ему завидовали: малограмотные чиновники и недотепы ненавидели его талант.

Мне на всю жизнь запомнилось выступление Володи в зале Львовской консерватории, где шла речь о творческих проблемах. Володя говорил о музыке. Сколько

⁷Это не совсем точно: первый клуб творческой молодежи действовал в Киеве в 1964–1970 г. г. и был грубо разогнан властью, а его голова Алла Горская подло убита — прим. ред.

чувства любви было в каждом предложении, какие глубокие мысли высказывал! Он не был оратором, но говорил искренне, вызывая у слушателей тот заряд эмоций, который взрывался в его произведениях. Он был немного сдержанный, но его слова пробуждали новые мысли, потребность задуматься над развитием нашей песни, нашей эстрады.

В Клубе творческой молодежи Володя заведовал пропагандой песни, музыки среди молодежи. Он относился с увлечением к организации концертов, прибыль от которых шла в фонд мира. Как-то в Клубе творческой молодежи произошла встреча с идеологическими работниками Киева. Мы передавали им свой опыт. Клуб был первый в республике, и его работа понравилась киевлянам. На вечере прозвучали песни Володи «Вернись із спогадів» («Вернись из воспоминаний») и «Зимова казка» («Зимняя сказка»).

Киевлян приятно поразило все увиденное, им не хотелось верить, что работа клуба может быть такой интересной. А в нее значительную часть вложил Володя. На вечере он отличался прекрасным настроением, остроумием, в отношении с гостями и разговорах с ними, особенно, женщинами, импонировал своей изысканностью, высокой культурой. Ему симпатизировало женская часть, он был душой общества.

Володя был искренним, убежденным интернационалистом, который с глубоким почтением относился к музыкальной культуре других народов, в том числе русского. Дружил с московским поэтом Андреем Дементьевым, на его слова написал несколько ярких произведений. Поэт с радостью говорил, что песня «Рождение дня», написанная на его текст, — или это один из наилучших романсов, сочиненных в послевоенные годы. Андрей Дементьев с восхищением высказывался о Владимире Ивасюке, человеке и композиторе.

В Москве Володя познакомился с прославленным современным русским поэтом Андреем Вознесенским, который был очень высокого мнения о его творчестве. Тесная дружба связывала молодого творца с московским композитором Алексеем Экимяном и известным дирижером Юрием Силантьевым, который все годы относился к нему с добротой и лаской.

У меня часто возникал вопрос: почему такой близкий земляк-буковинец Дмитрий Гнатюк не исполнил ни одного произведения Владимира Ивасюка, одного из самых талантливых композиторов, которые работали в жанре лирической песни? Володя же не писал модных и дешевых шлягеров, а продолжал песенные традиции великих предшественников — прежде всего Н. Лысенко и К. Стеценко.

Как-то раз в Киеве он позвонил ко мне на квартиру Зинаиды Константиновны, вдовы поэта-партизана Николая Шпака, матери моей жены. Он часто приходил, любил слушать ее рассказы о поэте, который погиб героической смертью в камере пыток гитлеровского гестапо. Те частые приходы вылились в прекрасную «Юнацьку баладу» («Юношескую балладу»), посвященную памяти поэта-партизана Николая Шпака. Я предложил Володе посетить со мною Наталью Михайловну Ужвий, а потом — Дмитрия Михайловича Гнатюка.

У Натальи Михайловны было недолго, она торопилась на какое-то выступление. Но за короткое время они все-таки успели переговорить о музыке и искусстве вообще. Выдающаяся артистка хвалила нашу творческую дружбу, которая основывается на взаимопонимании и взаимоуважении и дает радостные результаты. После этой встречи Наталья Михайловна с юмором сказала: «Смотри, какое оно еще молодое, а какое уже талантливое и умное! Удивляешься, как это ему удастся сотворить такой волшебный мир мелодии, что хочется в нем вечно

жить».

Дмитрия Михайловича мы застали дома. Очень благосклонно встретил нас вместе с женой Галиной Макаровной. Я его познакомил с композитором, буковинцем Владимиром Ивасюком. Это был незабываемый вечер. Мы допоздна разговаривали о развитии современной украинской песни, о достижениях наших композиторов и их слабых сторонах, потерях. Тогда же Дмитрий Михайлович попросил Володю написать специально для него какое-нибудь произведение. Он, мол, охотно его исполнит. Я сказал им, что у нас уже есть хорошая песня — это «Отчий дім» («Отчий дом»).

Володя согласился прислать ее в ближайшее время. После этого хозяин показал нам свою очень интересную коллекцию картин. С увлечением рассказывал историю каждой из них. Но нужно отметить, что Володя тоже был тонким знатоком и ценителем художественного искусства и скульптуры, удивлял меня своими лаконичными, но меткими и точными замечаниями, наблюдениями, суждениями, интерпретациями... Проявлял широкую эрудицию и хороший безошибочный вкус. Он скептически смотрел на подделки под моду. Мода, считал он, вещь необходимая, но она не должна отрекаться от таланта. Володя категорически откидал любое псевдоноваторство, формалистские выходки.

Молодой композитор подробно знал мировые музыкальные веяния, прекрасно разбирался в них. Интересовался не только лирической песней, а развитием европейской музыки в целом. Самобытность, неповторимость его таланта, творческого почерка, стиля остается навсегда в нашей культуре — таких композиторов было у нас очень мало. Он, можно сказать, создал целую школу — у него есть уже ученики, которые творчески усваивают его традиции. Есть также просто эпигоны.

Володя думал о будущем. Поэтому он учился, старательно учился».

Раздел двадцатый

1973 год богат незабываемыми событиями.

Володя уже имеет свое жилье на улице В. Маяковского, 106, неподалеку от Медицинского института и Львовской консерватории им. Н. Лысенко, сдает на «отлично» государственные экзамены, получает диплом врача и поступает в аспирантуру на кафедру патологической физиологии к прекрасному специалисту — профессору Татьяне Владимировне Митиной.

Володя уставший. Часть своего отпуска проводит в Бердянске вместе со всей семьей.

В конце июля покидаем прекрасный приморский город. Мне же нужно возвращаться в Черновцы, где в Университете будут в начале августа вступительные экзамены, я член экзаменационной комиссии. А Володя хочет принять участие в музыкальном празднике «Крымские зори», который пройдет в Ялте. Там будут исполнять его песни. Интересно увидеть, как они будут звучать на широком песенном фоне и как примут их ялтинцы и их гости, которые прибудут со всех концов страны.

На теплоходе «Колхида» плывем Азовским и Черным морями. Нам нравится это путешествие. Небо высоченное, без единого облачка, похожее на шелковое полотно, расстеленное от горизонта до горизонта. За кораблем летит стая чаек, шныряет в воздухе, хватая с моря все, что кидают пассажиры.

Все время находимся на палубе, любуемся красотой и таинственностью моря, разговариваем о мало еще изученном мире, который прячется от нашего взгляда под капризными волнами, о его красоте и бессмертии.

Володя не расстается с книжкой воспоминаний о Жераре Филипе, созданной друзьями и побратимами великого артиста, благодаря усилиям мудрой и верной его жены Анны Филип. Эта книжка вышла в свет в российском переводе еще в 1962 году, через три года после смерти творца.

Стаю в тень рядом с ним и время от времени поглядываю на него, углубленного в чтение. Он отрывает взгляд от книжки и говорит:

— Не зря французская культура уже издавна известна в мире. Французы страшно бережно относятся к своим культурным деятелям, великим или малым. Смотри, — показывает мне фотографии Жерара Филипа, снятого в разных ролях, — это окраса европейского кинематографа.

— Ты прав, сын, — отвечаю, — у нас тоже очень много делается для развития культуры. Ты на себе убедился.

— Я согласен с тобой, папа. Но меня иногда злит то, что у нас нет актера такого очарования, как Жерар Филип. Если он появится, то очень скоро спивается. Кто в этом виноват?

— Окружение. Да, определенной категории поклонников нужно бояться, ведь они считают, что свое восхищение талантом артиста, певца или популярного композитора можно проявить в ресторане с помощью бутылок коньяка и шампанского. Жерар Филип после каждого спектакля любил спать в своей домашней постели, а не под столом в ресторане. И в этом был один из источников его величия.

Мы очень удивлены, когда на второй день слышим, как из репродуктора раздаётся близкая и родная музыка Володи. Он перестает читать и говорить. Песни, чередуются одна за другой — «Я пойду в далекие горы», «Эхо твоих шагов», «Мир без тебя», «Баллада о двух скрипках». Володя говорит мне в пол голоса:

— У меня есть к тебе претензия...

— Прете-ензия?

— К тому, что ты позволил мне выпустить в люди недовершенный текст «Водограя». Если бы ты настоял, то теперь это произведение не звучало бы, как укор совести.

— Преувеличиваешь, сын. Только в припеве нужно заменить две-три строки, остальное — все на своем месте. Послушай, как празднично звучит твой «Водограй» над просторами Черного моря.

Молчим некоторое время. Володя приплющивает глаза от удовольствия, оказывая впечатление, что готов так слушать до конца путешествия. Вокруг нас люди тоже молчат и слушают. Каждый думает, наверное, о чем-то дорогом, заветном.

Эту тишину, насыщенную словами и мелодиями, нарушает какой-то высокий, элегантный молодой человек в белой короткорукавке с расстегнутым воротником и в очках в новой оправе. Он обращается к Володе на красивом украинском языке:

— Извините, что тревожу... Вы — композитор Владимир Ивасюк, правда?

Володя качает утвердительно головой.

— Я пришел сказать вам, что капитан нашего корабля очень просит вас заглянуть к нему в каюту. Я — его сын, врач.

Эти слова сказаны с такой искренностью и ласковостью, что Володя встает на ноги и говорит:

— Очень приятно, доктор. Идем...

Володя кажется немного взволнованным, даже встревоженным в некой мере. Мне нравится его юношеская взволнованность и то, что он не отказывается удовлетворить просьбу симпатичного молодого врача. В голове возникает мысль, что люди любят украинские песни, жадно их слушают и с добрыми чувствами относятся к их творцам.

Капитан «Колхиды» — человек лет за пятьдесят, хорошо образованный, с высокими интеллектуальными интересами. Разговаривают о музыке, литературе, медицине. Капитан и его сын высказывают свежие, оригинальные оценки книгам, песням и жизни. С ними приятно разговаривать. Поэтому Володя задерживается довольно долго. А в это время над Черным морем вместе с чайками свободно шныряют его песни.

Володя выходит на палубу и снова садится рядом со мной.

— Ну, как там твой капитан? — спрашиваю.

— Симпатичный товарищ. Просил, чтобы я рассказал о себе. О своей музыке, медицине, песнях. Хотел знать, как пишутся песни. А мне трудно об этом говорить, даже неприятно. Терпеть не могу мещанское самовосхваление, и мещанский самоанализ перед любопытными людьми. Но я был искренним, ничего не скрывал, и капитан очень внимательно меня слушал, задавал вопросы...

Прибываем в Феодосию. Володя и Галя выходят на берег и остаются в этом городе, а мать, Оксана и я продолжаем дорогу в Одессу, чтобы там сесть на поезд и добраться в Черновцы.

Володя и Галя устраиваются в гостинице «Астория», которая над самым мо-

рем, и с первого дня знакомятся, прежде всего, с музеем И. К. Айвазовского, осматривают интересные дома города, остатки старинных крепостей. Володе, как он признается, приятно, когда ветер истории ударяет в лицо, навевая мысли о разных народах и событиях, которые давно уже отгудели, оставив после себя только грубые, полуразрушенные стены крепостей, грозных укреплений.

От остатков прошлого всегда ждем в изумлении чего-то такого, что заставило бы нас задуматься, порадоваться или погрузиться.

После ознакомления с городом и его историческими и культурными памятниками они проводят несколько дней на пляжи. Но надоедает то пассивное лежание: дорога манит в еще неизведанные места.

Володя покупает немецкий желто-зеленую палатку и собирается «в далекие горы». Они едут за Планерское и Коктебель и останавливаются в прекрасной Долине Роз. Сразу чувствуют, что попали в какой-то волшебный уголок, где с радостью проведут свой отдых. Однако перед тем, как устроить там лагерь, решают еще раз основательно пообедать в ресторане, чтобы потом окончательно перейти на морские продукты, овощи и фрукты. Тогда же из ресторана они наблюдают, как грандиозно умеет распоясываться южная стихия.

Огромные молнии разрывают потемневшее небо на куски — оно протестует против них оглушительным и угрожающим грохотом, ревом и раскатами, разливается хаотическими каскадами дождя, которые ограждают ресторан от остального мира. Стает не по себе. Иногда кажется, что бессильный и слабый человек превращается в игрушку, полностью зависимую от мрачных прихотей природы.

За пять-десять минут вода достигает полуметровой высоты, электрический свет гаснет, над землей, притихшей под ударами громов, царствует тьма. Когда гроза утихает, Володя закачивает штаны, берет Галю на плечи и плетется в гостиницу, радуясь, что они еще его не покинули. А на следующий день окончательно перебираются в Долину Роз, сжигая за собою мосты.

Долина Роз покрыта множеством кустов шиповника. Когда весной они расцветают розово-белым цветом на фоне серых скал и голубого моря, то перед глазами словно разворачивается поэтическая сказка, порождающая в душе праздничное настроение. Но беда только в том, что вчерашний наглый ливень, неугомонный ветрище снесли все палатки, повалили некоторые старые деревья, а с остальных отломали ветки, заилили тропинки и дорожки.

Тут начинается настоящий отдых.

Володя хорошо плавает, любит маску и ласты. Переплыл бы, кажется, все Черное море. Умело ныряет, выносливый под водой, где любит морскую флору и фауну. Там много медуз, больших, как ведра, а водоросли разнообразных цветов и оттенков. Он охотно добывает с морского дна ракушки разных форм и размеров. Правда, часто ныряет не только ради спорта, а и для того, чтобы подстрелить какую-нибудь рыбку, — Галя научилась готовить очень вкусную рыбную юшку.

Недалеко от их палатки лежит камень, на котором могут рассестись одновременно пять-шесть человек. На нем каждый вечер сидит загорелый, золотисто-бронзовый Володя с гитарой в руках и напевает украинские народные песни и свои собственные произведения. Его голубые глаза и выгоревшие волосы подчеркивают еще выразительнее его романтический вид, напоминающий легендарного певца, который пришел к морю набраться сил и отдохнуть хотя бы немного от суеты суетного мира...

Мысли Володи кружатся над краем его детства и юности. Он живет его духом, образами, мелодиями.

На этом камне зарождается песня «Два перстені» («Два перстня»). Володя всегда носит с собою нотную бумагу, а тут, в этой Долине Роз, не имеет с собой ни листочка.

Мелодия же звенит, слова словно из какой-то далекой дали наплывают, становятся одно возле другого и за мгновение сливаются с нотами, превращаясь в части мелодии, которая шныряет вокруг Володи и того прадавнего камня, на котором он сидит. Ее нужно немедленно записать, чтобы она могла жить не только в его сердце. И вот Володя отламывает ветку шиповника, чертит ею на песке с илом, еще не успевшем высохнуть, но уже застывшем, нотный стан и нанизывает на его линейки первые такты новой песни. Будучи уверенный, что его никто не видит, ходит возбужденно вокруг произведения, не сводит с него глаз. Размахивает руками и напевает новую песню. Время от времени наклоняется к нотному стану и что-то исправляет веткой шиповника.

Галя видит издали необычное поведение Володи. Приходит к выводу, что он занят чем-то важным, поэтому не приближается к нему, чтобы не испугать птицу его вдохновения. Он настолько углублен в свою работу, что еще даже не нырял в море, чтобы поймать рыбину. Сегодня ему нет никакого дела до того, что у них кончились продукты.

Неожиданно он кричит:

— Галя, принеси, пожалуйста, сюда карандаш и один чистый конверт. Все это в меньшей сумке.

Галя бежит к палатке и через какое-то мгновение появляется перед ним. Спрашивает:

— Сочинил новую песню и хочешь послать ее почтой в вечность?

— Вот она... — говорит, не обращая внимания на ее иронию и показывая пальцем на нотный стан, который распростерся на земле. Начинает петь:

Як ішов я опівночі
Понад тихою водою,
Зачерпнув у жмені срібло
Те, що місяць там залишив,
І зробив із нього перстень.

— Как она тебе звучит?

Галя смеется и говорит:

— В творческих делах ты очень суеверный, и я не пойму, зачем ты написал такую хорошую песню на песке. Чтобы ветер ее смел в забвенье? Не боишься?

— Говоришь так, Галя, потому что ты голодна.

— Ну конечно, ты не поймал сегодня ни одной рыбины.

— Сегодня рыба для нас второстепенная штука. Главное, что уже есть новая песня. — Переписывает ее на конверт и идет, напевая, к палатке.

Они решили обходиться, как Робинзон Крузо, дарами крымской природы и не объявляли никакой голодовки. Если не нырял в море, то теперь нужно было найти выход из затруднительного положения, ведь Галя такая голодная, что аж глаза светятся у нее.

Володя переворачивает вещи в своей сумке и достает со дна банку мясных консервов и пол килограмма манной крупы.

Галя не верит своим глазам.

Володя берет казанок и идет, напевая песню, принести родниковой воды. Заодно приносит и целую охапку хвороста. Разжигает костер.

— Я знал, что ты попробуешь умереть с голода, поэтому и сделал некоторые запасы, — говорит он тогда, когда пламя охватывает казанок со всех сторон и весело полыхает.

Скоро казанок тоже заводит песню вместе с Володей, а Галя тешится, что будет иметь на ужин манный кулеш, приготовленный на родниковой воде, и несколько кусков мяса. Нет, с Володей не умрешь с голода, он предусмотрительный, находчивый и любит заботиться о других, Галя ест, аж за ушами трещит. А Володя, съев несколько кусков мяса, ложится на спину, смотрит на безоблачное небо и ищет новые слова для своих песен.

Полуголодный отдых на крымской земле их, медиков и музыкантов, полностью устраивает. Долина Роз останется навсегда в их памяти. Там Володя создал и песню «Наче зграї птиць» («Словно стаи птиц»).

... Володя работает на кафедре патфизиологии, ведет практические занятия со студентами. Это приносит ему, вчерашнему студенту немало хлопот. Но он легко одолевает все трудности. Ему помогает в этом его умение отвержено работать и, конечно, любовь к медицине и уважение к научному руководителю, профессору Т. В. Митиной. Хотя и долго просиживает над учебниками, все же ему остается достаточно свободного времени для творческой работы и посещения лекций в консерватории. Даже едет в Москву, на Центральное телевидение, где снова встречается с Геннадием Зубановым и режиссером Ларисой Маслюк, которые стали искренними друзьями на всю его жизнь.

Володя заботится об меблировании своего жилья на улице Маяковского. В этом я его поддерживаю: он начерчивает до подробностей план своего рабочего кабинета, а я заказываю его на Берегометском деревообрабатывающем заводе.

В этот период Володя с особенной любовью относится к дяде Дмитрию, моему старшему брату, с которым его на протяжении всей жизни связывает душевная дружба. Дядя Дмитрий — образец настоящего друга, который импонирует прежде всего своей порядочностью и высоким культурным уровнем, начитанностью, знанием литературы, особенно украинской.

Тогда же Володя знакомится с талантливым львовским поэтом Романом Кудликом, поэзия которого входит свежей струей в его творческую и интеллектуальную жизнь. Володя радуется, когда наталкивается на произведения этого поэта в газетах и журналах, с интересом читает его поэтические сборники, общается с ним, приглашает его с женой на семейные праздники, а со временем пишет несколько ярких песен на его слова, самые удачные среди них — это «Я — твоє крило» («Я — твоє крыло»), «Освідчення» («Признание») и «Нам, друже, спокій тільки сниться» («Нам, друг, покой только снится»). В своих воспоминаниях «Дума о вечности» поэт показывает правдивый образ Володи. Прочитав короткий отрывок:

«Возле кинотеатра им. И. Франко стоял мой товарищ Дмитрий Герасимчук и незнакомый юноша в темном кожаном плаще, немного необычном для глаза, потому что такие только-только начали входить в моду.

— Знакомься, Роман, это Володя Ивасюк.

Немного другим представлял я себе автора песен «Червона рута» и «Водограй», которые тогда буквально заполнили все вокруг и звучали ежеминутно по радио и телевидению, с эстрадных площадок, раскрытых окон домов и просто на улице, их напевали и продавцы мороженого, и водители такси, и учителя, и носильщики на вокзале. Поэтому и не спешил знакомиться с автором этих двух песенных бестселлеров, хотя и знал, что с недавнего времени он живет в Львове. Думал себе: слава вскружила ему голову, а самовлюбленных людей я не терплю органически...

А Володя Ивасюк как-то смущенно глянул на меня:

— У меня есть ваш сборник, может, его подпишете?

И сразу почувствовал к нему симпатию, ведь и в голосе, и в беспокойном синеглазом взгляде не было ни капельки самодовольства, самовлюбленности — он абсолютно не воспринял той славы, которая свалилась на него, он, кажется, в глубине души даже сам удивлялся ей...

Мы пошли тогда втроем выпить кофе, и через полчаса нашего общения он ни словом не обмолвился о своей композиторской работе: говорили о Черновцах, об Ирине Вильде и театре. И только, когда прощались, сказал:

— Я хотел бы с вами еще встретиться, потому что у меня есть одна просьба...

С ним приятно было общаться: много знал, имел утонченный вкус, а об одаренности я уже и не говорю, Володя имел редкий, как я думаю, композиторский талант — он прекрасно улавливал ритмы, созвучные своему времени, и сумел, как точно сказал когда-то поэт, вознести их до уровня вечных партитур. Умел из мгновенного сотворить непроминальное.

Был немногословным в разговорах, говорил, хорошо взвешивая каждое слово. Прекрасно знал литературу (композиторов, которые могли бы с ним в этом сравниться, я пока что не встречал).

Вспоминаю творческий вечер в Львовском городском лектории, на который были приглашены мы оба: я читал поэзии, Володя исполнял свои песни (он мог быть неординарным певцом — еще одна грань творческого обдарования!). А потом отвечали на вопросы. И меня поразило, и я по-хорошему позавидовал Володе — как аргументировано, со знанием дела отвечал он на очень непростые вопросы, как плавно, спокойно текла его речь.

Володя был интеллигент в наивысшем значении этого слова. Эрудиция, тактичность, доброжелательность к собеседникам, сдержанность и аргументированность в дискуссиях, — таким знал его не только я...»

* * *

Новые песни лихорадочно слетают одна за другой с клавиатуры инструмента. Это глубоко патриотичные произведения «Пісня про тебе» («Песня о тебе»), «Батьківська балада» («Отцовская баллада»), «Вогні Львова» («Огни Львова», сл. Р. Братуня); размышления о жизни и беспокойстве человека в современном обществе: «Далина» («Даль», сл. Д. Павлычко), «Кленовий вогонь» («Кленовый огонь», сл. В. Ивасюка и Ю. Рыбчинского), «НоктюРН осіннього міста» («НоктюРН осеннего города», сл. Р. Братуня). В других идет речь о красоте и величии чувства любви: «День з тобою» («День с тобой»), «В тебе тільки ранне літо» («У тебя только раннее лето»), «Незване моє кохання» («Незванная моя любовь», сл. Р. Братуня), «Калина приморожена» («Калина примороженная», сл. Н. Петренко), «Запроси мене у сні» («Пригласи меня в сны») и «Тільки раз цвіте любов» («Только раз цветет любовь», сл. Б. Стельмаха), «Золотоволоска» (сл. А. Драгомирецкого) и др.

Кроме творчества, консерватории и работы на кафедре, у Володи есть немало разных обязанностей и бытовой мороки. Но он использует каждый свободный момент, чтобы вырваться из их плена на лоно природы.

Когда начинается сезон охоты, друзья приглашает его на охоту. Он, можно сказать, вырос в лесу, и обычай блуждать звериными тропами выработалась у него еще в детстве. Но я никогда не слышал, чтобы Володя хвалился, чтобы ему удалось подстрелить какого-нибудь зверя в лесе.

Вот он блуждает дубравами и полями с ружьем на плече, тихенько напевая песню стрельцов из оперы К.-М. Вебера «Свободный стрелок». За пол сотни шагов от него идет его друг, который иногда бабахает из своего ружья. Володе каждый раз кажется, что пальнули по нему...

Час идет, а Володя не проявляет никакой ловецкой активности. О таких охотниках, как он, ходят по миру глумливые анекдоты. Чтобы не попасть злорадным ловцам на язык, он останавливается на небольшой поляне и прицеливается в само небо, но так, чтобы не зацепить и ветку ели, и бабахает... Его удивлению нет границ: из-под куста выскакивает испуганный заяц и растерянно кружится, как ошпаренный. Потом кидается в беспамятстве в гущу. Володя рассказывает об этой охоте:

— Жалею, что бессмысленной стрельбой нарушил заячий сон. Больше я никогда не стрелял. Считаю, что мое призвание воспевать и возвеличивать все живое и прекрасное, а не убивать. Меня проняло отвращение к ружью, которое мне дал друг. После встречи с зайцем ступаю дальше. Неожиданно передо мной словно вырастает из земли серна. Стоит спокойно и словно говорит мне: «Опусти оружие!» Смотрит на меня такими нежными глазами, что я слышу в себе голос: «Разве ты не венец природы?»

Раздел двадцать первый

Кроме творчества, учебы в Львовской консерватории и работы на кафедре, 1974 год насыщен важными событиями. Галя тоже оканчивает медицинский институт и получает диплом врача. За месяц до этого события Володя отправляется сделать ей подарок — хочет, чтобы его сестра стала такой элегантной, какой еще с роду не была. Для этого едет с ней и матерью в Ленинград, где справляет ей прекрасный костюм, суконки, покупает две пары туфель. А когда Галя едет со своими коллегами в оперный театр на выпускной вечер, он ей дарит роскошный букет цветов.

Узнав, что его внесли в группу представителей советской песни на Международном фестивале песни в городе Сопоте (ПНР), Володя прилагает усилия, чтобы и Галя поехала с ним.

В начале августа Володя звонит в Бердянск, где Галя отдыхает вместе с родителями, чтобы она немедленно приезжала во Львов — он ей оформил паспорт для поездки вместе с ним на Сопотский фестиваль песни, на котором будет исполняться и его «Водограй».

Галя прилетела во Львов в тот же день. У нее же большой талант молниеносно доставать билеты на поезда, самолеты и автобусы, даже тогда, когда уже никто не может этого сделать. Дома перед ее глазами разворачивается поразительная картина: весь пол в комнате устелен партитурами, среди которых торчат пустые бутылки из-под молока и валяется несколько пачек сигарет. Приезд Гали был своеобразным спасением, она устроила Володе праздник: в Бердянске мама дала ей в дорогу зажаренную курицу, к которой Галя и не прикоснулась, времени же у нее не было. Теперь эта курица мигом исчезает...

Не отважившись самому написать оркестровку «Водограя» для Сопотского фестиваля, Володя обратился к лучшим оркестровщикам, которые очень не старательно отнеслись к своим обязанностям: отдельные места вышли совсем неинтересными, лишены колорита, особенно плохо прооркестрованы скрипки. Чтобы выйти из затруднительного положения, Володе остается одно: засучить рукава и самому браться за оркестрирование, то есть начинать все сначала. Он так и делает. За три дня все выполняет с такой тщательностью, что ему не стыдно будет перед польскими музыкантами.

Наконец-то выезжают. Володя не отрывается от окна: любит новые пейзажи, людьми, селами, городками. Красивый город Перемишль напоминает ему родные Черновцы. Оттуда едут в Щецин. Володе нравится то, что население относится с симпатией к подсолнухам, их видно всюду: на полях, возле домов, в городских скверах, даже на балконах. Декоративные возможности любимого в народе растения большие, и поляки охотно их используют.

После осмотра города Щецина берут билеты в Гданск, а оттуда добираются на электричке за сорок минут до Сопота. Устраиваются в Гранд-отеле на самом берегу моря. Тут уже есть советские представители: В. Дмитриев (фирма «Мелодия»), композитор М. Скорик, певица Н. Щукайте (Литва), а на следующий день приезжает София Ротару.

София Ротару привозит с собой оркестровку польской песни «Кто-то», ко-

тору то же будет исполнять. Володя просматривает ее и ужасается: она же не выписана, не завершена, страницы не обрезаны, а неаккуратно оборваны. Эта неаккуратность наших оркестровщиков и переписывателей вызывает у него негодование. Но долго негодовать не приходится. Нужно немедленно переделывать чужую халтуру, а времени осталось мало. Завтра же репетиция...

Володя посылает Галю и Софию Михайловну спать, а сам берется переделывать оркестровку. Всю ночь работает в поте чела. В семь утра Галя приходит в его номер и ничуть не удивляется, когда видит, что он не раздетый, спит на не расстеленной кровати, а все партитуры хорошо сложены на столе. Успел все сделать.

В десять часов утра начинается репетиция. Володя волнуется — это очень солидный форум, на него приехали представители нескольких десятков фирм звукозаписи разных стран мира.

Оркестром Лодзинского радио и телевидения, очень солидным по составу, руководит Генрих Дебих. София Ротару приходит на репетицию в надлежащей форме. Она прекрасно умеет держаться. Володя обращается к Генриху Дебиху с просьбой, чтобы он в «Водограе» как можно больше выделил скрипки, которые он, автор, выписал очень хорошо.

Репетиции проводятся в течение трех дней. Володя постоянно присутствует на них, ни одну не пропускает. Ему интересно познакомиться с иностранными солистами, композиторами, песнярами. Некоторые исполнители оказывают на него сильное впечатление, как вот польская певица Ирена Яроцкая, которая отличается прекрасными внешними данными, волшебным голосом, преисполненным драматизма, и безупречным вкусом. Очень понравился и солист из Японии Акиро Фусо.

Володя относится к советской делегации, ему вручают два приглашения — для него и для Гали.

Фестиваль начинается 21 августа 1974 года. В славно известной Лесной опере, которая имеет почти три тысячи мест, собралось много гостей. Есть немало исполнителей, которые идут вне конкурса. Отдельные певцы отличаются хорошим голосом, изысканным репертуаром и удивительными выдумками в одежде.

На следующий день София Ротару, одетая в буковинский народный костюм, исполняет песню «Водограй». Оркестр звучит прекрасно, скрипки, о которых все время волновался Володя, радуют душу, ничто их не заглушает. А София Ротару выглядит чрезвычайно эффектно, оригинально и поет прекрасно, с вознесением. В огромном зале долго гремят аплодисменты многонациональной публики. Володю поздравляют с успехом М. Скорик и почти все его коллеги, члены жури фестиваля.

У Володи спадает напряжение, пропадает волнение. Настроение его светлеет.

Галя рассказывает: *«Мы счастливы, ведь не ожидали такой бурной реакции с боку разных гостей, которые под влиянием песни казались единым живым организмом. Вот какие чудеса может сотворить настоящее искусство. Смотрю на своего брата, 25-летнего врача и композитора, и радуюсь, как ребенок. Из Лесной оперы идем пешком, нам словно не хочется, чтобы гул автобуса и людской шум развеивали или приглушали бесконечное лopotание аплодисментов почти трех тысяч незнакомых поклонников песни. Ведь те аплодисменты — искреннее признание одаренности моего брата, утверждение красоты украинской песни в сознании полностью посторонних людей.*

Собираемся в номере Софии и отмечаем успех «Водограя» дружественным ужином.

В те же дни делаем очень интересное путешествие в городок Мальборно, что за 60 километров от Сопота. Там еще сохранился импозантный средневековый замок. Из Сопота едем в Варшаву. В нашем посольстве участники фестиваля дают большой концерт. София Ротару, которой Володя аккомпанирует на фортепиано, завоевывает и тут большой успех».

После Варшавы Володя останавливается в Кракове, где проводит целую неделю. Посещает исторические места, осматривает памятники культуры и гитлеровский лагерь смерти Освенцим, который оказывает на него гнетущее, страшное впечатление. После осмотра Володя говорит Гале:

— Двадцатое столетие — это пора великих взлетов и падений человеческого духа.

Домой Володя приезжает довольный — он хорошо исполнил свою обязанность перед родной культурой. К этому нужно добавить, что в августе 1977 года на Сопотском международном фестивале снова прозвучит Володина песня «У доли своя весна» («У судьбы своя весна»), тоже в исполнении Софии Ротару.

* * *

... Славный роман О. Гончара «Прапорносії» («Знаменоносцы») вышел в свет в 1947 году и доказал своим появлением, что украинская художественная проза достигла вершин. Миллионы людей были очарованы духовной красотой и мужеством, чувством любви и верности советской молодежи, которая, одев солдатские шинели, пошла защищать не только свою землю, а все поработанные гитлеровцами народы Европы, европейскую цивилизацию.

Для Володи было настоящим праздником то, что в Львовском театре имени М. Заньковецкой Б. Анткв и С. Данченко инсценировали роман «Знаменоносцы» и поручили ему написать музыку к спектаклю. Об этом волнующем в творческой жизни Володи событии вспоминает поэт Р. Кудлик:

«Как-то раз тогдашний режиссер Львовского театра им. М. Заньковецкой Сергей Данченко поделился со мною своим замыслом: он планирует создать спектакль по роману «Знаменоносцы» О. Гончара.

— И нужен мне композитор, — сказал.

— По-моему, в Львове их хватает — хороших и разных...

— А что бы ты сказал, если бы я пригласил Ивасюка?

Меня эта Сергеева идея по-настоящему увлекла. Я пообещал познакомить их, в тот же день разыскал Володю, он был немного взволнован приглашением, но согласился...

Представление еще только готовилась, а песню из нее о полковом знамени (на поэзию военных лет Олеса Гончара) уже напевали все актеры, занятые и не занятые в спектакле. И то не на репетициях, а так, для себя. От актера Юрки Брилинского ее услышали и мы, писатели и художники, песня была какая-то солнечно чистая, неповторимая своей торжественностью и лиризмом, сразу запоминалась, и мы с нетерпением ждали представления.

Спектакль прошел с триумфом. И игра актеров, и режиссерская интерпретация и, прежде всего само произведение О. Гончара — все волновало, трогало. Но все-таки больше всего — музыка Владимира Ивасюка. Без нее спектакля не представляю...»

Поэт Р. Лубковский в рецензии «Знаменосцы победы», помещенной в газете «Литературная Украина» 18 апреля 1975 года, писал:

«Глубоко оригинальную, волнующую музыку к представлению создал молодой талантливый композитор Владимир Ивасюк. Достижением его является также песня, написанная на текст стихотворения О. Гончара «Знамено полку» («Знамя полка»). Красноречива судьба этого произведения, с которого, собственно, и начался победный ход «Знаменосцев».

* * *

... Володя любит одиночество только тогда, когда работает над своими произведениями, а когда свободен от них, то всегда стремится к друзьям, без каких, по его словам, жизнь превратилась бы в пустыню. С особенной нежностью рассказывает о своем близком земляке, прекрасном киноактере Иване Миколайчуке, который происходит из села Чортории Кицманского района. Володя часто навещает его в Киеве, радуется успехам артиста, взволновавшего его своими ролями — особенно Тараса Шевченко из фильма «Сон» и Иванка из «Теней забытых предков».

Вот Володя и Галя звонят к Миколайчукам. Их приглашают в гости. Они проводят незабываемый день в чисто буковинском духе. Мария Евгеньевна, жена Ивана, тоже буковинка, тоже из Кицманского района. Она прекрасная мастерица буковинской кухни. Иван Васильевич приятный в обществе, веселый и неутомимый рассказчик о своих встречах с разными людьми, а также о замыслах, планах, поездках, творческих поисках. Разговор еще больше оживает, когда приходит артист Иван Гаврилюк со своими неисчерпаемыми запасами веселых историй из жизни артистов кино. Все с удовольствием поют украинские народные песни. Володя знает их бесчисленное множество, ведь он же, можно сказать, с самого детства записывает их. Кроме того, имеет чуть ли не пол сотни песен, записанных в тридцатые годы буковинцем Федором Димурияком. Иван просто-таки ошеломлен красотой этих народных произведений и задушевым пением Володи, особенно тогда, когда его поддерживает Мария Евгеньевна, профессиональная певица.

Когда идет речь о кинематографе, Володя высказывает свое удивление, что украинские мультипликаторы обходят с равнодушием такие литературные шедевры, как «Лис Микита» («Лис Никита») и «Абу-Касимові капці» («Тапочки Абу-Касима») Ивана Франко.

— Можно сделать роскошные сериалы, — говорит Володя с увлечением. — Они бы освободили экраны телевизоров от киносерятины.

Иван хлопает в ладони, как мальчишка:

— Прекрасная находка, Володя!

Володя задумывается и ведет дальше:

— Часто говорим дома о том, что Борис Гринченко оставил глубокий след в нашей культуре. Светлая личность, удивительный человек и писатель. Почему-то доньше нет более-менее полной биографии этого великого трудолюбца. А о его единственной дочери Насте тоже очень мало написано, хотя она, молодая писательница и революционерка, относилась к сильным, мужественным личностям, воспетых Лесей Украинкой. Кто об этом знает? Наследники цепляются к каким-то мелким грешкам Бориса Гринченко. А кто на земле живет без грехов? Когда вырасту и наберусь немного сил, то, ей-богу, напишу оперу о Насте Гринченко.

Володю просто-таки волновал образ мужественной девушки. В разговорах он часто вспоминал ее с трепетным уважением, надеясь, что кто-то из творцов заинтересуется этой личностью.

Володю привлекает талантливая молодежь, которая считает творчество жизненной необходимостью, призванием, тяжелой, изнурительной работой. Он относится к ним с уважением, называет их своими друзьями, побратимами.

В последние годы своей жизни он налаживает хорошие отношения и творческое сотрудничество с талантливым писателем и фольклористом Степаном Пушиком, увлекается его поэзией, читает ее с большим интересом и искренним удовольствием. Начинает писать песни на тексты его стихотворений. Часто навещает в Ивано-Франковск, бывает в семье друга, где ведутся пылкие, бесконечные разговоры о Гуцульщине, фольклоре, современной поэзии и песне. Володя видит в новом друге своего единомышленника, дарит ему свои пластинки, ценит его мысли и советы.

Таким же хорошим другом был ему и молодой певец, выпускник Консерватории им. Н. В. Лысенко, ныне солист Львовского оперного театра Игорь Кушплер. Володя любил его прекрасный голос и стремился познакомиться с ним широкие круги поклонников пения.

Игорь Федорович внимательно присматривался ко всему, что касается Володи, и изложил свои мысли и наблюдения в проникновенных воспоминаниях, из которых мы цитируем небольшой фрагмент:

«Владимир Ивасюк... Это имя стало для меня символом доброты бесконечно щедрой и благородной души. Это — воплощение таланта и трудолюбия...

... Это было осень 1978 года. Володю пригласили на слет творческой молодежи в Киев. Там должны были исполнять несколько его произведений, а именно «Нам покой, друг, только снится» (сл. Р. Кудлика) «Літо пізніх жоржин» («Лето поздних георгин», сл. Р. Братуня), «Рождение дня» (сл. А. Дементьева) и «Сюиту для камерного оркестра», над которой он очень старательно работал. Это произведение должен был исполнять киевский оркестр под руководством С. Шароева, а на исполнение песен Володя пригласил меня. Я был очень взволнован.

Мы приехали в Киев за два дня до открытия слета и сразу пошли на репетицию Киевского камерного оркестра, где как раз шла работа над Володиной «Сюитой». Это произведение он слышал впервые в живом исполнении и был очень взволнован. Сюита мне понравилась своей интонационной свежестью. Музыка рисовала карпатский утренний пейзаж со звонкими ручьями и пахучими равнинами.

День прошел в организационных делах, а на утро следующего дня была назначена репетиция с симфоническим оркестром, на которую мы были обязаны представить партитуры названных песен. К вечеру мы вернулись с Володей в гостиницу.

— Отдохнем, Володя, ведь завтра нас ждет беспокойство.

Володя скептически улыбнулся и сказал:

— Я так заработался над «Сюитой», что не успел сделать оркестровку для песни «Нам покой, друг, только снится».

— Тогда ограничимся только двумя песнями — фортепиано ж теперь нигде уже не найдешь, и за такое короткое время невозможно написать оркестровку и выписать голоса.

— Я же обещал... Ты сам слышал. Завтра будут ждать, и какой вид будут иметь? Это же серьезные люди... Ты, друг, ложись спать, ведь тебе завтра нужно быть в форме. Сон для певца много значит. Повтори музыкальный текст и ложись. А я сажусь за работу...

— Инструмента же нет, — как ты будешь писать, Володя?

Он снова улыбается.

— Что же, будем без инструмента...

Я удивленно посмотрел на него. Он пошел в другую комнату, где вынул из вместительного портфеля все необходимое для работы — нотную бумагу, карандаши, ручки с черными чернилами, резинками, лезвия.

Все разложил так, чтобы было под руками, чтобы во время творческого горения не отвлекаться и не рассеивать свои мысли. Честно говоря, я не верил в его затею. Как можно без фортепиано написать оркестровую партитуру для 80-ти инструментов, и так, чтобы было все слаженно?

Утром просыпаюсь и захожу в его комнату. Вижу: на диване, на стульях, на паркете раскиданные белые листочки бумаги, покрытые нотными значками. Это уже была музыка — плод его бессонной ночи. А он дальше пишет, не обращая на меня внимания. Потом все-таки на мгновение оторвал взгляд от партитуры, взглянул на меня... Лицо его утомленное, глаза пылали. Он был еще в плену своей музыки, в мире неизвестной нам красоты, куда суждено проникать только людям творческого призвания.

Володя словно проснулся ото сна и сказал просто, как о чем-то обычном:

— Партитура уже готова.

Я стал на колени и начал рассматривать бумажки:

— Это страшный труд. Разве можно так изнурять себя? У тебя еще все впереди. Зачем так спешишь?

Володя задумался и прочитал слова из стихотворения Р. Кудлика:

Нам спокій, друже, тільки сниться,
Поглянь же, днина золота.
Пшеничне поле колоситься,
Гагарін землю обліта.

Пришли на репетицию. Разложили ноты. Оркестр сыграл всю партитуру... Я поражен — не было ни одной ошибки. И какая музыка, какая игра музыкальных красок!

Вечером состоялся концерт. Песня исполнялась впервые и завоевала похвальную оценку музыкальной критики...»

Игорь Кушплер так характеризует произведения Володи:

«Он писал не просто песню с запевом и припевом, а целые музыкально-драматические сцены. Иногда трудно понять, что же главное: слово, мелодическая линия или оркестровая гама. Все это у него переплетается, взаимно дополняется, создавая единую драматургическую линию. Мы с друзьями часто называли его украинским Шубертом. Вслушайтесь в его «Балладу о мальвах». Сколько нежности и драматизма звучит в виолончели и сколько динамики в мелодичной линии соло!

Я счастлив, что судьба моя коснулась этого выдающегося таланта».

Раздел двадцать второй

Я знал, что на протяжении года Володя был очень занят всякими делами, крутился, как он говорил, как муха в кипятке. Мне приходилось думать о его отдыхе, который он любил проводить на лоне природы или на берегу моря, среди интересных людей. Он привык к литераторам и полюбил еще с Черновцов их общество. Считал их людьми утонченного интеллекта. Они всегда, правда, относились к нему с симпатией и глубоким пониманием того культурного дела, которое он делал, поддерживали его морально, всегда были готовы защитить от завистливых обывателей. В их среде он прекрасно себя чувствовал. А это подталкивало его внимательно следить за всем, что творилось в этой среде, и за всем стоящим, выходящим из-под пера украинских писателей. Он понимал, что литераторы, а именно поэты, это те люди, которые помогут ему реализовать творческие замыслы, которые он вынашивал. Ему было интересно, легко, весело с ними.

Летом 1976 года я собирался провести несколько недель в Доме творчества в Гаграх и решил приобрести путевку и для Володи. Он дал согласие поехать в Гагры, но без путевки, потому что не хотел быть связанным с хорошо сложенным режимом, чтобы не набирать ненужных ему килограммов. Наоборот, он хотел похудеть на два-три килограмма. Мы с матерью потакали и этому его желанию.

Вместе с Володей прибыли туда и дочка Галя со своим мужем Любомиром. Они все трое сняли жилье в городе. Я с женой и дочкой Оксаной имел комнату в Доме творчества. Мы проводили все вместе свое время на пляже, который расположился перед нашими окнами. На концерты, литературные вечера и в кино тоже ходили вместе.

В Гаграх воздух прекрасный, парк импонировал нам своей южной растительностью, недалеко хмурился темный лес, который словно дышал на нас приятной прохладой. Но тамошний пляж разочаровал нас полностью. Он покрыт такими камнями, что босым не пройдешь по ним. Этим, наверное, объясняется то, что тут почти не было украинских литераторов, привыкших в несравненным пляжам на побережье Черного и Азовского морей. Наверное, не хотели, чтобы в их бока впивалась острая жесткость.

В Гаграх Володе повезло. Тут он познакомился с Виталием Григорьевичем Дончиком и его очаровательной женой Евгенией Андреевной. Они тоже отдыхали в Гаграх со своими сыновьями Максимом и Андрейкой. Семейная чета Дончиков делилась с нами последними киевскими литературными новостями, рассказывала о новых книгах, которые стоит приобрести, о разных собраниях писателей и всяких литературных страстях. О Виталии Григорьевиче, светлой личности, интеллектуале высокой пробы и талантливом критике и историка литературы, мы часто вели разговоры в семье. Меня познакомил с ним Роман Андрияшик на одном из съездов писателей. О нем всегда ходила добрая слава, как о честном светлом и весьма эрудированном человеке.

Дни, проведенные Володей в обществе Виталия Дончика, остались незабываемыми в его памяти и сердце. После того он часто встречался с ним в Киеве и принимал его в своем львовском доме.

Мы с женой выехали в Мариуполь, а Володя с Оксаной, Галей и Любомиром

остались в Гаграх.

Окончив это трехнедельное пребывание в Гаграх, Володя с Оксаной поехали в Крым. Остановились на один день в Феодосии, а оттуда отправились в Коктебель, где задержались недолго — их влекла Долина Роз, которая раскинулась у подножия Карадага, самой высокой крымской горы. Расположились на берегу моря, чтобы отдохнуть еще две недели под голубым небом, пекущим солнцем и в волнах чистой морской воды. Володя, как всегда, искал хотя бы на несколько дней одиночество. Оно бывало нужным, словно приносило ему какую-то отраду или радостные минуты самоуглубления. С ним так часто бывало. Иногда мог веселиться как беззаботный юноша, а потом неожиданно замкнуться в себе и поддаться власти собственных замыслов. Но у подножия Карадага он не нашел желанного уединения. Вблизи их палатки расположились четыре девушки, которые, как потом выяснилось, штудировали архитектуру в одном из московских вузов, а сами они были харьковчанками. Эти девушки быстро узнали Володю — песни его были им известны, а его запомнили по телевизионным передачам. Не прошло и дня, как они сблизилась, почувствовали потребность общаться, нашли интересную тему. Конечно, между ними возникла взаимная симпатия. Эти красивые девушки были очень неплохими художницами. У них были альбомы, акварели, цветные карандаши. Они долго терпеливо просиживали на пекущем солнце, чтобы загореть, как следует, и с удовольствием рисовали людей и морские пейзажи. Недалеко разбила лагерь небольшая группа со своими палатками. Одна с девчат нарисовала портрет Володи и забрала его с собой, а второй, подаренный Володе, к сожалению, не сохранился. Кажется, что Володя кому-то подарил его в своих дальнейших путешествиях. Но он, правда, не остался у них в долгу. Он тоже показал, что орудует кисточкой не хуже, чем смычком. Он выполнил портреты этих девчат и четыре морских пейзажа, которые оказались, наверное, в Харькове. Тогда же он создал и портрет Оксаны, который и доныне хранится в нашей семье, как дорогая реликвия.

Володя каждый день плавал по два-три часа. Любил ловить рыбу для их ежедневного меню. Ходил на базар за продуктами и все-таки уединялся. Что-то писал на нотной бумаге. Сестра Оксана, которая была вместе с ним, вспоминает: *«На протяжении всех дней, проведенных вместе с ним, я не помню, чтобы он был без работы, чтобы убивал время. Если не ловил рыбу, то просиживал с девчатами за интересными разговорами, или книжку читал, или что-то писал на нотной бумаге. Я видела, что он в плену какого-то замысла, но не спрашивала ни о чем, надеясь, что он поделится со мной своими мыслями так, как это всегда делал в нашей семье. А он умел это делать очень хорошо».*

В самом деле, Володя осознавал то, что скоро его учеба в консерватории закончится, нужно будет сдавать государственные экзамены и защищать дипломную работу. И вот он решил написать произведение большой формы, которое можно исполнять со сцены и считать дипломной работой. Он начал обдумывать оперу на два действия и две картины. Она должна быть остро сюжетной, интересной человеческими характерами, драматически напряженной. Ее музыка должна пленить сердца слушателей. А как достигнуть этого? Она должна быть яркая, лишенная мелодических штампов, преисполнена свежести и оригинальности.

Сюжет для оперы «Дарина» Володя уже имел. Он прочитал «Думу о княгине-кобзаря» («Думу о княгине-кобзаре») Б. Гринченко и пьесу «Княгиня Любовь» («Княгиня Любовь») С. Яричевского и пришел к выводу, что лучшей темы он нигде не найдет и сюжета напряженнее ему и не нужно искать. Нужно только написать либретто... И он начал его обдумывать, вынашивать. В произведении идет речь о

пылкой любви русинского князя и простой девушки Дарины. Действие начинается с их свадьбы. Когда она была в разгаре, а князь пребывал на седьмом небе от счастья, гонец принес ему страшную весть о том, что золотоордынцы напали на украинскую землю. Одних людей они убивают, других берут в плен, уничтожают села, оставляя за собой только пепелища и пустошь.

Князь без наименьших колебаний надевает на себя рыцарское обмундирование, прощается с молодой женой и идет защищать украинскую землю от поработителей.

Во время битвы с врагами князь попадает в плен.

Молодая княгиня Дарина с болью переносит это несчастье — не может смириться с тем, что и любимый муж мучится в неволе. Она решает освободить его. Для этого переодевается в парня-певца и мчится, как ветер, на своем коне в далекий Крым. Там она очаровывает татарского хана своими украинскими песнями. Властелин Крыма, пораженный их красотой, говорит певцу:

— Я хочу наградить тебя за то, что ты развлекал меня своими волшебными песнями. Проси у меня все, чего желает твоя душа, и я исполню твою просьбу.

— Подари мне какого-нибудь невольника, — ответил парень-певец.

— Выбирай того, который тебе нравится. Дарина взяла за руку своего князя.

— Этого, — сказала...

Хан колеблется какое-то мгновение, но не ломает своего обещания. Отдает певцу избранника, за которого мог получить большой выкуп.

Когда они оказываются в степи, княгиня-певец покидает мужа и мчится как можно быстрее в княжеский дворец. Там боярство вершит суд над княгиней, обвиняя ее в измене своего мужа, и требует ее казни. Но князь прибывает вовремя, перед ним предстает певец-спаситель, и все стает на свои места.

Как видим, тема произведения — это патриотизм женщины-украинки, ее преданность родному краю и своей семье. Через все произведение проводится идея о том, что сила духа превращает кровожадного хищника в человека, пробуждает в нем благородную суть. Это победа высокой духовности над людским злом, света над тьмой.

Произведение своеобразно и тем, что исполнители будут раскрывать тему при помощи больших и малых арий, которых должно было быть в опере сорок.

В этих песнях-ариях должны были помещаться элементы диалога и их идейный смысл — это величие любви, красота и благородство подвига верности любимому человеку и родной земле. Говоря другими словами, это должна была быть опера-концерт. Песни к ней должны были писать, по мнению Володи, поэты Р. Братунь, Р. Кудлик и С. Пушик...

Но Володя допустил досадную неосторожность. Подробный план-конспект этой оперы он показал своему педагогу А. И. Кос-Анатольскому. Тот выслушал своего студента и взял план будущего либретто с собой, прочитал его. Следующее занятие посвятил разбору его содержания. Он положил машинопись этой работы перед Володей и сказал категорическим тоном:

— Это — ваша фантазия.

— Нет, Анатолий Иосифович, не только моя, а и Бориса Гринченко и Сильвестра Яричевского. В конце концов, это хорошо, что в этом есть фантазия, ведь художественное произведение лишенное авторской фантазии, менее ценно, оно не может волновать людей.

— А я вам не советую засорять себе голову стариной. Сюжет хороший, но за него не беритесь. Он вам принесет только разочарование.

— В нем будет, по моим расчетам, сорок песен, а в жанре песни, романса, баллады я кое-что понимаю и способен уже сделать все так, чтобы не разочаровываться.

— Вы — человек нескромный, а ваши прожекты меня бесят. Люди как люди, а вы пиhaетесь в какую-то оперу-концерт... Гонка за новаторством? Рановато...

— Мое произведение даст возможность зрителю послушать песни, следить за разворачиванием действия, любоваться на протяжении двух часов душевной чистотой благородных людей. Это будет глубоко патриотичное произведение. В будущем оно сможет стать моей дипломной работой. От такой музыкальной штуки наш современник не станет шарaxаться.

— Вы правы, она будет лежать неподвижно в вашем ящике, — сказал Анатолий Иосифович с иронией и недобрыми намеками...

Володя не обратил внимания на иронию своего педагога и добавил:

— Насколько мне известно, такого подвида оперы еще не было, по крайней мере, у нас, в Украине.

— У нас нет порядочной традиционной оперы, а вы хотите морочить голову людям всякими новациями.

— Без новаций искусство не может существовать.

А. И. Кос-Анатольский плохо относился к Володе. Бывали дни, когда он прохаживал по аудитории и высказывал свои предлинные тирады, преисполненные откровенно недоброжелательности и лишённые элементарной тактичности.

Володя, хотя и был страшно недоволен и оскорблен, не проявлял самой незначительной неучливости и протеста против таких отношений. Наоборот, устно и письменно высказывал весьма позитивные мысли о своем учителе. Не было случая, чтобы Володя проявил какое-то неуважение к нему. Например, в небольшой статье, напечатанной в апреле 1973 года в газете «Вести с Украины», он писал: *«Мне посчастливилось учиться в классе известного украинского композитора, народного артиста УССР А. Кос-Анатольского. Этот мастер — великий знаток фольклора, прекрасный музыкант, и занятия у него обязывают к ежедневному усовершенствованию мастерства. Я чувствую, что за один только год много чему научился, вообще, могу сказать: каждое занятие — это настоящее открытие».*

Володя часто вспоминал тот разговор с преподавателем и жалел, что поделился с ним своим замыслом о написании оперы «Дарина». Он хорошо понимал злость А. И. Кос-Анатольского, после спектакля по роману О. Гончара «Знаменосцы», к которому Володя написал музыку, неблагоприятность преподавателя еще больше обострилась.

Такие взаимоотношения не могли способствовать решению каких-нибудь учебно-творческих проблем. Анатолий Иосифович злоупотреблял деликатностью и тактичностью студента, пытался перечеркнуть все, сделанное молодым композитором в жанре песни, в котором студент уже утвердился как оригинальный мастер. Старался даже принизить его за колоссальный успех у своей многомиллионной аудитории.

Володя часто рассказывал мне о беспардонности А. И. Кос-Анатольского. Я успокаивал его, ссылаясь на то, что Анатолий Иосифович доцент, что тоже имеет овода, которого он при первом лучшем случае показывает своим студентам. Володя иногда раскрывал передо мной то, что держал в тайне. В минуты откровенности Володя словно выплескивал всю правду:

— У него я не беру никаких знаний. Он ничего не знает или не хочет поделиться со мной своими знаниями.

Я не мог ответить ему ничего со смыслом. Примирительным тоном отвечал:

— Об этом могут дать ответ только те композиторы, которые учились у него.

— В консерватории рассказывают, что у него не было ни одного выпускника. Все своевременно покидали его. Ораторское искусство педагога не интересовало их.

О творчестве Володи часто говорилось в прессе. На протяжении всех лет отклики были хвалебные. В Украине его любили, относились уважительно к его имени. Он был любимцем интеллигенции, учеников средних школ, студентов, сельской и рабочей молодежи. Его отрицали или просто игнорировали украинские музыканты, кроме нескольких лиц, особенно киевские. Но нельзя скрывать и того, что в отчетном докладе VI съезду композиторов Украины, опубликованном 31 января 1974 года в газете «Культура и жизнь», А. Я. Штогаренко ведет речь и о песни, останавливается также на новом направлении представленном молодыми композиторами Украины. Он отмечает: *«Своими путями развивается в наше время и лирическая песня. Это — и продолжение типичного для украинской музыки жанра песни, романса... Это также жанр, который наследует формы и ритм современной эстрадной музыки, использует некоторые современные приемы ансамблевого пения и музицирования. На этом грунте родилось интересное направление современной лирической песни, образцами которой являются произведения В. Ивасюка, В. Ильина, И. Поклада, Э. Ханка. В лучших из них мы видим попытки соединить эстрадный стиль с интонациями народной песенности»*.

Атмосфера в консерватории сгущалась, ставала тяжелой для Володи, иногда и нестерпимой. Володя волновался, был разочарован. Володе было трудно посещать занятия у А. И. Кос-Анатольского, к которому присоединился и дополнил его своей злобностью другой член Союза композиторов — В. В. Флис, который ведал учебной работой консерватории. Он тоже не скрывал своего недовольства успехами Володи вне консерватории. Володя чувствовал себя плохо, но не останавливал работу над своими произведениями. На заказ театра г. Дрогобыча он пишет музыку к спектаклю «Мезозойская история» по пьесе Рустема Ибрагимбекова и тоже завоевывает успех у зрителей. Об этом ведет речь поэт Богдан Стельмах в своих воспоминаниях:

«Помню, как Володя приехал ко мне в Дрогобыч, когда я еще работал в областном музыкально-драматическом театре им. Ивана Франко. Ставилась «Мезозойская история». Нужно было написать музыку. На то время Володя написал музыку к постановке «Знаменоносцев» в театре имени Марии Заньковецкой. Тогда я впервые узнал, что Володя играет на скрипке.

Он написал музыку к постановке, а песня из нее «Запроси мене у сны» («Пригласи меня в сны») стала широко известной. Когда ему предложили договор с театром, чтобы получить гонорар за работу, он отказался, сказав, что музыку писал на мою просьбу. Не о себе он заботился. Не для того творил, чтобы на волнах песен взлететь к славе. А чтобы обогатить родную культуру».

Это развеяло в некоторой мере плохое настроение Володи. В то же время он пишет еще несколько вокальных произведений — «Отцовская баллада», «Баллада про отчий дім» («Баллада об отцовском доме») и еще несколько песен, среди которых выделяется «Песня о тебе» (слова Р. Братуня), которая является вдохновенным признанием в любви к своей матери — Украине.

Тогда же сдает в издательство «Музыкальная Украина» сборник песен, в который входят такие произведения: «Признание» (сл. Р. Кудлика), «Баллада о маль-

вах» (сл. Б. Гуры), «Только раз цветет любовь» (сл. Б. Стельмаха), «Даль» (сл. Д. Павлычко), «Кленовый огонь» (сл. В. Ивасюка и Ю. Рыбчинского), «Пригласи меня в сны» (сл. Б. Стельмаха), «Баллада о двух скрипках» (сл. В. Марсюка) и «Під селом Бояни» («Под селом Бояны», сл. А. Соловьева).

Этот сборник укрепил еще более доброе имя молодого композитора, его яркий профессионализм, вопреки распространяемому слову «самодеятельник», которое цепляли на Володю как ярлык неполноценности. Это делали в то время бесперспективные профессионалы, о которых народ не знал, потому что нигде не слышал их произведений.

На протяжении нескольких дней книжки Володи не стало в книжных магазинах, а это свидетельствовало о живом интересе поклонников украинской музыкальной культуры.

С этой публикацией песен связаны тяжелые переживания Володи. В издательской рецензии композитор Игорь Шамо, который всегда почему-то дышал огнем на молодого коллегу, перечеркнул сборник, не рекомендовал его к изданию. Володе особенно больно было от его слов, сказанных в кругу киевских композиторов: «Этот гуцул стал нам поперек дороги, но мы его уберем...» Те слова дошли до ушей Володи. Он возмутился:

— Кому же я стал поперек дороги? Кому мешаю написать «Девятую симфонию» или «Месячную сонату»? Разве я когда-то мешал украинской молодежи увлекаться творчеством Игоря Шамо или кого-то из его титулованных коллег? Чего они цепляются ко мне? Почему Шамо мне угрожает, словно у него монополия на украинскую песню?

— А ты спокойно реагируй на эти неумные слова, — сказала мать. — Наш мир такой, что ты не раз услышишь что-то подобное.

— Я мог бы не реагировать тогда, когда бы их высказал грамотный обыватель, а не известный композитор, песни которого с удовольствием исполняет один из самых великих современных певцов Дмитрий Гнатюк. Правда, такое поведение возможно только у нас, в Украине.

Первый сборник вышел в свет благодаря здравому смыслу и порядочности работников издательства «Музыкальная Украина». Она приподняла дух Володи, влила в него бодрости, и он начал работать с удвоенной энергией. Почти одновременно с книжкой во всесоюзной фирме «Мелодия» появляется и прекрасная пластинка-гигант «Песни Владимира Ивасюка поет София Ротару». Она состоит, как и сборник произведений, из новых песен, написанных преимущественно в Львове. Это такие: «Я — твоё крыло» (сл. Р. Кудлика), «Баллада о мальвах» (сл. Б. Гуры), «Песня будет среди нас» (сл. В. Ивасюка), «У судьбы своя весна» (сл. Ю. Рыбчинского) «Колиска вітру» («Колыбель ветра», сл. Б. Стельмаха), «Только раз цветет любовь» (сл. Б. Стельмаха), «Кленовый огонь» (сл. В. Ивасюка и Ю. Рыбчинского) «Пригласи меня в сны» (сл. Б. Стельмаха), «Два перстня» (сл. В. Ивасюка), «Даль» (сл. Д. Павлычко), «Песня о тебе» (сл. Р. Братуня).

Чтобы выпустить в свет эту яркую пластинку нужно было приложить сверхчеловеческие усилия — подготовить законченные записи, а для этого Володя был вынужден находиться много дней в Киеве.

Когда Володя получил пластинку, он долго ее рассматривал, любовался нею, гладил ее, как ребенка. Он сказал не без гордости:

— Иногда тешит осознание того, что в людские дома попадет и от меня немного света. Не напрасны мои усилия.

Он тешился, как юноша, которому посчастливилось держать в руках вещь,

о которой он мечтал много лет. Однако его радость была омрачена коротким сообщением, полученным по почте из Львовской консерватории им. Н. Лысенко. В нем шла речь о том, что Володя, студент композиторского отделения, исключен из консерватории за пропуски занятий.

Володя ничего не сказал мне об этом сообщении, не знал о нем и его ближайший приятель и соавтор Р. Братунь.

У Володи начинались головные боли, похожие на те, которые были у него в десятом классе, когда он мечтал о золотой медали и жестоко был ее лишен. Была похожа и на ту боль, когда он блестяще сдал вступительный экзамен в Черновицкий медицинский институт, а ректор этого вуза О. Д. Юхимец объявил его преступником и устроил ему жестокую расправу в присутствии переполненного людьми зала... Теперь в консерватории повторили в третий раз подобную расправу. Володе нужно было отдохнуть, и он потерял сон. Нужно было успокоить отчаяние.

Володя лег в больницу, где пролежал несколько недель. Там он вылечился, отошел от консерваторского удара. Выписавшись, поехал с матерью в курортный город Трускавец, чтобы попить целебной воды и уравновесить свое настроение. Там они проживали в гостинице. Володя словно потерялся среди многочисленной человеческой толпы. Прохаживаясь улицами Трускавца, часто разговаривал с незнакомыми и знакомыми людьми, и то общение заставило его забыть консерваторские неприятности. Иногда он уединялся, долго просиживал за столом или лежал на диване, читая романы Дюма и Дрюона, которые очень любил, заседал нотную бумагу нотами, которые позже, за инструментом, ставали новыми песнями.

После почти месячного пребывания в Трускавце Володя вернулся во Львов и начал готовиться с матерью к продолжительному путешествию по Украине.

Они остановились на несколько дней в Киеве. Там побывали в оперном театре, в нескольких кинотеатрах и концертах. После этого их ожидало любимое путешествие по Днепру. Добрались «Ракетой» до Канева, где тоже остановились в гостинице, неподалеку от музея Тараса Шевченко. Провели там целую неделю. Володя чувствовал себя очень хорошо.

После подробного ознакомления с музеем гениального поэта и прогулок по Каневу они поехали по Шевченковским местам. Надеялись, что увидят что-то прекрасное, упорядоченное по всем законам европейской цивилизованности, но горько разочаровались: все было заброшено. Володя говорил матери с недовольством:

— Мне приходилось читать немало книг великих поэтов мира, но среди них я не встречал такого трагического, тревожащего бунтаря, протестанта, как Тарас Шевченко. На фоне мировой культуры он выглядит уникальным, непревзойденным гением. Он — поэт каждого отдельного украинца и одновременно всего украинского народа с его красотой, борьбой и трагедиями. Настоящий вождь, великий законодатель в царстве национального духа. Он разбудил Украину, наделяя ее чувством национального достоинства и давая ей перспективу и силу для борьбы. А мы? Кричим, что самые прогрессивные в мире, а села, связанные с именем Шевченко, в таком виде, что на них тяжело смотреть. Нет, мы не умеем ценить свою совесть.

Тогда же Володя захотел посетить Запорожье и побывать на родине своей матери. К сожалению, увидеть Хортицу во всей ее красе им не удалось. Там проводились вечные ремонты, а это было причиной того, что Володя не вынес много

впечатлений, хотя и был глубоко взволнован, ведь всю жизнь читал с жадностью художественные произведения, посвященные казачеству.

Из запорожского края они перебрались на Херсонщину. В первую очередь Володя хотел увидеть село Британы, где мать закончила десятилетку, чтобы вступить в Херсонский педагогический институт. Володя очень интересовался всеми подробностями маминого детства и юности, бытом дедушки и бабушки и всей семьи в трагические тридцатые годы.

Утомившись от путешествий по родной земле, они охотно поехали в Бердянск, где ждала приветливая семья Евдокии Гулевской, родной сестры жены. Там был прекрасный пляж, ласковое Азовское море. На улице Щербакова, 13, Володя прекрасно отдохнул, прочитал огромное множество книжек. В библиотеке, построенной «На горе» (так называли степную часть Бердянска) он прочитал много поэтических сборников. Искал стихотворения, которые можно превратить в песни, романсы. Володя был спокоен, его же восстановили в консерватории, и он знал, что его там ждет Лешек Зигмундович Мазепа, человек большой внутренней культуры, искренней души и больших знаний. О нем ему рассказывали немало хорошего...

Володя любил юг Украины, в частности, Запорожскую область. Эта любовь ярко отразилась в его «Балладе о двух скрипках», где он очень удачно объединяет два мелоса — надднепрянский и западноукраинский, гуцульский. Мелодия «Баллады...» раскованная, широкая, как украинская степь, а аккомпанемент к ней — цимбалы с печальными интонациями.

Родному Бердянску он также посвятил песню «Корабли, корабли...»:

Кораблі, кораблі,
В золотистій імлі,
Ви у долю мою,
Як в легенду, ввійшли.
Ви повік принесли
У кохання і сни
Дивний клекіт весни,
Кораблі.

Из этого незабываемого путешествия Володя вернулся полон физических и моральных сил. Он с присущим ему энтузиазмом снова нырнул в свое творчество и учебу.

Раздел двадцать третий

Володю восстановили в консерватории. К нему вернулась бодрость, и он относился с юмором ко всему, что приходилось ему пережить. На протяжении лета отдохнул, набрался сил, начитался, а теперь с нескрываемой радостью идет к Лешеку Зигмундовичу Мазепе, с которым начинаются серьезные и продуктивные занятия.

Володя напряженно работает — старается усвоить то, что пропустил, и сдать несколько экзаменов и зачетов. За короткое время ликвидирует свою академзадолженность — летняя же экзаменационная сессия была пропущена. Но все это не мешает ему развернуть активную творческую работу. Пишет несколько новых песен и инструментальных произведений.

Володя активно работает над своими инструментальными произведениями — этого требует его теперешняя ситуация и учебная программа. Хотелось также разнообразить жанрово свое творчество. В течение одной недели пишет «Сюиту-варіації» («Сюиту-вариации») на тему украинской народной песни «Сухая верба». Это произведение принесло ему некоторый успех. Его исполнил камерный оркестр Львовской консерватории. Позже — в середине 80-х — его будет исполнять с успехом и камерный оркестр филармонии города Ровно под дирижированием Богдана Депо. Пьеса пронизана выразительным, волнующим драматизмом.

Успех «Сюиты-вариации» подбодрил Володю, который скоро пишет пьесы для двух скрипок и фортепиано, потом «Мелодію» («Мелодию»), отличающуюся глубоким лиризмом. Володя с удовольствием играл ее. Кроме этих инструментальных произведений Володя пишет целый ряд песен на слова своего старшего друга поэта Р. Братуня. Эти песни имеют резко выраженный публицистический характер. Это такие: «Братерське коло» («Братский круг»), «Зустрічайте мене» («Встречайте меня») — первая часть кантаты, в которой идет речь о любви поэта к родной земле и украинскому народу. Правда, под давлением разных заданий и неотложных работ в консерватории Володя отложил работу над двумя остальными частями.

«Юношеская баллада» посвящена памяти украинского поэта Николая Шпака, брата Неонилы Николаевны Братунь.

Эта прекрасная элегия часто исполнялась по украинскому радио и оказывала сильное впечатление на слушателей.

Приятным событием было и то, что министерство культуры УССР заказало Володе кантату на слова Павла Тычины и Максима Рыльского. Даже заплатили ему аванс одну тысячу рублей. Это подняло еще больше дух Володи. Он со всей серьезностью относится к этому заказу. С требовательностью, даже тщательностью подбирает тексты поэтов, а потом много времени проводит за инструментом. Мать, которая жила с ним оберегает его работу от телефонных звонков и гостей, которые своими разговорами часто отвлекали его внимание.

Володя старательно посещает все занятия в консерватории, готовится к ним, а в минуты отдыха читает, ходит в кино и оперный театр. Но ни на мгновение не забывает о реализацию своих замыслов. Пишет все новые и новые песни. Чувствуется какая-то жадность к ним. На слова Р. Братуня создает несколько ли-

рических песен и романсов «Огни Львова», «День с тобой», «Зимняя сказка», «У тебя лишь раннее лето», «Незванная моя любовь», «Ноктюрн осеннего города». Эти лирические произведения просто-таки украшают творческий задел Володи.

Нас тешил его светлый оптимизм и почти ненасытная жажда работы. В этот период Лешек Зигмундович занимает значительное место в моральной и творческой жизни Володи. Значительной поддержкой для сына было и то, что в те тяжелые месяцы его посещали писатели Ирина Вильде, Степан Трофимук, Степан Пушик, Богдан Стельмах, Роман Кудлик. А Ростислав Братунь навещался чуть ли не каждый день. Во время своих встреч начерчивали новые планы сотрудничества, которые стимулировали постоянно Володино трудолюбие.

Володя охотно демонстрировал свои успехи перед Ириной Вильде и Степаном Трофимуком. Садился за пианино и проигрывал свои песни, романсы, баллады. Много импровизировал, крутил свои магнитофонные записи. Я посматривал на него сбоку и думал о том, что он не безразличен к тому, что скажет о нем славная семидесятилетняя писательница и искренний друг, преисполненный гордости за него, Степан Трофимук.

Взаимоотношения с Ириной Вильде были очень хорошие, писательница перед несколькими своими путешествиями на Буковину или в Карпаты брала взаймы у него деньги, которые возвращала в точно назначенный день. Свое же глубокое уважение к Ирине Вильде он не скрывал, всегда с теплом сына целовал ее обе руки, а она наклоняла к себе его голову и целовала лоб. Свое уважение к знаменитой писательнице он перенес и на Василия Мартынова, талантливого украинского поэта и журналиста, который всегда беспокоился о старенькой писательнице. Он посвятил ей проникновенное стихотворение, которое Володя собирался превратить в песню. Мы часто видели, как он сидел за инструментом, наигрывал без остановки в поисках той мелодии, которая должна была вознести колоритную личность украинской писательницы. Процесс поиска новых музыкальных образов бывал у Володи довольно продолжительным, сложным и болезненным. Он не мог удовлетвориться какой-нибудь бледной мелодией, банальными интонациями, когда шла речь о Дарине Дмитриевне. Иногда мне казалось, что Володя наконец-то нашел то, что искал. Но он держал ту песню в памяти, не торопился записывать ее. А это означало, что он надеется на лучшую песню. Такой была творческая манера. Я не запомнил ту мелодию, а Галя в то время жила со своим мужем аж на окраине Львова, не знала той мелодии.

В ноябре 1977 года Володя пригласил от моего имени на мой день рождения Ирину Вильде и Степана Трофимука. Писательница охотно приехала в Черновцы.

С первых минут ее пребывания в нашей семье настроение ее поднялось. Писательница очень быстро вписалась в новый для нее семейный круг, словно она уже много раз бывала у нас. Чувствовала себя очень хорошо в обществе Гали и Оксаны, нашла много тем для общения с моей женой. Дарина Дмитриевна охотно рассказывала о своих родителях и сыновьях, которых безумно любила. Она просто-таки обожала своего папу, которого уже давно не было в живых. Признавалась жене:

— Мать была для меня родним домом, воздухом, которым я дышала, живой вселенной, наивысшей красотой в жизни. А папа был солнцем, которое согревало нас всех, давало нам сил быть полноценными людьми. Казалось, что без папы мир не мог существовать.

Присутствие Дарины Дмитриевны на моем творческом вечере привлекла много черновицких литераторов и немало интеллигенции. На том литературном

вечере Володя сблизился с Моисеем Фишбейном, талантливым украинским поэтом еврейского происхождения. Он его искренне уважал за высокопоэтические стихотворения, прекрасные переводы поэзии Пауля Целана и Тудора Аргези. Уважал и за глубокое знание украинского языка. Володя собирался написать несколько романсов на слова этого одаренного поэта.

После литературного вечера Дарина Дмитриевна осталась у нас. Володя воспользовался этой возможностью и сделал немало фотографий, которые доньше хранятся с пиететом в альбомах нашей семьи, как дорогая реликвия. Мы дорожим ними. Надеемся, что настанет то время, когда общественность города Львова добьется, что в доме, в котором жила писательница, будет открыт ее музей, для которого те фотографии станут ценной находкой⁸.

В среде нашей семьи писательница чувствовала себя свободно, расковано. По крайней мере, мы так думали. Говорила, что ей тепло и уютно в нашем доме. Жена, Галя, Оксана и Володя предложили ей остаться в нашей квартире, состоящей из четырех хороших комнат, на всю зиму. Мы ей давали самую теплую из комнат, печатную машинку, обещали полную бытовую беззаботность, абсолютный покой для творческой работы. Я даже нанимался к ней в секретари. За обедом Володя высказал мысль, что в богатом творчестве писательницы не хватает книги воспоминаний об отце, матери, многих писателях, которых она хорошо знала. Там стоит рассказать историю написания ее произведений.

Дарина Дмитриевна соглашалась с Володей, одобряла его мысли, но через несколько дней сказала, что ей необходимо ехать во Львов. И поехала. К Володе она приходила еще несколько раз в обществе со Степаном Трофимуком. Вспоминала добрым словом нашу семью.

* * *

Ежедневная работа над программным материалом, содержательные занятия с Лешеком Зигмундовичем и другими преподавателями консерватории не тормозили его творчества и стараний в популяризации и распространении достижений среди своих поклонников. Он, как и раньше, часто выезжал в Киев, где, к сожалению, нужно было постоянно одолевая сопротивление людей, ведающий столичными оркестрами, которые могли исполнить на хорошем уровне его произведения, сделать более-менее стоящую фонограмму.

Володя с болью и страхом ездил в столицу, потому что знал, что тамошние деятели от музыки обязательно унижат его, оскорбят. Он мне часто рассказывал о своих киевских одиссеях. А один раз приехал в прескверном настроении. Жаловался на невоспитанность столичных музыкантов.

— А чем ты это объясняешь? — спросил я. — Ты же за ними постоянно наблюдаешь...

Володя махнул скептически рукой и ответил:

— Каждая столица имеет свои глубокие и благородные музыкальные традиции. Там высокие мысли, тревожащие звуки песен и симфоний плавают в воздухе. Нитка почтительности и переживания за прекрасное живет в подсознании каждого музыканта, признанного и непризнанного. В Киеве традиции уничтожены еще со времен «отца всех народов». Профессиональная честь и национальная гордость поплыли с днепровскими волнами в Черное море. Теперь музыкантов сводит вместе случай, ведь нужно же зарабатывать. Музыкантов не тешит то, что они ярко исполняют свою работу, а только та сумма денег, которую им заплатишь.

⁸Музей Ирины Вильде был открыт в Львове в 1998 году — прим. ред.

Володя чувствовал огромную радость от исполнителей своих песен, романсов и баллад. Прежде всего, это Василий Зинкевич, Назарий Яремчук, Софья Ротару, Лидия Михайленко и Людмила Артеменко, Игорь Кушплер, Виктор Шпортко... Он гордился ними. Они мастерски раскрывали чистоту мыслей, высказанных в песнях, и романтику вознесенных чувств. Произведения же Володи были проняты драматизмом современной жизни и не оставляли никого равнодушным. Они имели значительное влияние в многолюдных аудиториях.

Те певцы были одновременно и добрыми его друзьями. Меня часто спрашивают, почему его произведений не исполняли такие великие певцы, как Дмитрий Гнатюк, Анатолий Соловьяненко, Анатолий Мокренко и другие. Дмитрий Гнатюк, например, пустил в мир песни С. Сабадаша, В. Михайлюка и И. Шамо. Нельзя объяснить тем, что Володю постоянно дискредитировали в «композиторских сферах» так званые профессионалы, которые тоже культивировали, но с меньшим успехом, песенные жанры. Кроме того, обыватели узнали, что еще учеником средней школы Володя вместе с другими учениками совершил неприятное нарушение. Об этом школьном случае с наслаждением рассказывали через много лет в кругах, где ненавидели его популярность на Украине и за ее границами. В середине 70-х годов некоторые силы пытаются представить его опальным, хотя на самом деле он таким не был. Но в трепетном воображении титулованных певцов он был почему-то неблагонадежным. А этой неблагонадежности лауреаты боялись, поэтому и отреклись от его произведений.

Кроме того, в характере Володи были значительные «недостатки» — он не мог преклониться перед вельможами из исполнительского мира и проявлял гордость перед теми, от кого воняло напыщенным чиновником. Он был самолюбивый и ранимый и чрезмерно преисполненный чувства людского достоинства. Не терпел великопанской пренебрежительности, которая поражала его самолюбие творца, уже сказавшего свое слово своей Украине.

Последние два года жизни Володи отношение к нему было в некоторой мере парадоксальное со стороны «власть имущих». С одной стороны, казалось, что его ненавидели за успехи в творчестве. Но народная любовь раздражала чиновных бездельников, считающих, что любовь украинцев к своему певцу ненормальное явление, своеобразная крамола. На их взгляд, совершенно нормальным является то, когда украинец ненавидит украинца, пишет на него доносы, создает доносы или же относится к нему с равнодушием. Можно восхищаться любим, только не своим соотечественником. Это же безобразие, буржуазный национализм. Так, в этом замечалась какая-то нездоровая тенденция к единству и согласию, подозрительной национальной солидарности. А это плохо, от этого до независимости только один шаг. Единство среди украинцев может основываться только на основах марксистско-ленинской идеологии. Приспешники В. Ф. Добрика, первого секретаря Львовского обкома партии, даже начали издеваться над популярным музыкантом, вызывали его к себе и задавали ему дурные вопросы. В самом деле, произведения Володи порождали в людских сердцах совсем новые чувства, которые не согласовались с казенными настроениями. Но вот случилась смешная оказия.

Летом 1975 года в Киеве пышно отмечали «украинский миллиард», то есть Украина побилла все рекорды собранным урожаем зерновых. На тот праздник даже Л. И. Брежнев приехал и привез с собою в Киев целый поезд паразитарных словоблудов, чтобы придать событию почти исторического значения. Вокруг этого события разливались моря подслащенной чиновнической риторики. После того начался большой концерт лучших исполнительских сил Украины. Там исполня-

ли и несколько песен Володи, которых находился тогда в зените своей славы. Те песни понравились высокопоставленным слушателям и самому Л. И. Брежневу, который во время антракта подошел к ансамблю «Смеричка» и спросил:

— Где тот парень, который написал эти песни? Я хочу пожать ему руку.

Л. И. Брежневу ответили, что Володя врач, который учится в аспирантуре Львовского медицинского института, и учится в консерватории. Он не поет в ансамбле «Смеричка».

Л. И. Брежнев сказал:

— Тогда передайте ему мой привет и самые лучшие пожелания.

Скажу со всей откровенностью, что Володя, услышав те слова из уст своих друзей, обрадовался. Был уверен, что они дойдут до казенного слуха всяких функционеров, и они дадут ему покой. В другой раз Володя сказал шутя:

— Вместо приветов Л. И. Брежнева было бы лучше, если бы А. Соловьяненко, А. Мокренко или Д. Гнатюк спели по одной моей песни. Я же для них написал «Песню о тебе».

Похвала Брежнева встревожила Володю и другим своим аспектом. Когда мы все были дома, он сказал:

— Те, кто слышал слова Брежнева, скоро их забудут. И не станут их распространять. Если мы будем рассказывать кому-то об этом факте, то мои коллеги-завистники скажут, что я добился такой-сякой популярности, потому что меня похвалил привселюдно Брежнев тогда, когда выпил пол бутылки коньяка. В конце концов, похвала врага моего народа звучит для меня как оскорбление, уличное ругательство. Она унижает меня.

— Я полностью согласен с тобой, сын, похвала Брежнева не принесет чести твоему имени. Нужно ее умолчать.

И мы больше не вспоминали об этом факте при жизни Володи. Поверили в рациональность сказанного сыном. Его доброе имя, хотя небольшое, но честное, создано талантом и работой.

Володю время от времени приглашали на Московское радио и охотно транслировали его песни. У сына были там хорошие друзья. Он, как уже было сказано, находился в хороших отношениях с Алексеем Гургеновичем Экимяном. У них была взаимная потребность общаться. Помню, что за два недели до свадьбы Гали Володя набрал номер телефона генерала-композитора и сказал:

— Моя сестра Галя, которую вы хорошо знаете, выходит замуж. Очень нужен, Алексей Гургенович, свадебный генерал. Наша семья сердечно просит вас... Что вы на это скажете?

— Володя, я уже в отпуске. Чемоданы уже перевязаны, билеты на самолет в кармане — завтра вылетаем. Семейство мое трусит дорожная лихорадка. Я же два года не был в отпуске. Должен убежать подальше. Извини...

Поэт Юрий Рыбчинский сказал, что под влиянием произведений Володи Алексей Гургенович написал несколько песен на стихотворения украинских поэтов. Отдельные произведения композитора-генерала с большим мастерством исполнил Дмитрий Гнатюк.

В близких отношениях Володя находился также с популярным российским композитором и исполнителем своих песен Евгением Мартыновым. Это была хороший и весьма привлекательный человек, который пленял слушателей своим душевным лиризмом.

Работники Центрального радио и телевидения на протяжении многих лет высказывали свою благосклонность и симпатию и уважение к творчеству Воло-

ди. Часто брали у него интервью, транслировали его произведения, сопровождая их высокими оценками. Юрий Силантьев, который высоко ценил его талант, все время напоминал, что ему нужно перебраться в Москву, ведь в Львове или Киеве у него нет никаких перспектив. Но Володя был непоколебим в своем решении — окончить консерваторию в Львове и обязательно жить свое творчество духом родной земли. Только это может быть залогом его дальнейшего развития.

Но во второй половине 70-х годов сыну начали часто намекать на Московском радио и телевидении отдельные руководящие работники, что он слишком увлекается произведениями украинских поэтов, а от этого увлечения «попахивает» украинским национализмом. И это не был единичный случай. Когда он мне это сказал, я ответил, что это был, наверное, какой-то серый, необразованный клерк с куриным горизонтом. Володя был поражен глупостью и наглостью этого функционера, который осмелился высказать эту дикую ерунду.

Ходя широкими шагами по комнате, Володя возмущался. Был встревоженный и злой.

Я пытался его утешить и успокоить. Но он махнул резко рукой и ответил:

— Жаворонок не имеет права петь так, как поет, ведь это будет националистическое пение. Он должен разливаться трелями соловья или чириканием воробья. Это будет настоящий интернационализм. Синица должна каркать, как ворона, а петух кричать, словно утка. Корова должна ржать, а конь вить по-собачьи. Только таким образом мир наполнится шедеврами и настоящей красотой.

Мы слушали эти слова, наполненные сарказма, и улыбались. Мать даже сказала скептически:

— Стоит ли брать в сердце какую-то мелочь?

— Эта мелочь, мама, руководит целым отделом и выполняет распоряжение Суслова, который вырабатывает генеральную линию в идеологической борьбе за самую передовую идеологию, — объяснял Володя. Потом еще добавил: — французы, итальянцы, россияне и все остальные цивилизованные народы поют на своих языках и их никто не называет националистами. Почему это так? А мы, украинцы, уже с самой колыбели стаем националистами, если матери нам поют украинские колыбели. Поэтому нас перевоспитывают в концлагерях. Украинец перестает быть националистом аж тогда, когда пренебрегает своим языком, песней, своими национальными традициями, любит все, кроме своего родного.

— Откуда ты набрался этих идей, Володя? — спрашиваю.

— Их не набираются... Их пробуждают наши наблюдения, выводы вырабатываются в мозге, если он есть в нашей голове.

Прошло несколько дней после того разговора. Володя приехал в Черновцы. Он взял с полки один том УСЭ и начал внимательно читать. Потом позвал меня и сказал:

— Послушай, украинцы всегда были патриотами, потому что они боролись только за свое место под солнцем на своей земле. Никого не хватало за горло, чтобы не пел свои песни. Всегда были готовы поделиться куском хлеба с другими народами... А это патриотизм...

Хотя и больно было Володе от этих бессмысленных замечаний и желаний, намеков или откровенных требований, Володя все же не лишал себя добрых чувств к своим искренним московским друзьям, которые не принадлежали к узколобым советчикам. Он не убегал от своего творческого призвания в медицинскую практику, а довольно активно продолжал работать над своими произведениями. Более того, вопреки начальникам он даже нашел нового друга и соавтора в лице

Андрея Дементьева, на слова которого написал три произведения: «Моя мечта», «Расскажи мне, отец» и «Рождение дня». Эти песни исполнялись в Украине и нравились слушателям. Песню «Расскажи мне, отец» мастерски исполнял певец Назарий Яремчук, который своеобразным голосом придал очарования этому произведению. Особенной похвалы и высокую оценку народа получил романс «Рождение дня» в прекрасном исполнении Василия Зинкевича и днепропетровской певицы Людмилы Артеменко. Эта творческая удача принесла утешение Володе. Как-то раз он после телефонного разговора с кем-то из Москвы с радостным блеском в глазах сказал:

— Поэт Андрей Дементьев считает, что наш романс «Рождение дня» является одним из лучших романсов, написанных на стихи российских поэтов в послевоенные годы. И вы представьте себе, что какой-то чиновничий голодранец позволяет себе выдумывать какой-то украинский национализм, который выдумал в двадцатые годы грязный прихвостень Сталина Лазарь Каганович.

— К сожалению, к тому волшебному романсу обращаются только украинские певцы, — бросаю невольно.

— Это правда. Я сделаю из этого свой вывод. Никогда не сойду с украинских национальных позиций.

Весной 1978 года произошло приятное событие. В Ереванской консерватории объявили конкурс для студентов-композиторов на лучшее инструментальное произведение. Володе посоветовали взять участие в этом соревновании, но он сомневался, хотя и имел уже несколько инструментальных произведений. После некоторых колебаний он предложил свою «Сюиту-вариации». Это произведение, хотя и было позитивно оценено в консерватории, вызывало у него недовольство. «Полифонічна сюїта» («Полифоническая сюита») и «Квартет» тогда были еще в стадии черновика. Он, будучи очень требовательным к своим произведениям, отбросил мысли о них.

Разговаривая по телефону с Алексеем Гургеновичем Экимяном, Володя рассказал ему, что имеет возможность поехать на землю его дедов-прадедов. Но мысль о том, что не достаточно подготовлен, сковывает, тормозит его. Алексей Гургенович посоветовал ему отбросить любые сомнения и срочно давать согласие поехать в Ереван. Эта поездка не будет пустой, она обогатит его опытом, расширит знания, прольет свет на целый ряд проблем, которые не раз еще возникнут в жизни. Ко всему нужно себе готовить. Он преисполнится новым смыслом, а этого не нужно избегать.

Володя был искренним ценителем великой армянской литературы, в том числе прекрасной лирики, которую знают во многих странах. Любил и знал неплохо произведения О. Туманяна и С. Капутикян.

В конце концов, он отважился поехать в Армению, чтобы полюбоваться ее оригинальной красотой, увидеть ее людей, города и села. Даже попросил поехать с ним маму, которая тоже любила путешествия. Она еще в юности мечтала увидеть Кавказские горы. Володя просидел немало времени в библиотеках, чтобы познакомиться с Арменией, которая скоро предстанет перед его глазами.

На конкурсе «Сюита-вариации» прозвучала довольно-таки неплохо, похвалили за оригинальность, слушали ее с интересом и даже отметили прекрасное исполнение пианистки М. Десяткиной из Львовской консерватории.

На конкурсе Володя не пропускал ни одного произведения, слушал все с напряженным интересом. При всей его любви к свежести, новизне, новаторству он отбрасывал интонационную сумбурность, композиционную хаотичность и все-

гда защищал и утверждал в творчестве элегантную, как он говорил, музыкальную форму.

Армения оставила глубокий след в его памяти. Каждый свободный час он блуждал по улицам столицы, посещал все, что характеризовало многовековую культуру очень талантливого народа.

Ереван — волшебный город, Володе и матери особенно заимпонировали театр оперы и балета им. О. А. Спендиарова, славная библиотека Матенадаран. Посетили много армянских церквей, музеев, а также университет. Побывали и возле Севана — огромного горного озера, окрасы армянской земли. Володя уже бывал в тех горах раньше вместе с группой энтузиастов альпинистского спорта и привез оттуда много фотографий.

Раздел двадцать четвертый

Часто возникает вопрос: что повлияло на общее настроение Володи, на его трудолюбие, творческую активность в последний год его жизни? Произведения сына, вопреки всякой антиукраинской болтовне, все-таки звучали на областном, киевском и московском радио, хотя приспешники В. Ф. Добрика и его штатные за-прещалы, считающие себя специалистами по украинскому вопросу, начали цепляться к преисполненному жизнерадостности, крепкого здоровья молодого композитора, который дышал оптимизмом и был помешан только на своей музыке. Володя чувствовал себя прекрасно со своим педагогом по классу композиции и искренним советчиком доцентом Лешек Зигмундовичем Мазепой. Доцент Мазепа видел перед собой молодого человека, который только талантом и большим трудолюбием стал одним из ведущих творцов новой украинской песни, связанной своими корнями с национальным грунтом, хотя листья дерева его творчества шелестят на ветре моды, который дует отовсюду... Такой молодой человек, врач по образованию и музыкант по призванию, имеет полное право на внимание со стороны окружения.

Вот так относился к Володе доцент Л. З. Мазепа. И Володя был ему за это искренне благодарен. Когда Лешек Зигмундович заболел в Москве, где он находился на конференции преподавателей консерваторий, Володя там посетил его. Он очень переживал за своего учителя, дома и среди своих товарищей уважительно высказывался о нем... И не удивительно, что в этот период сын сумел сделать так много в своем творчестве. Иметь поддержку высокоморального, доброжелательного педагога — это основа успеха в его деятельности. Вспомнил только самое важное из того, что Володя сделал в этот последний год своей жизни, когда его творчество была на подъеме. Он работает над «Квартетом», доводит до конца «Сюиту», пишет пьесы для скрипки и фортепиано, для виолончели и фортепиано.

Прошлогодня продуктивность Володи в жанре вокальной музыки свидетельствует о его внутренней собранности и творческой целеустремленности. Он создает несколько песен и романсов на стихотворения Ростислава Братуня: «Перший сніг» («Первый снег»), «Вернись из воспоминаний», «Білий серпанок» («Белая пелена»), «Роки вже відшуміли» («Года уже отшумели»), «А ти подумай» («А ты подумай»), «Елегія» («Элегия»).

Песня на слова Р. Братуня «Лето поздних георгин» — очень заметна в его творческом заделе. Она преисполнена драматического напряженности, трагизма и даже протеста. Композитор словно предчувствовал какую-то беду, которой не может избежать. Некоторые знатоки и ценители украинской песенной культуры высказывают мысль, что «Лето поздних георгин» является одной из самых трагических песен в истории нашего песенного богатства, в исполнении народного артиста Украины Василия Зинкевича она заставляет слушателя задуматься над современной жизнью. Эта песня отражает трагический дух личности двадцатого столетия.

Я часто думаю над тем, было ли это произведение предчувствием страшной гибели композитора.

В то время Володя сближается еще больше с талантливым поэтом, прозаиком

ком и ученым Степаном Пушиком. Часто навещается к нему в Ивано-Франковск, бывает в его семье, где находит гостеприимство и искреннее слово. Мечтает о том, чтобы пуститься с таким же беспокойным поэтом, как и сам, в путешествие по гуцульским селам и равнинам. Володя был очень благосклонен к поэту, но успел написать на его поэзии только две песни: «Стоїть пшениця, як Дунай» («Стоит пшеница, как Дунай») и «Я ще не все тобі сказав» («Я еще не все тебе сказал»).

Уже шла речь о том, что Володя с раннего детства любил украинскую поэзию для детей. Особенно произведения Наталии Забили, Грицька Бойко. Он знал наизусть много поэзии прекрасного поэта Василя Швеца, любил их за свежесть, поэтичность, красивый украинский язык. Будучи уже взрослым, он часто декламировал их с юмором. Однажды даже сказал:

— Нужно посетить поэта Василя Швеца и поблагодарить его за утеху, которую приносили мне в детстве его поэзии.

В другой раз говорил, что напишет целый цикл песен на тексты Василя Швеца и Владимира Лучука. Он даже начал реализовывать свой замысел — создает на стихотворения Владимира Лучука песни: «Кольорові пташки» («Цветные птички»), «Зелена пісенька» («Зеленая песенка») и «Вереснева чудасія» («Сентябрьская чудосея»).

Кроме названных произведений, Володя работал над кантатой «Чуття єдиної родини» («Чувство единой семьи»). Эта тема принесла ему немного хлопот. Он любил Павла Тычину за его «Сонячні кларнети» («Солнечные кларнеты») и «Замість сонетів і октав» («Вместо кларнетов и октав»), но как начал углубляться в его стихи «Чувство единой семьи», ему испортила настроение строка «Чужий и чуждий рідних бродів» («Чужой и чуждый родных бродов»). Володя спросил меня:

— Чем хуже родные броды за сталинские броды, залитые людской кровью? Разве что высланы золотом и ведут в счастье, а родные — илом? Это — космополитизм самого худшего качества, который унижает нас.

Сын был прав. Я и сейчас не могу найти в той строке какого-нибудь благородного смысла. Я улыбнулся и прочитал ему строки Евгения Маланюка:

Прости, прости за богохульні вірші...
Гіркий наш вік, а ми ще, може, гірше.

Я рассказал Володе об этом великом поэте, которым я увлекался во время учебы в лицее, а его сборник «Земна Мадонна» («Земная Мадонна») принес мне большое удовольствие.

Володя провел пальцами по клавишам рояля, ожидая от них того голоса, который хотело слушать его сердце. Но о строфе с родными «бродами» он и слышать не хотел.

Володя был старательным человеком. Он искренне пытался выполнить заказ министерства. Целые часы проводил за инструментом. Мать ощущала поэтическое звучание этой вещи, ведь она знала, что кантата может стать дипломной работой Володи. Когда уставал от работы над этим произведением, он представлял себе разные сцены из своей будущей оперы «Дарина» и сочинял мелодии для будущих ее песен-арий. Надеялся, что настанет подходящее время, когда поэты Р. Братунь, Р. Кудлик или С. Пушик напишут слова к этим мелодиям. Я слышал не раз энергичную, величественную и одновременно пронизанную болью его увертюру к этой опере. Иногда казалось, что это простая импровизация, которых было немало в его творческой жизни. Мы видели, что Володя словно страдал от ее звучания — это был словно какой-то глубинный рассказ его сердца.

Именно летом 1978 года мы отдыхали в Пицунде, в Доме творчества. Собственно, я не очень-то и отдыхал — взял с собою рукопись романа «Баллада о всаднике на белом коне», который хотел там завершить.

В Пицунде встретили много хороших людей, а именно, профессора-литературоведа Петра Выходцева из Ленинграда, а также известного украинского писателя, автора знаменитой «Чаклунки синіх гір» («Колдуньи синих гор») Василия Сычевского. Сычевский тогда много рассказывал о славном украинском ученом Ю. Дрогобыче, который жил в средние века в Италии. Писатель мечтал о том, чтобы написать музыкально-драматическое произведение о выдающемся украинце. Этой мечтой пронялся и Володя, которому было радостно от мысли, что наши люди удивляли мир не только своей храбростью, но и мудростью и ученостью. Писатель и композитор даже обдумывали план будущего произведения, а это очень хорошо отражалось на настроении и чувствах Володи.

Василий Сычевский часто заводил свой автомобиль, и они пускались крутыми горными дорогами, которые приносили Володе целое море удовольствия. Горы вообще вызывали у него запал и удивление. Он фиксировал на пленке своего фотоаппарата каждую интересную гору, реку, каждый живописный пейзаж, который воздействовал на его воображение. Любовался грандиозными скалами, которые иногда просто-таки нависали над их машиной, за рулем которой сидел писатель. Володя чувствовал себя счастливым. Любовь к горам развилась, наверное, еще в юности, когда он облазил наши украинские Карпаты в поисках червоной руты. Он каждый раз приглашал меня ехать с ними в тот кавказский легендарный мир.

Сидя на диване, листал какую-то книжку, потом спросил:

— Сколько можно сохнуть замкнутым в этой монашеской келии и горбиться над столом? Айда с нами — это же прекрасный случай набраться новых впечатлений в горном романтическом царстве, нужно же посмотреть на людей, которые проживают в этих горах.

— Володя, ты знаешь, что в сентябре я должен сдать рукопись романа в издательстве. А он еще не готов... Должен написать еще четыре раздела по двадцать страниц каждый. А это много. Кроме того, еще есть уйма работы над языком и стилем. Некоторые страницы и разделы должен основательно переделать... А для всего нужно время. Если не справлюсь, то вызову недовольство издательства, которое хорошо относится ко мне.

— А чем я могу тебе помочь? — и Володя озарил меня своими добрыми проникновенными глазами.

— Тем, что не будешь искушать горными путешествиями, — и я развел беспомощно руками.

— Шутишь, папа. Я все-таки очень хочу, чтобы ты чувствовал себя хотя бы немного на отдыхе, а не отшельником, который прерывает связи с внешним миром. Дай и мне какую-нибудь работу. Может, тоже что-то напишу. Сделай такой эксперимент. Наверняка, что-то выйдет. Я постараюсь так сделать, чтобы мне стыдно не было, — и Володя весело рассмеялся.

Я пожал плечами и задумался. Потом ответил:

— Стоит ли тебе морочить голову моими химерами?

— Не нужно меня обижать. Что это за жизнь? Полностью здоровому человеку лежать на берегу моря, без мыслей, без дела?

Я помолчал немного, потом промолвил:

— Ну, хорошо, два раздела, которыми оканчивается роман, очень хорошо

выкристаллизировались в моем воображении. Если хочешь запрячься в мой воз, то пожалуйста...

И я рассказал ему подробно содержание предыдущих разделов, охарактеризовал персонажи, познакомил Володю с их внешними чертами и характером. А чтобы показать, что я не сомневаюсь в способности сына справиться с девятнадцатым и двадцатым разделами, я тот час же оделся, и мы сели в автомобиль Василия Павловича.

— Через десять-пятнадцать минут мы мчались в гори. Нашли там хорошее место, разложили огонь, жарили шашлыки, пили прекрасную минеральную воду, Володя был веселый, смеялся с юмористических рассказов Василия Павловича, но в глазах его все время была какая-то непостижимая задумчивость. Чувствовалось, что мысли кружатся вокруг чего-то очень важного. Он чем-то был озабочен. Меня начало преследовать подозрение, что Володя представляет себя Мироном Дитинкой и начинает выстраивать свой отряд на берегу Прута, возле села Зеленева для битвы с боярином Бучко, который подтягивает своих воинов к Пруту. Он, конечно, хотел доказать мне, что его характер уже сформирован и что он не бросает слов на ветер.

Несколько дней подряд после завтрака он брал под мышку большую книгу, в которой был одна ученическая тетрадь и шариковая ручка, и шел по берегу аж туда, где никого не было. Садился на песок и выполнял взятое на себе задание. Я не обращал на него внимания, не хотел мешать ему. Так уединившись, он писал. Не встречался даже с Василием Павловичем и профессором Петром Созонтовичем Выходцевым... Последний как-то спросил меня:

— Куда же подевался Володя? Неужели он собирается покинуть Пицунду?

Я, улыбаясь, ответил:

— Никто не угадает, чем он сейчас занят и почему уединился.

— Нет, не угадаю, — сказал Петр Созонтович.

— Скажу только вам... Володя занялся очень важным и неотложным делом. Выходцев посмотрел на меня почти суровым взглядом и спросил:

— Какие дела могут быть в летнюю жару в Пицунде? В это время тут отдыхают и расслабляются.

— Володя помогает мне дотянуть к счастливому концу мой роман, который должен выйти в восьмидесятом году в ужгородском издательстве «Карпаты». Он хочет, чтобы я оторвался хотя бы немного от рабочего стола и поблуждал с ним и Василием Сычевским по прекрасной Абхазии и Грузии.

— У вас просто-таки фантастический сын... Я вам завидую, конечно же, по доброму... Я тоже хотел бы иметь такого благородного сына.

— Увидим, что выйдет из написанного Володей.

Петр Созонтович улыбнулся и сказал с мечтой в очах:

— У такого сына все должно получаться наилучшим образом, — и профессор положил мне руку на плечо.

— Благодарю вас за доброе слово...

Петр Созонтович был полностью прав: из-под Володиной шариковой ручки вышли два неплохих раздела. Он смог хорошо описать столкновение между отрядом Мирона Дитинки и войском атамана Бучко. Батальные сцены довольно драматичны, убедительны, а использование плотов против войска, которое переходило вброд реку Прут, хорошая находка.

Я был доволен и скоро перепечатал этот текст, внес в него некоторые изменения, уточнения, развил отдельные моменты и убрал несколько лишних мета-

фор. Подогнал все под свой стиль и с облегчением вздохнул.

В тот же день похвастался Петру Созонтовичу и московскому критику и литературоведу Виктору Андреевичу Чалмаеву, который тоже с симпатией относился к Володе.

На следующий день Василий Павлович Сычевский и Володя сурово приказали мне садиться с ними в машину и ехать на озеро Рицу. Володя сказал мне с лукавыми искорками в глазах:

— Хочу, чтобы ты побывал на том месте, где твой гениальный благотворитель — «корифей» всех наук, как ты любишь его называть, вымачивал в водах озера свои старческие ноги.

— На дачу Сталина?

— Разумеется, должен видеть, что осталось от той дачи.

Мы поехали. Скажу откровенно, я страшно ненавидел Сосо Джугашвили, который называл себя Сталиным. Когда я покинул румынское королевство и оказался в первой в истории стране социализма, то через несколько недель почувствовал, что попал в самое паскудное сталинское рабство, которое только могло существовать на земле. Почти семь лет я находился в страшном аду, созданном сталинской бранджей. Стыдно было за двадцатое столетие. Я видел Сталина летом 1953 года в мавзолее. Он лежал рядом с Лениным. Там я думал о том, что он самый жестокий гангстер, садист, мучитель народов и обычный криминальный убийца. Самый страшный убийца поэтов, философов, ученых. На протяжении всей истории на всех континентах, во всех странах, вместе взятых, не было убито столько поэтов, художников, священнослужителей, сколько убил этот побитый оспой нечеловек за какие-то двадцать пять лет. И вот мы едем к озеру Рица, на берегу которого торчала его дача. Там он отдыхал после своих кровавых политических оргий.

Нас встретил довольно густой лес, который подошел к самому озеру. Мы мчались лесной дорогой, прорубленной между деревьями, и оказались на берегу, где деревья были вырублены. Нам сразу бросился в глаза фундамент дома. Об этот фундамент хлюпали волны прозрачно-чистого озера. Там были какие-то незнакомые люди, у них мы узнали, что это на самом деле остатки сталинской дачи. Ее сожгли дотла люди вскоре после смерти этого политического гангстера. Из воды торчали какие-то темные колоды, — на них была, наверное, лавка, на которую садился голый «отец всех народов», и болтал в воде ногами. Озеро возле берега глубокое, а вождь рабочего класса не умел плавать, его левая рука была калечкой, не сгибалась в локте.

Мы долго стояли возле остатков его дачи. Мне казалось, что там, где он болтал ногами, чистая вода всегда была красной от крови. Володя сказал:

— Он был дальновидный. При жизни приказал своим подхалимам провозгласить его гением. Знал, что после его смерти люди будут пренебрегать им.

* * *

Из Пицунды Володя поехал в Львов, а мы — в Черновцы. Все были здоровы, как колокола, и преисполнены добрых надежд. До занятий в консерватории осталось больше недели. Это время он хотел провести дома. Он приехал в Черновцы. Мы часто ходили в кино и театр. Как-то он вернулся домой аж утром.

— Где же ты был, Володя? — спросила мать. — Что с тобой случилось?

— Такая, мама, оказия редко бывает в жизни моей.

— Думаешь, что нам не нужно знать об этой okazji? Чтобы не испытывать наше терпение, он начал рассказывать:

— Парень с телевидения попросил меня поехать с им в Заставную и посмотреть на дом, в котором родился знаменитый художник Николай Ивасюк, который был нашим далеким родственником. Тот дом в ужасно заброшенном состоянии, может прийти время, когда он исчезнет навсегда с лица земли. Нужно рассказать землякам художника, кто был их предком. Нужно выступить по радио и на телевидении о том, что мы тоже цивилизованный народ. Честные заставновцы считают, что в этом доме должен быть музей Николая Ивасюка, их славного односельчанина. Мы поехали... и это все...

— Разве вы ночевали в доме Николая Ивасюка?— спросила мать.

— Нет, с нами случилось другое приключение. Довольно-таки веселая история. Когда мы вышли из автобуса и подались улицами районного центра у дома знаменитого творца, нам вышла навстречу с побочной улочки добрая сотня людей. Они были празднично одеты, веселые. Девушки были в цветах, молодницы и старшие женщины — в вышитых рубашках и турпанах, украшенных цветами. Впереди музыканты. Играли на полную силу мелодию моего «Водограя». Я остановился, мой друг тоже. Я ушам своим не верил. Чтобы дать пройти свадебному походу, я и мой коллега отошли на обочину дороги. Стали над самым краем. Музыканты узнали меня сразу. Не переставая играть, они устремили на меня свои взгляды. И все мне кланялись. А я в ответ тоже кланялся им. Люди остановились. Это была свадьба. Что я должен был делать? Кланялся молодой и молодому и сказал: «Желаю вам, чтобы в вашей семье всегда было солнечно и весело».

Из свадебной общины прозвучали голоса. Кто-то крикнул:

— Володя, добавь еще такое: «Чтобы их дом был полон красивой музыки детского крика».

Я сказал: «И красивой музыки желаю вам от всего сердца». Тогда молодой и молодая подошли, кланялись и по буковинскому обычаю сказали почти в один голос «Просили вас отец и мама и мы вас хорошо просим, чтобы-сьте были тоже гостями нашей свадьбы. Мы будем очень рады...» Молодой еще добавил: «Если исполнишь наше желание, Володя, то это принесет нам счастье».

Я не мог отказать молодоженам, хотя и не был готов к такой праздничной церемонии. Ведь шла речь об их счастье. Мы с коллегой слились с этим свадебным походом, как равные среди равных. Я провел среди этой веселой молодежи счастливые часы... До самого утра. К счастью, при мне были деньги и я смог положить на блюдо во время пропоя сумму, за которую мне не было стыдно. Чтобы проявить свое уважение ко мне, музыканты играли, а люди пели мою «Червону руту», «Я пойду в далекие горы», «Водограй», «Эхо твоих шагов». Для меня этот случай не второстепенен, а наоборот, весьма значителен. Я убедился, что мои песни знает народ. И что я, в самом деле, кое-что сделал.

Мы были довольны, что так произошло, и что он осознавал народную любовь за то, что сделал для своих людей.

Раздел двадцать пятый

Осень 1978 года была удивительно красивая, поэтичная, вся в золотых одеяниях, которые сияли в солнечных лучах. На протяжении сентября и октября не выпало ни капельки дождя, ветер не появлялся между деревьев, которые неторопливо опускали на мостовую ярко-желтую и красноватую листву.

Володя любил осеннюю пору, если землю не искажала докучливая слякоть. Мысли кружили вокруг учебного материала, который держал его прикованным к столу и пианино. Он придавал занятиям первостепенное значение, был собран внутренне, целенаправлен и энергичен. Все его дела шли наилучшим образом. Изредка ездил в Киев, где записывал свои новые произведения. Посещал республиканское радио, где охотно давал интервью для слушателей из Украины и диаспоры. В те же месяцы продолжает сочинять мелодии своей будущей оперы, хотя либретто еще не было написано из-за беспорядков предыдущих месяцев. Но на это он не обращал внимания. Нужно было накопить как можно больше песенного материала. Работал также над кантатой «Чувство единой семьи», чтобы вовремя выполнить заказ Министерства культуры. В быту он тоже чувствовал себя хорошо. Мать вышла на пенсию и старалась все делать так, чтобы он мог беззаботно заниматься своими консерваторскими делами и творчеством, а также общественной работой, в частности, в Клубе творческой молодежи, одним из основателей и членом правления которого он был. Там он прилагал усилия, чтобы единственный в Украине клуб такого рода существовал и приносил пользу молодой творческой интеллигенции.

Володя часто выступал вместе с писателями в аудиториях Львова. У него была своя любимая тема — современная украинская песня и ее творцы. Его благосклонно встречали львовские слушатели — его же выступления были содержательны, мысли непринужденно изложены на красивом украинском языке.

Он старательно готовился к этим встречам со своими приверженцами. В консерватории все были им довольны, кроме В. В. Флиса. Секретарь партийной организации Л. Т. Мельничук даже предложила ему вступить в ряды коммунистической партии. Володя не ответил ей ничего, а партийный руководитель считала, что его молчанка — знак согласия. При встрече с ней Володя никогда не упоминал об этом ее предложении, а она, казалось, уже согласовала с высшими партийными инстанциями. Он рассказывал мне о всем этом, и я не возражал, хотя и не радовался. Я ему ответил:

— Если ты категорически откажешься, то те партийные супермены воспримут твой отказ как оскорбление и начнут тебе пакостить. Шагу не дадут ступить. Они никогда не относились толерантно к творческим особам, которые слишком выделялись из массы. Прицепят тебе какой-нибудь ярлык или «изм». Членство в партии — чистая формальность, она не защитит тебя ни от каких бед, несправедливостей. Ты должен знать обычаи нашего общества.

Дни убегали за днями. Володю позвали в обком комсомола, где ему сказали, что у него есть заслуги перед украинской молодежью, его же произведения несут, дескать, человечность в сердца современников. Его песни — это проповедь доброты. Уже настало время быть отмеченным комсомольской премией имени Николая

Островского.

Володе понравилась перспектива получить эту, довольно престижную, премию. На протяжении целого месяца он старательно работал — нужно же было оформить документы и как можно лучше подготовить сборник произведений, которые положит на стол Комитету, ведающим в ЦК комсомола этой премией. Володя работал днем и ночью на протяжении целого месяца, переписывая песни, баллады, романсы, инструментальное произведение большой формы — «Сюита-вариации». Целые пачки исписанной очень заботливо нотной бумаги он сдал своевременно второму секретарю Львовского обкома комсомола, который его уверял, что он получит эту премию. Нужно подчеркнуть, что в Львовском обкоме, как и в Черновицком, когда там была секретарем Галина Менжерес, к нему относились с искренней благосклонностью.

* * *

Настала весна, которая привела с собою и день его тридцатилетия 4 марта 1979 года. Он не хотел никаких помпезных, многолюдных собраний, громких речей и похвалы. День рождения был поводом для размышлений над пройденным, пережитым и добытым.

Он приехал в Черновцы. Мы сидели за столом и тихо разговаривали. Он был огорчен, что за свои три десятилетия не написал ни оперы, ни оперетты, ни симфонии... Даже инструментальные произведения, которые ему давались тяжелее, чем песни и романсы, не завершил так, как ему хотелось бы. Одно утешало: у него уже есть более ста песен, романсов и баллад.

Когда Оксана отправилась спать, Миля приводила кухню в порядок, он спросил меня:

— Папочка, я все-таки что-то сделал?

Он никогда не задавал мне таких вопросов. Я ответил категоричным тоном:

— Ты, сын, сделал очень много. Окончил медицинский институт, написал много вокальных произведений. А это прекрасно! Однако доброе имя тебя принесли какие-то тридцать песен. Остальных твои почитатели не знают.

Володя засмеялся, потом сказал с горечью:

— Остальные останутся для будущего, если оно у меня будет. Мне ужасно хочется написать оперу, такую, как я задумал. Она даст мне широченные возможности, самовыразиться, как говорят. Ее немного задержали мои консерваторские недоразумения, но она живет в моем сердце и мозгу, хотя еще не одета в словесное одеяние. Как только управлюсь с программой консерватории, то немедленно возьмусь за настоящую работу над ней. И за короткое время она будет в руках исполнителей. Очень тяжелая и сложная ее часть — либретто. А я еще и не обращался со всей серьезностью к поэтам, кроме, разумеется, Ростислава Андреевича.

Володя будто погружен в царство мечтаний и добрых ожиданий. На следующий день он взял мой подарок: два отреза из симпатичной высококачественной материи, привезенные дядей Иваном из Торонто, и отправился к наилучшему мастеру-портному, чтобы ему пошил две пары модных в то время брюк, кроме того, я купил ему светлый весенний плащ польского производства. Потом мы снарядили Володю в Ивано-Франковск, где он должен был встретиться со своими приятелями и прежде всего со Степаном Пушиком, побывать на областном радио. В Львове его ждали Ростислав Братунь, Р. Кудлик и И. Кушплер. Каждый из них был рад поздравить его с тридцатилетием.

Володя не любил громких банкетов, а в 70-е годы была распространена нездоровая мода отмечать дни рождения так называемыми «сабантуями» или «попиентусами». Он любил посидеть за столом с приятелями или побратимами за стаканом хорошего вина или чашкой черного кофе. Поскольку Володя не очень быстро сближался и завязывал приятельские отношения с людьми, то на него часто давило одиночество. Тогда он искал своих близких друзей. Он часто тосковал по умным собеседникам.

Настроение у него было светлое, его занимали только творческие проблемы. Но через несколько дней это светлое душевное состояние было омрачено. Неожиданно незначительная на первый взгляд сценка повеяла в его душу холодом. Это было в коридоре консерватории. Володя стоял в группе студентов и мирно разговаривал. И вот проходит секретарь парторганизации Л. Т. Мельничук. Увидев Володю, она подошла к нему и спросила изумленно и громко:

— Володя, вы еще здесь?! Все же говорят, что вы убежали за границу.

Володя воспринял эти слова, как неумелую шутку, и ответил:

— Не убегу даже тогда, когда убегут все те, которые распространяют эту клевету. А чего мне туда бежать? Мне нечего там делать.

Она ответила:

— То, что я услышала, говорю и вам.

— Зачем вы мне это говорите? Не шутите так злобно.

Секретарь парторганизации сказала то, что хотела сказать, и отдалилась.

В период брежневщины это было опасное обвинение. За ним скрывалось намерение политически скомпрометировать Володю, изолировать его от других студентов, которые, конечно, не станут общаться с коллегой, которого секретарь парторганизации обвиняет в антисоветчине. Володя быстро сориентировался, что где-то за кулисами готовят для него какую-то ловушку.

Дома он негодовал. Не так давно эта партийная функционерка вела речь о его вступлении в компартию, а теперь говорит дерзко о его бегстве за границу. Нет ли в этом намерения дискредитировать его? Раньше она этого не делала. Не исполняет ли она распоряжение секретарей обкома партии В. Ф. Добрика и Д. А. Яремчука? Зачем же им эта травля студента? Это нужно, может, для того, чтобы они могли проявить перед народом свою государственную силу. Если они ее не проявят, то государство перестанет им платить заработную плату. Или, может, это одна из форм борьбы против украинской культуры? После этого случая с секретарем парторганизации случилось непредвиденное и неожиданное. В центре Львова на Володю нападают в замечательный солнечный день трое упитанных незнакомцев. Он понял, что ему не защититься от них. Поскольку это было недалеко от трамвайной остановки, Володя вырвался из их рук и бросился в трамвай. Но одичавшие молодчики бросились вслед за ним. В трамвае произошла передрага, люди заступились за преследуемого, подняли крик, визг. Трамвай остановился. Володя вышел, а преследователей задержали пассажиры.

Этот случай испортил настроение Володи и всей нашей семье, жена вызвала меня в Львов, а Володя рассказал мне все подробно. Я спросил:

— Ты, Володя, может, дал повод этим похабникам? В чем же причина этого нападения?

Володя грустно улыбнулся. Затем ответил с сарказмом:

— Я уже созрел для того, чтобы быть распятым на кресте. Только еще не знаю, на какой Голгофе будет стоять мой крест.

— Это чересчур черный юмор, сын. Нам нужно об этом поговорить.

— О чем?

— О фашес ди комбатименто, которых ты должен опасаться... И теперь, когда еще не забылось. Л. И. Брежнев, который передал тебя приветствия, войдет в историю тем, что он изобрел психушку для нормальных людей и анонимные подлючие группы, которые вот нападают на намеченные Добриком жертвы, издеваются над ними, перехватывая их в темных подъездах или даже в солнечный день. Этот прием использовали городские разбойники в средние века. Когда порядочный или богатый человек хотел пройти по улице города, то должен был вести за собой вооруженную охрану. Этот прием использовал в начале 20-х годов Бенито Муссолини. Его подлючие террористические группы назывались, ты это знаешь, фашес ди комбатименто, т. е. боевые группы. От них происходит слово фашизм. Они терроризировали рабочих, которые требовали лучших условий жизни.

Володя не потерпел физически. Но в его утонченную душу, преисполненную высоких мечтаний о красоте, бухнули целое море чиновничьей грязи. Его защитили львовяне. Он был унижен — и я не могу и по сей день понять, зачем В. Ф. Добрик дал свое благословение подонкам общества на разбой в весенний день, в нашей «самой передовой» в мире стране. Он навевал мысль людям о том, что и партия, которой он руководил в западноукраинских областях, была партией разбойников, способных убить или покалечить скромного музыканта, поэта и врача. Зачем секретарям обкома В. Ф. Добрику и Д. А. Яремчуку травить, преследовать, компрометировать молодого талантливый композитора? Неужели они не могут осознать того, что за несколько десятилетий в Украине уже убиты, замучены в концлагерях тысячи писателей, художников, музыкантов? Разве этот кровавый опыт ничему не научил политических вельмож семидесятых лет? Кто дал им право посягать на покой моего сына? Почему Добрик и Яремчук подослали секретаря парторганизации Л. Т. Мельничук и земных людишек уничтожить морально и физически молодого талантливый творца? Неужели этого требовала политика компартии, которая считала себя честью и совестью нашей эпохи?

Этот факт не давал нам покоя несколько дней. Он не забывается, а остается на всю жизнь на дне сознания и время от времени дает о себе знать.

Бесчинство львовских руководителей было вытеснено и приглушено назначением Володи членом жюри на фестивале молодежной песни, который состоялся в г. Хмельницком. Володя предупредил об этом своего педагога доцента Л. З. Мазепу и выехал в город Хмельницкий, где в городском театре познакомился со всеми членами жюри.

О пребывании Володи в г. Хмельницком вспоминает Ольга Васильевна Рутковская, заместитель директора Центрального дома народного творчества. Она на протяжении всех дней общалась с Володей, наблюдала за ним — как человеком и композитором, который завоевал сердца миллионов людей. Она пишет, что Володя был немного простужен, когда приехал, об этом узнали девушки из г. Шепетовки, где открывался фестиваль, и с удовольствием поили его горячим молоком.

Во время прослушивания участников фестиваля Володя был очень внимателен. Записывал в свою тетрадь все, что касалось каждого. Ольга Васильевна подчеркивает в своих воспоминаниях:

«Когда были расхождения между членами жюри в оценках, глава М. Скорик несколько раз обращался к Володе с просьбой высказать окончательное мнение».

* * *

Володя привык работать ночами, поэтому утром нужно было кому-то его

разбудить, иначе он мог опоздать на лекции или занятия. Вот и тут он один раз проспал и опоздал на фестиваль...

В город Хмельницкий он поехал со своим большим портфелем, в котором носил все то, над чем работал. А в то время он работал над кантатой «Чувство единой семьи» и инструментальными произведениями, об этом свидетельствует и Ольга Васильевна Рутковская:

«Он предупредил, что на следующий день хочет отдохнуть и поработать над рукописью. Я попросила показать мне произведения. Он вынул из портфеля пачку исписанной нотной бумаги, дал мне прочитать партитуру любимого «Квартета».

В самом деле, он любил свой «Квартет», постоянно работал над его отдельными частями. Мы и до сих пор не знаем настоящего звучания произведения, потому что нам остался в черновике его первый вариант.

Ольга Васильевна ведет речь и о его отъезде во Львов:

«Приехав в театр, Володя сказал, что ему нужно во вторник утром быть дома, и попросил заказать билет на вторник (24 апреля), на ночной поезд. Вечером после концерта мы решили провести Володю, немного поговорить с ним. Смотрели юмористический польский журнал. Володя читал шутливые подписи под рисунками. Он все время в окружении людей, к нему все время подходили руководители, участники коллективов, журналисты брали интервью у него. Вечером он смотрел телепередачи из Москвы, где должна была прозвучать его песня. Потом пошли ужинать. Он немного посидел и ушел. Был какой-то печальный и поглощенный заботами».

Бесспорно, Володя не мог быть веселым, ведь как раз тогда был опубликован в печати список претендентов на премию имени Николая Островского, а в списке его фамилии не было. Документы и ноты не были посланы из Львова в ЦК ЛКСМУ, они были задержаны у секретаря обкома по идеологическим вопросам Д. А. Яремчука. Обком не одобрил кандидатуру Володи. Никто не протестовал против этого поступка Д. А. Яремчука, но неизвестно, почему не сказали об это Володе и оставили его одураченным? Почему секретарь обкома поиздевался над композитором? Кто ему дал на это право? Думали, что с ним можно не считаться?

О. В. Рутковская рассказывает дальше:

«В понедельник, 23 апреля, проходит репетиция заключительного концерта, а я оформляла протоколы. На протяжении дня звонила несколько раз Володе, спрашивала, как он себя чувствует. Он ответил, что у него все обстоит хорошо. В 19-м часу нужно прийти в театр, и я спешила переодеться. Забежала к Володе и попросила его быстро собраться. Сначала было торжественное закрытие, вручение наград победителям фестиваля, потом состоялся концерт. Я сидела недалеко от Володи. Он внимательно слушал каждый номер. Великолепно прозвучала его песня «Только раз цветет любовь» в исполнении солистки ансамбля «Арника» (Львов) В. Комлик, под фонограмму. Я поздравила Володю с успехом. Утром дежурная гостиницы сказала, что он где-то в два часа ночи сам ушел из гостиницы. Поезд отходил в три.

Каким мне запомнился Володя? Он был в темно-голубом костюме, в черном гольфе, коричневых туфлях, черно-сером клетчатом пальто, в красном с черным мохеровом шарфе. Зная сложную натуру Володи, я обратила внимание только на то, что он сдержанный и молчаливый, серьезный. Он много курил. Он держался с достоинством и в то же время был внимателен к окружающим. Он работал активно, нотируя каждое выступление исполнителей. Ежедневно просматривал

свежие газеты, в которых сообщалось о ходе фестиваля. Просил принести номера, которые видел у других, и все аккуратно складывал в папки.

Заметив, как он внимательно слушает, я попросила сосчитать, сколько всего выступило ансамблей и солистов, на что он дал точный ответ. Вообще его комментарии были кратки, но чрезвычайно точные, высокопрофессиональные. Эти данные, точные характеристики, его высокие критерии в анализе выступлений я даже использовала в своей статье, напечатанной в журнале «Музыка», номер четыре за 1979 год. Название статьи — «Звоните, молодые голоса».

За то короткое время мне судилось пережить радостные чувства, связанные с открытием прекрасной человеческой души. В общении с Володей нельзя быть равнодушным. У меня такое впечатление, будто он — а это присуще талантливым людям — излучает свет...»

Володя вернулся домой утром — 24 апреля. Он был в хорошем настроении, но ничего не рассказывал матери о фестивале, о встречах с людьми. Он почему-то торопился. Помылся, побрился, переделся в чистое белье, взял свой портфель, с каким почти не расставался, и около первого часа дня сказал матери:

— Я иду, мама, в консерваторию. Задержусь там полтора-два часа. — И Володя вышел.

Прошло несколько часов, а он не приходил. Мать ждала его вечером. Была уверена, что он с кем-то задержался и вот-вот появится. Но он и вечером не вернулся, на следующий день его тоже не было. Мать обзвонила всех его львовских и Ивано-Франковских друзей, но его никто из них не видел. 26 апреля мать сообщила в милицию о загадочном исчезновении сына. Там ей сказали, что начнут поиски.

Я немедленно выехал в Львов, жена рассказала мне подробно все о Володе, и мы отправились вместе в районное отделение милиции, которое находилось на улице Зеленой. Там мы встретились со следователем Николаем Николаевичем, фамилию его мы не знали — он ее нам не назвал. Мы провели с ним короткий разговор. Просили его, чтобы милиция обратилась по радио к населению, но он ответил, что у нас не принято так делать.

Прошло еще несколько дней. О Володе никто из следственных органов не спрашивал нас ничего. Никто не интересовался им, не старался узнать от нас какие-нибудь детали, чтобы найти ту ниточку, ведущую к истине. Мы снова пошли к тому же следователю и спросили, почему никто не ищет композитора. Николай Николаевич ответил нам, что это дело тяжелое, и требовал терпения. У нас зарождалась мысль о том, что здесь никто не заинтересован, чтобы его найти. Когда мы, непрошенные, пришли уже в который раз в милицию, то в небольшой комнате застали пять-шесть студентов консерватории. Все они были в прекрасном настроении, со смехом говорили о чем-то веселом. У нас сложилось мнение, что там рассказывали остроумные анекдоты.

Этот смех поразил нас неприятно. С каждым днем у меня и жены вызревала мысль, что о Володе никто в следственных органах не беспокоится. Нам остается только одно: свести руки к небесам и просить у бога какого-то сочувствия и помощи. Мы только тогда поняли, что в нашей стране человек ужасно одинок.

От следователя Николая Николаевича, веселого и весьма разговорчивого, мы узнали, наконец-то, что в скором времени начнет расследование причин исчезновения и поиски Володи. Иван Петрович Сорока, очень опытный специалист. Это подняло наш падший дух. Мы впервые за много дней обрадовались, что кто-то умный возьмется за это дело. Но пробежало много дней, а мы об опытном Шерлоке

Холмсе ничего не слышали. Это было какое-то мифическое лицо, плод фантазии разговорчивого Николая Николаевича.

Мы связывались со многими городами Украины и с Москвой, где бывал Володя и имел друзей и знакомых. Всех расспрашивали. И все нам отвечали, что Володи у них нет.

Равнодушие и полнейшая пассивность львовского руководства и следственных органов нас злили. Мы отправились к прокурору Львовской области Б. Антоненко. Секретарша пошла в его кабинет, задержалась там на несколько минут, потом вышла и сказала нам, что у прокурора области нет сейчас времени, но во второй половине дня или на следующий день он нас примет. Мы пришли в назначенное время, но секретарша сказала, что прокурора нет, поехал куда-то улаживать дела.

Кабинет прокурора Б. Антоненко нужно было штурмом брать, и мы с женой были в отчаянии и не имели уже сил врываться силой к этому «государственному деятелю». В один из следующих дней секретарша сказала четко и категорически, что Б. Антоненко не примет нас, так как он занят неотложными делами.

Поведение прокурора Б. Антоненко казалось нам подозрительным и вызвало разные мысли и предположения. Мы были уверены, что он не хочет принять нас. Он сидит в кабинете и панически боится вести с нами разговор об исчезновении Володи и о том, почему следственные органы равнодушны к этому факту. Мы ощутили не только равнодушие, но и трусость Б. Антоненко. Он стал для нас серым чиновником, от которого нельзя надеяться на наименьшей помощи в горе. Мы перевели свое внимание на его заместителя Г. И. Кравца и отправились к нему. Он был в прокуратуре, а посетителей у него как раз не было. Нам сказали подождать — он нас примет. Мы вышли в коридор и ждали там долго, наверное, целых два часа. В это время к нему заходили только работники прокуратуры, которые не задерживались долго.

Нас, наконец-то, усталых и еще больше угнетенных, позвали в кабинет заместителя прокурора области. Он сказал нам изложить коротко историю нашего сына и высказать наши требования. Мы с женой рассказали ему все, что мучило нас, и просили, чтобы соответствующие органы начали поиски сына. Заместитель прокурора области что-то записал на листе бумаги и сказал:

— Сделаем все зависящее от нас...

После этой встречи прошло еще несколько дней. Мы, покинутые всеми на волю случая, металась по Львову, надеясь, что натолкнемся на некоторые следы Володи. Были готовы заплатить довольно значительную сумму тем, кто бы нам принес хотя бы самую малую информацию о местопребывании нашего сына. Мы же не видели никаких попыток органов найти Володю. Они будто не существовали в городе Львове. Через несколько дней я позвонил по телефону т. Кравцу, чтобы узнать, делается ли что-нибудь для выявления местопребывания сына. Но ответ его был коротким:

— Вы мне больше не звоните, дело вашего сына меня не касается... — и положил телефонную трубку.

Мы поняли, что заместитель прокурора области тоже боится иметь дело с нами. Мы были больно поражены этим отношением. Будто мы — не граждане Советского Союза и не имеем права рассчитывать на то, чтобы наши законы защищали нас и наших детей. Мы ощущали, что эти законники творят произвол, так как осознают, наверное, что никто их не покарает за то, что они не выполняют свои функции.

Мы с женой потеряли всякую ориентацию. Находясь в отчаянном состоянии, мы рассказывали своим знакомым о том, как от нас шарахаются те, которые должны стоять на стороже законов и мирного труда граждан. Рассказывали о том, что т. Антоненко и Кравец даже не хотят разговаривать с нами. Нам говорили в ответ, что прокурор области и его заместитель трусы. Они боятся высшего областного руководства. Если будут стараться слишком сильно выявить причины исчезновения Володи, то они будут вынуждены искать другую работу, обком партии им не простит. Поэтому они становились в позу неблагоприятных к нам людей, чтобы не испортить себе карьеру.

София Ивановна, мать композитора, была членом компартии с 1942 года. Вступила в ряды коммунистов в самый разгар войны. Она надеялась, что ее партия вмешается в эту печальную историю и как-то поможет найти ее сына. Она отправилась в Львовский обком КПУ, к секретарю по вопросам идеологии Д. А. Яремчуку. Рассказала ему со всеми деталями обо всем, что случилось с ее сыном, и попросила, чтобы обком вмешался, повлиял, чтобы компетентные органы нашли его. Д. А. Яремчук выслушал ее с равнодушием, слезы товарища по партии не оказали на него никакого впечатления, так как он не обещал ничего и не сделал ничего. Обкому будто бы не было никакого дела до того, что касалось рядовых членов партии. После этой встречи у матери возникла мысль, будто Д. Яремчук радовался, что так произошло.

Порог нашей квартиры уже почти никто не переступал, мы остались одиноки в этой страшной ситуации. Нашей моральной опорой были только чета Братуней и Казимирских. Ростислав Андреевич Братунь и его жена Неонила Николаевна сочувственно относились к нам. Каждый день беспокоились о нас, утешали и всячески поддерживали нас в беде. Семья известного украинского математика Петра Степановича Казимирского тоже искренне прониклась нашим горем.

— У нас возникла мысль, что Володю схватила какая-то банда преступников, похожих на тех, которые напали на него несколько недель назад, и держала его где-то в темном доме, ожидая, чтобы его выкупили. Каждое утро мы проверяли балкон, нет ли там какой-нибудь записки с требованием и условиями... Я и сам обращался к полукриминальным элементам, почти уличным женщинам, обещая им золотые горы за сведения о сыне. Я работал тогда в Черновицком университете доцентом кафедры украинской литературы и нужно было читать лекции. Поэтому постоянно ездил из Львова в Черновцы и наоборот.

Мнет очень больно было смотреть в глаза своим студентам, а своим черновицким знакомым я ничего не рассказывал, ведь у нас с большой радостью или со жгучей болью нельзя идти к людям, они же плеснут грязи в твою радость и слезы.

17 мая 1979 года я поехал в Черновцы, чтобы прочитать своим студентам несколько лекций. Нужно было завершать учебный год, готовить их к зачетам и экзаменам по предметам, которые я преподавал. В Львов я вернулся 19 мая во второй половине дня. Жену я не застал дома — ее вызвала прокуратура на опознание сына. Она вернулась домой полумертвая от ужаса, бледная, в слезах. Сказала, что 17 мая Володю нашли мертвым в воинской зоне леса поселка Брюховичи, возле Львова. Его нашли чисто случайно какие-то посторонние люди. Утром 18 мая тело мертвого привезли, в тайне от родителей, в Львов. В тот же день не вызвали мать, даже не предупредили. Было сразу ясно, что Володины «попечители» повылезали из кустов и айда распоряжаться посмертной судьбой популярного украинского композитора. Они не считали нужным вызвать родителей на опознание. Прокурор Б. Антоненко нарушил закон тем, что распорядился, чтобы сделали анатомии-

ческое вскрытие тела без предварительного опознания сына родителями. Аж на следующий день в 15 часов вызвали жену, чтобы опознала своего сына. Этот акт происходил в темном полуподвале. Матери показали только лицо сына, руку со знаком ожога папиросой и рубец после операции на аппендицит. Все тело Володи было покрыто покрывалом. Матери сказали, что ей не положений осматривать тело сына, потому что оно еще не зашито после вскрытия. Возникает вопрос, почему Б. Антоненко нарушил закон? Оказывается, что у прокурора вдруг проснулась жалость к матери. Интересно знать, где была его жалость тогда, когда мы, родители, ходили к нему просить, чтобы его подчиненные нашли исчезнувшего композитора, а он спрятался и слушать нас не хотел?

Мы были уверены, что Б. Антоненко творил свои нарушения не без поддержки и согласия обкома КПУ. Ведь общеизвестно, что карательные органы не делали ни шага без согласия и благословения обкома компартии. Секретари В. Ф. Добрик и Д. А. Яремчук были фактическими вершителями судьбы украинской творческой интеллигенции, они распространяли ненависть к ней, травили нежелательных. Исполнители их воли старались, кто больше, а кто меньше, зависимо от той морали, которую они унаследовали от своих родителей, исполняли волю носителей «чести и совести нашей эпохи».

Поведение Б. Антоненко меня разозлило. Своим одурачиванием он обидел не только сына, а и мать и всю нашу семью. В понедельник, 21 мая, я позвонил прокурору Львовской области и сказал ему, что акт опознания был проведен в темном полуподвальном помещении. Я, отец композитора, протестую против этой недостойной процедуры и не признаю ее. Поэтому прошу сегодня допустить меня к опознанию: хочу сам посмотреть. От моего требования Б. Антоненко впал в истерику и кричит злой скороговоркой в телефонную трубку:

— Что, не признаете? Заберите его к черту и смотрите на него сто лет.

— Нет, я его не заберу. Вы нарушаете элементарное родительское право, вы обманули мать композитора, если не допустите меня к моему сыну, то об этом будут знать руководители Украины и даже Москва. Пошлю телеграммы Л. И. Брежневу и В. В. Щербицкому.

Прокурор положил трубку. Во мне что-то кричало. Кто ты такой, Б. Антоненко, что позволяешь себе разговаривать со мной хамским тоном? Откуда ты приполз сюда, что стаешь в позу вершителя посмертной судьбы моего сына? Как твоя настоящая фамилия? Что общего имеешь с моим народом и его культурой?

Я начал составлять длинную-предлинную телеграмму на имя В. В. Щербицкого. Я видел, что Б. Антоненко горожится, так как его, наверное, поддерживает начальство. В телеграмме я просил, чтобы нас защитили от дерзкого социального психопата, который пользуется служебным положением и обижает семью трагически погибшего композитора. Л. И. Брежневу я не успел послать, потому что позвонил телефон. Нам сообщили из прокуратуры, что нам разрешено (!) прийти в морг в шестнадцать часов и опознать нашего сына.

Теперь началось то, что мы считали тогда и считаем по сей день грубым, откровенным садизмом подчиненных прокурора Б. Антоненко. Они, бесспорно, прошли инструктаж своего шефа. Мы с женой появились вовремя в морге, где нас ждал Я. И. Гнатив, следователь, который будет вести дело Володи, рядом с ним стоял какой-то упитанный человек лет под сорок, который назвал себя советником юстиции. Его фамилия осталась в моей записной книжке, которую я, к сожалению, не нашел. Они держали нас возле морга два часа. Следователь Я. И. Гнатив постоянно лез нам в душу своими расспросами о Володе. Я понял, что он выбрал

плохое место и плохое время для того, чтобы изучать нас, хочет знать наши мысли о смерти сына. Я не отвечал на его вопрос, теперь, когда сын лежал мертвым в нескольких шагах от нас, следовательно меня не интересовал. Тогда он начал надоедать жене своими расспросами. Нам выть хотелось от боли и ужаса, а он цинично выполнял свой служебный замысел.

Время проходило медленно. Приземистый напарник следователя Я. И. Гнатива на мой вопрос, почему нас держат так долго возле морга, ответил, что сначала нужно сына подготовить к опознанию. Я не понял, о какой подготовке он ведет речь. Мне казалось, что это была одна из форм издевательства чиновников. Б. Антоненко хочет показать свою власть над нами и отомстить за телеграмму в В. В. Щербицкому. И это удалось ему сделать.

От душевной боли и отчаяния, усталости мы едва держались на ногах. Это было бессмысленное и тяжелое ожидание. Минутами я ощущал, будто вот-вот упаду от страшной мысли о том, что сейчас пойду на последнюю встречу с сыном, мир перевернулся. Это страшное посещение нас обессилило до конца. Две часа ожидания... Чего же мы ждали?

Наконец-то, напарник следователя сказал, что мы можем зайти к сыну. Мы долго осматривали мертвого Володю. Впадал в глаза его деформированный нос, который был приплюснут, как иногда бывает у боксеров. Шея была чистая, на ней не было странгуляционной борозды. Я обратил на это внимание матери.

После этого жуткого осмотра мы отправились к выходу. Жена вышла с Я. И. Гнативым, а меня задержал его партнер, который сказал, чтобы я расписался в какой-то большой тетради. Не прочитав написанного, я написал свою фамилию чисто механически. Теперь ничто уже не имело значения для меня. После этого советник юстиции сказал зловредным тоном:

— Теперь ты мне смотри... Чтобы не было разговоров, понял? А то будешь иметь дело с нами...

Да, этот негодяй с серым одутловатым лицом дерзко тыкал мне, грозил, брал на испуг какой-то расправой. Это было как раз то, чему научил его Б. Антоненко во время своего инструктажа. Иначе откуда у него такая хамская распоясанность? Я же его видел впервые в жизни. Какую цель имели его угрозы в морге, в пяти-шести шагах от моего мертвого сына?

Я настаивал, чтобы нам показали одежду Володи. Ради этого мы сели в машину Я. И. Гнатива и поехали в прокуратуру Шевченковского района. Там мы снова простояли в коридоре, возле двери кабинета, более часа. И тут Я. Гнатив не отходил от нас. Его интересовало каждое наше слово. Чего, в сущности говоря, мы там ждали так долго? Неужели это было распоряжение Б. Антоненко, чтобы вымотать наши нервы?

Мы осмотрели там одежду Володи. Белье было нормальное. Рубашка и трусы чистые, только на плаще были следы мазута, а это означало, что сына везли в какой-то грязной грузовой машине. Пояса от плаща не было. Мы его не нашли среди вещей. Куда же он подевался?

В те же дни друзья Володи обратились к секретарю обкома партии Д. А. Яремчуку с просьбой, чтобы он разрешил напечатать некролог в газете, чтобы население узнало о трагической гибели молодого украинского композитора. Секретарь обкома партии даже к самой этой идее резко отрицательно отнесся. Сказал, что он не знает такого композитора. Владимир Ивасюк не был, дескать, членом Союза композиторов.

Политически недоразвитый партийный функционер и слышать не хотел

других мыслей или возражений, что же, это дело его совести и чести, его и задание в том, чтобы душисть теперь имя композитора подлинно так, как задушил его премию имени Николая Островского.

* * *

22 мая 1979 хоронили Володю — Львов был взволнован. Хотя партийный идеолог Д. А. Яремчук распорядился, чтобы работники служебных учреждений не побросали работу, а студентам пригрозил исключением из вузов или лишением стипендии за участие в похоронах крамольного композитора. Нам с женой рассказали женщины, которые работали в прокуратуре, что им тоже было запрещено покидать рабочие места во второй половине дня, когда проходили похороны Володи. Они не покинули место службы, но и не работали в это время, а сидели за столами и оплакивали печальную судьбу любимого композитора.

К дому, в котором жил Володя, пришло добрых пятьдесят тысяч людей. И это был ответ народа на реакционную политику руководителей области. Весьма интересен и другой факт. На похороны Володи приезжали поездами люди из сел Львовщины и других областей. Если люди были с венками в руках, водители такси спрашивали, для кого предназначены их венки, когда приезжие называли имя Владимира Ивасюка, то им отворяли дверцу и везли бесплатно, не брали с них денег. Несмотря на все усилия «запрещал», в четырнадцать часов дом композитора был окружен многими тысячами львовян и приезжих из других областей. Большой двор перед домом, части улиц Маяковского, Полтавской и Мечникова были заполнены народом. Любое движение там прекратилось. Части этих людей дали возможность заходить в комнаты, чтобы проститься со своим певцом. Но всех не могли впустить, — это заняло бы немало времени. Из многотысячного собрания прозвучали требования:

- Вынесите гроб на улицу!
- Мы хотим проститься с Володей!
- Покажите нам Володю!

Эти требования нельзя было удовлетворить, — двор был заполнен людьми. Чтобы вынести гроб, то нужно было заранее подготовиться к этому.

Родные, соседи, друзья начали снаряжать Володю в далекую дорогу. Когда вынесли гроб из квартиры на улицу В. Маяковского, львовская молодежь не разрешила положить ее в украшенный цветами и коврами кузов грузовой машины. Молодые львовяне понесли гроб на своих плечах. Люди устлали дорогу цветами почета и любви к композитору. Похороны превратились во всенародную манифестацию любви и боли, вызванную загадочной гибелью певца.

На Лычаковском кладбище говорил о Володе представитель консерватории, а поэт Р. Кудлик прочитал прощальное стихотворение, посвященное Володе, наконец-то, взял слово ответственный секретарь Львовского отделения Союза писателей Украины поэт Братунь. Его речь была преисполнена глубокой боли, ярко-патриотичного и благородного пафоса. Он сказал о том, что Володя был человеком огромного таланта, который мог раскрыть нашей музыкальной культуре новые горизонты, придать ей богатейшего звучания. Поэт утверждал, что Володя обогатил и украсил украинскую песню, романс, балладу. Его произведения звучали для всех народов Союза, их всюду исполняли только на украинском языке, который вызвал своей красотой восторг, высокие оценки.

Речь поэта Р. Братуня не понравилась секретарям обкома партии В. Ф. Добрику и Д. А. Яремчуку. Они предъявили обвинение поэту в том, что он своими

словами расшевелил, взволновал народ, который и в последующие дни сотнями и тысячами ходил на могилу своего певца, оплакивал его и проклинал тех, кто своей преступной травлей изжил его со света.

Парт-руководители В. Ф. Добрик и Д. А. Яремчук объявили просто-таки войну львовской молодежи, которая ходила на могилу композитора. Нам рассказывали, что нескольких студентов исключили из вузов, а многим перестали платить стипендию. Посещение могилы Володи стало крамолой. Но на это никто не обращал внимания и каждый день на этой могиле вырастали горы цветов, на них люди оставляли свои стихотворения, посвященные Володе. Другие посетители переписывали их и брали с собою домой. Нам рассказывали, что у отдельных людей есть целые тетради с этими стихами.

Секретари обкома В. Ф. Добрик и Д. А. Яремчук вылили свою злость и на большого друга Володи — поэта Р. Братуня. Они организовали в Союзе писателей позорное аутодафе для поэта, убрали его с должности ответственного секретаря писательской организации и начали примитивную акцию его травли, грубую и неумелую. Аморального же и малограмотного Б. Антоненко послали в студенческие и рабочие аудитории читать лекции о жизни и творчестве покойного композитора. И молодежь слушала его лекции, тупая ногами о пол до тех пор, пока он это бросал аудиторию. Нам передавали содержание его болтовни, и мы считали его выступления кощунством, наглостью полнейшего невежды. Мы написали письмо Л. И. Брежневу с просьбой запретить невежде Б. Антоненко оговаривать честную жизнь и светлое творчество — нашего сына.

Большое негодование вызвало то, что после смерти Володи мы с женой не могли добиться, чтобы нас ознакомили с делом Володи, в частности, с выводами экспертной комиссии. Нас держали на расстоянии от двухтомного дела, хотя мы энергично настаивали, чтобы ознакомили нас с делом. А это делал Б. Антоненко, который наложил руку на это двухтомное дело, держал почему-то его в секрете. Почему он, обижая родителей, ничтожно хитрил? На что он надеялся?

У нас возникла мысль привлечь его к судебной ответственности, но мы пришли к выводу, что ни один суд не примет нашей жалобы. Мы почти полгода добивались, чтобы он удовлетворил наше требование. Бесхребетность прокурора была вызвана указанием секретарей обкома В. Ф. Добрика и Д. А. Яремчука, которые почему-то считали себя вершителями человеческих судеб, были уверены, что им все разрешено, что они стоят выше всех законов.

Прошло более шести месяцев тревоги, нервов и усилий. Нас постоянно мучил вопрос: кто дал право каким-то малокультурным людишкам пренебрегать самыми элементарными и самыми святыми правами отца и матери? Это же настоящая наглость, произвол, терроризм беспардонных ничтожеств.

Наконец-то, над нами смиловались чиновничьи супермены, сделали нам ласку, разрешив, чтобы мы полистали страницы дела Володи со свидетельствами различных людей. Но и тут не обошлось без унижения — к нам приставили какого-то надзирателя, прокурорского прихвостня, который с первых минут заявил нам, что для просмотра двухтомного дела дается пятнадцать минут, и не разрешается делать никаких выписок, заметок. Я ощутил, что имею дело с людьми психически неуравновешенными или просто с обычными бездельниками, которые не знают ни чести, ни стыда, ни человеческой порядочности. Мы с женой дали согласие.

Прежде всего я набросился на выводы экспертной комиссии. Я не сомневался в хороших знаниях экспертов, но не сомневался и в том, что за ними стояли

В. Ф. Добрик, Д. А. Яремчук и Б. Антоненко. Разве можно приводить как одну из причин самоубийства то, что он не попал в список лиц, выдвинутых на получение премии имени Николая Островского? Документы же, как уже отмечалось, были своевременно оформлены Володи и сданы второму секретарю обкома комсомола и попали в рук секретаря обкома партии Д. А. Яремчука, который засунул их «под сукно», сказав, что еще рановато давать премию имени Островского Владимиру Ивасюку. Поэтому, из-за этого документы Володи не были отосланы в ЦК комсомола. А Володи об этом не сказали честно, откровенно, его просто обманули. Таким образом, можно утверждать, что моральным автором гибели Володи является Д. А. Яремчук.

После смерти Володи наговорено, особенно в чиновничьих кругах, много бессмысленного о нем с целью дискредитировать его популярность, творчество и хорошее имя, заработанное неусыпной работой и талантом. Никто из них не жалел украинского композитора, который пробуждал добрые чувства в сердцах своих соотечественников, его творчество не гармонировало с суловской идеологией. Поэтому много партийных функционеров запрещали в тихую его песни, чтобы заработать на этой травле и отрицании имени композитора хоть какой-нибудь паршивенький политический капиталец, необходимый для их карьеры.

Особенно беспощадными были партийные верховоды тогда, когда зашла речь о памятнике на могиле Володи. В. Ф. Добрик и Д. А. Яремчук запретили ставить такой памятник, как хотелось родителям композитора. Эти партийные недоброжелатели смотрели на все украинское по принципу «Чем хуже — тем лучше». Памятник Володи был готов в мастерской скульптора Николая Пасекиры еще в 1981 году, но упомянутые уже нами политические деятели запретили отливать его из бронзы на львовской фабрике. Он простоял в мастерской скульптора десять лет.

Мать композитора, Софья Ивановна, особенно болезненно переживала это старание посторонних людей сунуть свои грязные руки в родительское и материнское сердце. Она, член партии с 1942 года, старалась объяснить В. Ф. Добрику, что наш сын был честным творцом и что преследование В. Ф. Добриком его честного имени ничем не оправдано. Но он отказался ее принять. Тогда мать передала ему подробное письмо, в котором написала, что ее трое братьев — Иван, Павел, Василий — погибли на фронтах Великой Отечественной войны, а отец умер недалеко от Сталинграда, где он, человек преклонного возраста, помогал фронту. Все они похоронены в безымянных могилах, — на крестах или простых обелисках нет их имен. И вот она, мать композитора, просит, чтобы хотя бы ее сын, который вдохновенно воспел родную землю и ее людей в талантливых произведениях, имел на могиле приличный памятник. Но секретарь обкома В. Ф. Добрик даже не ответил на это страшное письмо, а это хамство тяжело поразило Софию Ивановну. Она ночами не спала от этой несправедливости, места себе не находила, тяжело заболела — с ней случился инсульт. Она и по сей день прикована к кровати. Так за почти сорокалетнее пребывание в рядах коммунистической партии один из ее видных проводников наградил ее тяжелым инсультом.

А памятник львовяне все-таки поставили такой, как нам, родителям и сестрам Володи, хотелось. Володя прожил только тридцать лет. Но те годы были удивительно содержательные, озаренные мечтой о доброте и красоте на земле. В жизни он имел счастье от творчества, от того, что зла никому не делал, никому не завидовал и неумолимо работал для своего времени и своего украинского народа, который дал ему силы быть выразителем чувств и мыслей своего поколения.

Оглавление

<i>Прасковья Нечаева. Осталась отцовская печаль (предисловие к первому изданию)</i>	2
<i>Мирослав Лазарук. Тяжелое приданое гения (предисловие ко второму изданию)</i>	4
Раздел первый	8
Раздел второй	14
Раздел третий	20
Раздел четвертый	26
Раздел пятый	34
Раздел шестой	39
Раздел седьмой	44
Раздел восьмой	51
Раздел девятый	56
Раздел десятый	61
Раздел одиннадцатый	67
Раздел двенадцатый	76
Раздел тринадцатый	81
Раздел четырнадцатый	88
Раздел пятнадцатый	94
Раздел шестнадцатый	99
Раздел семнадцатый	106
Раздел восемнадцатый	113
Раздел девятнадцатый	122
Раздел двадцатый	128
Раздел двадцать первый	135
Раздел двадцать второй	141
Раздел двадцать третий	149
Раздел двадцать четвертый	157
Раздел двадцать пятый	163